

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

**ИСЛАМСКАЯ РЕСПУБЛИКА ИРАН
В 90–е ГОДЫ**
(ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА)

Москва – 1998

ББК 65.7 (5 Ирн); 66.3 (5 Ирн)
И 87

Ответственный редактор
Мамедова Н.М.

ИСЛАМСКАЯ РЕСПУБЛИКА ИРАН В 90-е ГОДЫ
(ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА)
М., 1998, 164 с.
ISBN 5-89282-071-8

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

В книге освещаются актуальные проблемы экономического развития, политической и культурной жизни внешней политики и международных связей Ирана в последнем десятилетии XX века.

Издание осуществлено
при финансовой поддержке
Посольства Исламской
Республики Иран в России.

ISBN 5-89282-071-8

© Институт востоковедения РАН, 1998 г.

(Даже при нормальн

СОДЕРЖАНИЕ

предисловие (н.м.мамедова)	5
н.м.мамедова экономическое развитие ирана в 90–е годы – достижения и проблемы	8
а.з.арабаджян особенности в изменениях макроэкономической структуры экономики исламской республики иран в 80–х – первой половине 90–х годов	15
в.и.сажин россия и иран: проблемы стратегической перспективы	21
м. крутихин иран и проблемы экспорта каспийской нефти	31
л.е.скляров россия и иран в 90–е годы: новый этап взаимоотношений	40
м.т.мохтари к вопросу об отношениях ирана и россии	52
л.м.кулагина ирано–сирийские отношения на современном этапе	61
и.е.федорова отношения ирана и сша в середине 90–х гг.	70
е.в.дунаева иран и страны оэс: пять лет сотрудничества в расширенном составе	80
е.а.орлов исламская республика иран: возвращение к идее региональной державы	93
г.и.старченков иран в глобальном и региональном аспектах	107
в.б.кляшторина культурно–политическая доктрина ири в регионе (90–е гг.)	120
ю.а.рубинчик роль академии языка и литературы ири в совершенствовании терминологического состава персидского языка	130
дж.дорри модернизм в новейшей персидской прозе	137

CONTENTS

introduction (n.mamedova)	5
n.mamedova economic development of iran in 90's years – achievements and problems	8
a.arabajan peculiarities of the changes in the macroeconomical structure in iri in 80's – first halt of 90's.	15
v.sazhin russia and iran: problems of strategical future	21
m.krytihin iran and problems of caspian oil's export	31
l.sklayrov	

(Даже при нормальн

russia and iran in 90's	40
m.mohtari to a question of iran - russia relations	52
l.kulagina iran-syria relations at the present stage	61
i.fedorova iran-usa relations in middle 90's	70
e.dunaeva iran and countries oec: five years of cooperation in extended structure	80
e.orlov islamic republic of iran: returning to idea of regional state	93
g.starchenkov iran in global and regional aspects	107
v.klaychtorina the cultural and political doctrine of iri in region (90's)	120
yu.rubinichic a role of academy of language and literature of iri in improvement terminological structure of persian language	130
g.dorri modernism in contemporary persian novel	137
summary	162

(Даже при нормальн

ПРЕДИСЛОВИЕ

После свержения одной из старейших в мире монархий и установления впервые в истории Ирана государственного строя в виде исламской республики появилась уникальная возможность увидеть, как в конце XX века реализуется на практике исламское правление, построенное на основе шиитских представлений о “справедливом обществе”.

Для первого десятилетия существования исламского режима наиболее существенными были проблемы его институционализации, выработки такой государственно-политической структуры, которая смогла бы обеспечить нахождение у власти шиитских богословов, несмотря на имеющиеся в их среде противоречия.

В 80-е годы, после волны национализации крупной частной и иностранной собственности, страна жила в условиях “тоухидной экономики”, которая органично, казалось бы, сочеталась с антизападным внешнеполитическим курсом, с идеями экспорта исламской революции, с ужесточением внутривнутриполитической жизни, с введением исламских норм в практику не только бытовой, но и общественно-политической, культурной и экономической жизни. Все эти направления социально-экономической политики настолько соответствовали пропагандируемому в Иране шиитским представлениям о государстве, что всякое изменение курса, особенно в области экономики, отношений с мировым сообществом, казалось возможным лишь с изменением самого государственно-политического устройства.

Однако опыт второго десятилетия функционирования исламского правления показал, что созданная модель исламского общества не только жизнеспособна в экстремальных для страны условиях (послереволюционной разрухи, экономического бойкота, восьмилетней войны), но обладает потенциальной способностью к эволюции.

Главным стержнем этой эволюции стало изменение экономической модели, что было вызвано как объективными потребностями в значительной степени связанной с мировым рынком иранской экономики, так и укреплением экономических позиций тех социальных слоев, которые стали нуждаться в ослаблении государственного вмешательства в экономику. Но реформирование одного из составляющих, как правило, не может не затрагивать и других элементов общественной структуры. Победу Мохаммаду Хатами на президентских выборах в значительной мере обеспечили его взгляды о необходимости расширения и соблюдения конституционных гражданских прав, прав личности и собственности.

Идет поиск возможностей развития Ирана в русле мировых тенденций, но на национальной основе, в рамках сохраняющегося государственного строя, поиск своего “иранского капитализма”, который бы учитывал национальные и религиозные традиции иранского общества.

Как происходят в 90-е годы эти изменения, каковы их результаты в различных областях жизни Ирана? На эти вопросы и попытались ответить авторы данного сборника. В 90-е годы произошли и важнейшие геополитические изменения. В связи с распадом СССР и активизацией в 90-х годах восточного направления внешней политики России, значительно возросла геополитическая роль Ирана, которая в 90-х годах стала одним из важнейших аспектов его развития. И эта проблематика также стала объектом рассмотрения в ряде статей сборника.

Сборник составлен на основании материалов научной Конференции, проведенной сектором Ирана в мае 1997 г, некоторые из статей сохранили форму доклада.

В общей совокупности статьи сборника дают представление о различных сторонах жизни иранского общества в 90-е годы, касаясь и тех проблем, которые берут свои истоки в прошлом (например, оценка договоров 20-40-х годов между Россией и Ираном в свете современных представлений о нормах международного права в ст. М.Т.Мохтари). Особенно широко представлен так называемый “внешний блок”, освещающий самые разные аспекты внешней политики Ирана, его региональной политики, включающий прогнозные оценки отношений с Россией и который представлен статьями Е.В.Дунаевой, Л.М.Кулагиной, М.И.Крутихина, Е.А.Орлова, М.Т.Мохтари, В.И.Сажина, Г.И.Старченкова, И.Е.Федоровой. Взгляды, высказанные авторами этих статей, особенно по вопросам реалий экспорта “исламской революции”, геополитической значимости Ирана, совпадения или противоречий интересов Ирана и России по конкретным вопросам, оценки тех или иных исторических событий, не всегда совпадают, давая возможность увидеть яркую палитру мнений ученых различных востоковедных центров. Столь же различным является и подход авторов к оценкам политического и экономического положения в Иране, содержащийся в статьях А.З.Арабаджяна, Л.Е.Склярова,

(Даже при нормальн

Н.М.Мамедовой. Эти статьи дают также возможность увидеть, что многие проблемы, которые приходится преодолевать Ирану на пути к рыночным отношениям, имеют много сходства с проблемами, стоящими сейчас и перед Россией.

В сборнике широко представлен и культурно-идеологический аспект жизни Исламской Республики Иран, включая литературу, языковую политику, эволюцию культурологической доктрины.

Авторы надеются, что сборник не только поможет читателю ознакомиться с положением в Иране в последнее десятилетие уходящего века, но и заставит задуматься над проблемами соотношения нового и традиционного, возможностей адаптации исламских форм организации общества к технологическим потребностям современного развития, взаимосвязей различного типа цивилизаций, места современного исламского государственного устройства Ирана в его многовековой истории.

Сектор Ирана Института востоковедения РАН и авторы сборника выражают искреннюю признательность за финансовую поддержку и участие в подготовке сборника "Исламская республика Иран в 90-е годы" Посольству ИРИ в Москве, увидевшему за авторами право на их оценки, не всегда совпадающие с официальной позицией руководства России и Ирана.

Отв.редактор Н.М.Мамедова

(Даже при нормальн

Н. М. Мамедова

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИРАНА В 90–е ГОДЫ –ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Период 90–х годов представляет собой новый этап в экономическом развитии Исламской республики Иран.

Во–первых, с принятием в январе 1990г. первого пятилетнего плана социально–экономического развития в Иране началось осуществление новой экономической политики. Завершено выполнение Первого плана, принят и осуществляется Второй пятилетний план до 2000г., продолжающий основные направления этой новой политики, что дает основание говорить о некоторых ее итогах.

Во–вторых эти годы интересны и с точки зрения эволюции исламского режима как совокупности политической и экономической систем. В 80–е годы режим вопреки, а может быть и благодаря тяжелейшим экономическим условиям, связанным с последствиями революции, экономической блокады и восьмилетней войны,– устоял и сложился в пусть не эффективную с точки зрения экономического роста, но достаточно органичную систему, в которой несомненно авторитарному характеру политической надстройки соответствовала и жестко централизованная экономическая система. Именно опыт первого десятилетия исламского государства создал представление, или даже стереотип, об исламской экономике как о строго регламентируемой государством, тем более что и сами лидеры страны ссылались при создании такой экономики на исламские принципы. Поэтому политика бывшего до лета 1997г. президентом страны Али Акбара Хахеми–Рафсанджани по созданию более либеральной экономической системы, отказ от диктата в ценообразовании, во внешнеэкономической деятельности, по передаче госсобственности частному и муниципальному секторам,– явилась своеобразным вызовом этому стереотипу об исламской экономике, сложившемуся как в самом Иране, так и за его пределами. Переход к рыночным основам расценивается как поиск "иранского капитализма", собственного пути развития, что как и ранее объясняется и исламскими и конституционными принципами. В их числе, например, и необходимость оздоровления экономики для поднятия жизненного уровня населения, и недопущение монополизма государства в экономической сфере. До сих пор не только сохраняются, но и вполне "вписываются" в экономическую структуру и исламские фонды, и вакфы (например самый известный в Иране вакф имам Резы, который теперь является одним из организаторов свободной экономической зоны в Серахсе), переходящие на новые условия хозяйствования, и исламские банки, которые, кстати, начинают получать все большее распространение и в других мусульманских странах. Смена экономического курса не только не привела к политическим потрясениям, как в некоторых очень близких нам странах, но и выявила возможности исламской политической структуры адаптироваться к меняющимся экономическим реалиям.

Каковы же основные итоги экономического развития в 90–е годы?

1. Окончание ирано–иракской войны и особенно новый экономический курс Ирана привели к увеличению экономического потенциала страны, свидетельством чего стал рост основных макроэкономических показателей. Несмотря на значительные колебания, отчетлива повышательная тенденция ВВП, нормы капиталовложений, промышленного производства, промышленного экспорта, уровня образования населения.

Если конец 80–х годов был отмечен падением ВВП, то его среднегодовой прирост в период Первого пятилетнего плана хотя и не достиг запланированных 8,1%, однако составил достаточно высокий уровень – 7,6%. Правда в результате валютно–финансовых трудностей, вызванных образованием внешнего долга, ограничением импорта, резким падением курса риала и всплеском инфляции в 1994/95 г, этот первый год Второго пятилетнего плана оказался весьма сложным, и прирост ВВП в этом году не превысил 1,8%¹. Однако уже в 1995/96 г. он составил 4,2%, а благоприятная конъюнктура на нефтяном рынке в следующем году позволяет считать экспертные оценки в 4–5% как вполне вероятные. Правда, сейчас прогнозируется несколько понижительная тенденция цен на нефть, возможно на 5–6 долл. за барр., поэтому, несмотря на накопленные валютные резервы, возможно снижение импорта необходимых промышленности компонентов и, как следствие, снижение темпов роста ВВП до 3,5–2,5%². Однако даже в этом случае, когда достигнут достаточно высокий уровень ВВП, можно говорить о безусловно позитивных тенденциях роста, особенно с учетом изменения демографической политики, нацеленной на снижение среднегодовых

(Даже при нормальн

темпов прироста населения до уровня 1,5–1,7%.

Государству удалось в последние годы ликвидировать бюджетный дефицит, который в конце 80–х годов превышал 50%. Фактически без дефицита сводились бюджеты на 1995/96 и 1996/97 г.г., в принятом еще при правительстве Рафсанджани бюджете на 1997/98 г. предусматривалось даже небольшое превышение доходной части, несмотря на рост расходов на развитие на 32,3%. Правда, получение доходов от продажи акций государственных предприятий в сумме 1,3 млрд. долл., как и сбор налогов (на сумму 1,4 млрд. долл.) являются проблематичными³.

К числу важнейших макропоказателей следует отнести и норму народнохозяйственных накоплений, которая с 15,5% в 1990/91 г. поднялась до 21,5–22% в 1993/94–1994/95 г.г.

2. Особенно значительным представляется улучшение качества экономической и социальной инфраструктуры Ирана, обеспечивающее условия для облегчения взаимодействия с экономическими структурами различных секторов, с компаниями других стран.

Иран в 90–е годы стал не только инициатором, но и основным исполнителем проектов по созданию современной транспортной системы как в стране, так и регионе в целом. Особая роль принадлежит Ирану в создании единой железнодорожной сети региона, что непосредственно отвечает интересам членов Организации экономического сотрудничества и России.

Не меньшее значение имеет активная политика в отношении использования действующих нефтегазовых трубопроводов Ирана и их проектируемого потенциала. Особое внимание уделяется в последние несколько лет включенности Ирана в осуществление газовых проектов, которые смогли бы увеличить экспортный потенциал газовой отрасли страны. Усиленно ведется строительство крупных энергетических объектов, гидротехнических сооружений.

При проектировании и строительстве многих даже крупных и достаточно сложных в технологическом отношении инфраструктурных объектов все чаще начинают использоваться возможности иранских государственных и частных компаний.

3. Достаточно отчетливо проявилась в 90–е годы отраслевая диверсификация промышленности Ирана, включая горнодобывающую, а главное, обрабатывающую промышленность, что все более делает Иран как растущим потребителем ряда промышленных компонентов, так и поставщиком товаров, вполне конкурентоспособных с товарами других стран. Особенно следует при этом отметить появление новых экспортных производств, возникших в основном при участии ведущих компаний развитых стран, особенно нефтехимических комплексов, заводов по производству минеральных удобрений, металлургических комбинатов. Хотя по сравнению с экспортом нефти объем промышленного экспорта еще очень невелик, достигнув в 1997 г. одного млрд. долл., тем не менее по сравнению с 1989 г. он вырос почти в 20 раз и имеет реальные перспективы на увеличение.

4. Одной из важнейших составляющих экономического потенциала Ирана в 90–е годы стало совершенствование его законодательной базы. Именно в эти годы экономическая политика страны получила юридическую отчетливость. Были приняты или находятся в стадии разработки основные экономические законы, касающиеся общих и конкретизированных направлений государственного финансирования (например, 1–й и 2–й планы социально–экономического развития), налогообложения, внешнеэкономической деятельности. Изыскиваются возможности законодательного приближения исламских норм к новым условиям хозяйствования. Так, например, в условиях исламской банковской системы, являющейся пока полностью государственной и запрещающей использование ссудного процента, стали вводиться “ партнерские акции”, чтобы привлечь частные сбережения в инвестиционные проекты. Несомненно, это явилось фактором, стабилизирующим как экономическую ситуацию в стране, так и ее внешнеэкономические связи.

Однако экономическое развитие 90–х годов, не смогло смягчить некоторые из “старых” проблем страны и породило новые. Какие же это проблемы?

1. Несмотря на то, что одним из главных направлений экономической политики, как впрочем и в 80–е, да и в 70–е годы, было ослабление от зависимости валютных поступлений и бюджета от экспорта нефти, уязвимость иранской экономики от нефти продолжает сохраняться. Ненефтяной экспорт удалось довести чуть ли не до 3 млрд. долл., однако, даже в плановых заданиях к 2000 г. именно поступления от нефти являются основным источником формирования валютного и более половины риалового бюджета⁵.

Налоговая политика до сих пор неэффективна, а сама налоговая система находится в процессе изменения, не унифицирована, налоговые статьи бюджета, как правило, не исполняются.

2. Новой, и пожалуй, самой сложной для Ирана проблемой стало образование внешнего долга. С подобной проблемой Иран не сталкивался уже много десятилетий. Общая сумма долга по состоянию на 1994 г. составила 22,7 млрд. долл., в том числе средне и долгосрочного 15,6 млрд. долл.⁶. Относительно ВВП доля внешнего долга превысила в 1994 г. 30%. Обязательства перед иностранными банками превысили в 1995 г. 11 млрд. долл. Однако Ирану удалось

(Даже при нормальн

реструктуризировать свой долг, сумма его выплат на 1997 г. – 4,7 млрд. долл. Иран рассчитывает к концу века, т.е. к концу выполнения Второго пятилетнего плана полностью покрыть свой внешний долг. Тем не менее, до конца 90-х годов значительные средства стране придется отвлекать на обслуживание долга.

Многими противниками рыночных реформ этот факт расценивается как плата за новый экономический курс, за либерализацию импортной политики, как средство давления на продолжение рыночных реформ. Сам по себе факт образования внешнего долга, вызванный резким ростом импорта в начале 90-х годов, не представлял бы особой проблемы, тем более что его доля не превышает половины ВВП (как, например, у Турции (в 1993 г. – 55,3%, а только его обслуживание – 28,3%) и практически равняется годовому экспорту страны).

Однако проблема отношений с США, ужесточение в 1995–1997 гг. позиций администрации Клинтона по отношению к Ирану (достоточно напомнить о последнем законе д'Амато летом 1996 года), делают проблему оплаты долга для Ирана весьма напряженной. Однако, из-за позиции европейских стран и Японии, не принявших безоговорочно политику США в отношении Ирана, а также из-за весьма вероятной в результате прихода новой правительственной команды избранного в 1997г. Президентом страны Мохаммада Хатами либерализации внешнеполитического курса Ирана, вряд ли следует ожидать дальнейшего ужесточения давления США на международные финансовые центры, а следовательно, и обострения трудностей с погашением Ираном внешнего долга.

3. Тесно связана с проблемой внешнего долга и другая весьма острая для страны проблема – инфляция и падение курса риала. Несмотря на попытки ввести твердый курс риала с 1993г., его не удалось удержать. Не принесло позитивных результатов и введение плавающего курса, которое обычно дает хорошие результаты в странах со стабильной и предсказуемой бюджетной политикой. Только за 1995г. он с 1736 риалов подскочил до 3 тыс., т.е. в 1,7 раза. Фактический курс вдвое выше. Такое ползучее обесценение риала затрудняет реальный рост ВВП, промышленного производства. Недаром так часто, как никогда раньше, Иран вводит новые базы постоянных цен для статистических оценок важнейших макроэкономических показателей. Падение риала является одним из важнейших факторов инфляции, увеличивает риаловый эквивалент внешнего долга Ирана, снижает реальный рост фиксированных доходов населения.

4. Либерализация экономики породила еще одну проблему, с которой режиму не пришлось практически сталкиваться в 80-е годы с их крайне низким и более менее равномерно-низким жизненным уровнем населения. Размеры национального дохода, которые с 2500 долл. в конце 70-х снизились к началу 90-х годов в пять раз, стали быстро расти. А вместе с этим стала нарастать и неравномерность в их распределении. Разрыв в расходах иранских семей, разбитых на 10 групп, достиг между крайними группами в 1993/94 г. 15,5 раз. Но пока этот разрыв достиг социально опасного уровня лишь для крайних групп населения, внутри остальных он пока достаточно равномерен, отличаясь в 2–4 раза. В дальнейшем многое будет зависеть от способности правительства воспользоваться этим резервом для маневрирования, чтобы обеспечить более безболезненный переход общества к рыночной экономике.

Пока в целом это государству удавалось, так как оно одновременно с введением свободных цен и продажей государственных предприятий пытается ввести новые механизмы социальной защиты, более адекватные рыночным условиям. Так, например, подготовлен закон о борьбе с бедностью, который предусматривает более адресную и целенаправленную поддержку нуждающихся слоев населения. Правительство продолжает и выделять дотации на поддержание низких цен на важнейшие товары и услуги, хотя их число теперь не достигает и десятка наименований. В их число входят пшеница, рис, медикаменты, сахар, растительное масло. В бюджете на 1995/96 г. на эти цели было выделено 1,25 млрд. долл, в бюджете на 1996/97г. – 1,46 млрд. долл.

Продолжается осуществление программ по благоустройству деревень и малых городов, отсталых регионов страны, улучшению обеспечения населения питьевой водой, электричеством, жилищным фондом и т.п. Все это безусловно способствовало тому, что иранское общество в целом признало необходимость реформ, что является одним из факторов их продвижения.

5. Наконец, нельзя не остановиться на проблеме, типичной для стран догоняющего развития, но столь болезненной для исламского режима с его стремлением добиться независимости от развитых стран, периодически вступающего в идеологически-конфронтационные отношения с ведущими державами. Это – проблема промышленной зависимости от развитых стран, углубляющаяся по мере увеличения промышленного потенциала Ирана. Переориентация в 90-е годы на экспорториентированный тип индустриализации, который позволил бы усилить элементы взаимозависимости с мировым рынком, пока не дал ожидаемых результатов. Сбой в импортных поставках в Иран в 1994–95 гг. в связи с ростом внешнего долга отрицательно сказался лишь на иранской промышленности, например, даже предприятия традиционной отрасли – текстильной –

(Даже при нормальн

оказались загруженными в 1994/95 г. лишь на 56% своих мощностей.

Тем не менее представляется, что к настоящему времени позитивные оценки экономического состояния Ирана явно перевешивают возникшие или продолжающие существовать проблемы. Возможности дальнейшего экономического роста в русле избранного направления не вступают пока в противоречие с сохраняющейся государственной и политической структурой, а избрание президентом страны Мохаммада Хатами, разделяющего взгляды на необходимость модернизации не только экономической, но и политической системы в сторону ее большей демократизации, позволяют прогнозировать углубление экономических реформ, большую степень подключенности Ирана к руслу общемировых экономических тенденций, а следовательно, и наращивание его экономического потенциала.

1 EIU Country Profile, 1 st quarter 1997, p. 5.

2 В конце 1996 г. Некоторые западные аналитики предполагали рост ВВП ИРИ до 4%. Reuter, Washington, 1.11.1996.

3 Middle East Economic Digest, 24 january, 1997, p. 18.

4 EIU Country Profile 1996–1997, p. 36.

5 Law of the Second Five–Year Economic, Social and Cultural Development Plan of the IRI, t. 4, 11/

6 EIU Iran Country Profile 1996–1997, p. 48.

7 EIU Turkey Country Profile 1996–1997, p. 53.

ОСОБЕННОСТИ В ИЗМЕНЕНИЯХ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ЭКОНОМИКИ
ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН
В 80–х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 90–х ГОДОВ

С марта 1995 г. в ИРИ стал действовать “Второй план экономического, социального и культурного развития Исламской республики Иран”¹, охватывающий период времени с 1995/96 по 1999/2000 год.

Уже в связи с этим, как и с приближающимся двадцатилетием существования ИРИ (1999 г.), стоит посмотреть – с чем пришла и приходит экономика страны к этим вехам жизни иранского общества.

В данной статье для рассмотрения взят отрезок времени с 1976/77 по 1994/95 год. Начальная дата еще свободна от дыхания иранской революции 1978–1979 гг., а конечная – приемлема тем, что она отстоит на достаточном расстоянии от ирано–иракской войны, завершившейся в 1989 году.

Что представлял собою Иран накануне вступления в силу Второго плана развития, т.е. в 1994/95 году?

Страну с более чем шестидесятимиллионным населением (60,1 млн. чел. в 1994/95 г.). Между тем в начале рассматриваемого периода его население равнялось 33,6 млн. человек. Такой рост (почти вдвое) произошел за 18 лет при среднегодовых темпах прироста населения в 3,2%.

За это время общественный продукт страны (в данном случае ВВП в текущих факторных ценах) возрос без малого в тридцать раз (с 4440,8 млрд. риалов до 129350,8 млрд. риалов, или в 29,5 раза) при среднегодовом темпе прироста 20,7%. В абсолютном выражении он подошел к порогу 130 триллионов риалов. В 1976/77 г. данный показатель превышал лишь 4 триллиона риалов.

В долларовой выражении в 1994/95 г. ВВП составил 75 млрд. долл. (пересчет сделан по официальному курсу Центрального банка ИРИ 1 дол. = 1747,5 риала). В 1976/77 г. был эквивалентен 63,2 млрд. долл. (пересчет сделан по официальному курсу указанного года – 70,222 риала). Подсчитанный на долларовой основе, позволяющей вывести за скобки влияние инфляции на показатель реального роста, среднегодовой темп прироста ВВП оказывается равным за 18 лет одному проценту, а не 20,7%. Этот вывод подтверждается и при подсчете, сделанном на базе постоянных цен (в данном случае – 1982/83 г.). Он оказывается равным 0,8%.

Как в описанных условиях обстояло дело с ВВП, взятом в расчете на душу населения, т.е. с показателем, заключающем в себе синтезированный результат действия многих факторов? В 1976/77 г. он был равен 1877 долларам (или 156 долларам в месяц). В 1994/95 г. его величина оказалась равной 1248 долларам (или 104 долларам в месячном исчислении).

Есть основания полагать, что среди ряда факторов, ставших причиной показанной выше разнuzданной инфляции, главенствующую роль играли рост населения, опережавший рост производства, в сочетании с длившейся почти восемь лет ирано–иракской войной.

В связи с этим обращает на себя внимание изменение пропорций, в которых использовался ВВП (в текущих рыночных ценах) по трем статьям (в%):

	1976/7 7	1981/8 2	1989/9 0	1991/9 2	1994/9 5
Частные потребительски е расходы	36,4	57,9	66,8	63,2	56,0
Государственн ые потребительски е расходы	22,1	20,8	14,3	10,7	12,6

(Даже при нормальн

ВВВОК	32,8	19,0	13,3	21,6	23,6
-------	------	------	------	------	------

В рамках рассматриваемого периода расходы по первой статье выросли в 43,6 раза (среднегодовой темп прироста 23,3%), по второй в 19,8 раза (среднегодовой темп прироста 7,2%), по третьей статье в 18,8 раза (среднегодовой темп прироста 17,7%). Таким образом, наименьшим был прирост ВВВОК, которые обеспечивают финансирование материально–технической базы расширенного воспроизводства общественного продукта.

Очевидно, что за всем этим не мог не стоять рост эмиссии банкнот. Общая сумма денег, находившихся в обращении, в 1976/77 г. равнялась 320 млрд. риалов. В 1980/81 г. она достигла 1492 млрд. риалов (то есть выросла почти в пять раз), в 1990/91 г., иначе говоря, уже после завершения ирано–иракской войны она составляла 4450 млрд. риалов. То есть за десятилетие, почти заполненное войной, она выросла без малого в три раза. За последующие годы, делая ежегодно гигантские скачки, она к концу 1994/95 г. составила 9752 млрд. риалов. Иначе говоря, за четыре года эмиссия выросла более чем вдвое (среднегодовой темп прироста составил 21,7%. За весь же период таковой равнялся 20,9%).

Сделанные подсчеты дают основание сказать, что практически по среднегодовым темпам прироста в рассматриваемое восемнадцатилетие рост ВВП (20,7%) частные потребительские расходы (23,3%) и инфляция (20,6%) шли в ногу.

Каково было дело в нефтяной промышленности, обеспечивавшей традиционно (с начала 10–х годов ныне истекающего века) валютно–становой хребет экономики?

В начальном для рассматриваемого отрезка времени году – 1976/77 г. в стране было добыто 299,7 млн. т нефти, из коих 262,9 млн. т было экспортировано. В конечном, 1994/95 г. добыча нефти составила 180 млн. т, из коих экспортировано было 111 млн. т. В промежуточные годы кривая как добычи, так и экспорта представляет собой седловину с такими глубокими ямами, как 1980/81 г. (добыча – 74, экспорт – 38 млн. т) и 1981/82 г. (74 и 40 млн. т соответственно). В ИРИ за 1979/80–1994/95 г., то есть за 16 лет было добыто 2215 млн. т нефти и экспортировано 1437 млн. т. Иначе говоря, было добыто и экспортировано примерно столько же, сколько в дореволюционном Иране за 1969/70–1978/79 гг., или за 10 лет.

Валютные поступления от экспорта нефти, полученные ИРИ за 16 лет, оставили примерно 225 млрд. долл. Весьма симптоматично с точки зрения эффективности их использования следующее: за предшествовавшие этому периоду двадцать лет доходы шахского Ирана от нефти составили лишь около 115 млрд. долл. Вспомним, что пора высоких цен на нефть началась с 1974/75 г., т.е. лишь за 5 лет до падения монархии. Это обстоятельство дает основание для анализа, результаты которого могут оказаться весьма важными при оценке экономической системы ИРИ и эффективности ее функционирования. Таков был в самом общем изложении путь, пройденный экономикой ИРИ накануне вступления в действие Второго плана развития. Приведенные выше макроэкономические параметры дают возможность увидеть относительную величину заданий, заложенных во Второй план.

В нем предусматривается следующее:

В течение пятилетия ВВП ИРИ в ценах 1982/83 г. должен возрасти среднегодовыми темпами прироста, равными 5,1% (в предшествовавшее пятилетие он был равен 6,3%).

Среднегодовой темп прироста ВВВОК предусмотрен в размере 6,2%. В предыдущие пять лет он составил 13,3%.

Норма накопления в начальном году плана должна быть равной 16,4% (в 1994/95 г. она составила 21,5%), а в заключающем году 13%.

В последнем году пятилетки (1999/2000 г.) ВВП должен составить: в ценах 1982/83 г. 17635,3 млрд. риалов против 13766,3 млрд. риалов в 1994/95 г. В текущих ценах – 265723 млрд. риалов против 115703 млрд. риалов в 1994/95 г. Среднегодовой темп прироста инфляции в период 1982/83–1999/2000 гг. оказывается равным 72% против 53% в 1982/83–1994/95 гг. В текущих ценах темп прироста ВВП, исходя из приведенных данных, должен составить 18%.

Естественен вопрос: какова общая сумма ассигнований на развитие?

Исчисленная в плане на базе текущих цен, она предусмотрена в размере 105029 млрд. риалов. В тексте плана не дается долларовой эквивалент этой суммы. Но можно, исходя из косвенных данных, считать ее равной 63577 млн. долл. Много это или мало? Судить можно по тому, что, как было отмечено выше, весь ВВП страны в долларовом выражении составлял в 1994/95 г. 75 млрд. риалов. И еще одна цифра в связи с этим и безотносительно к нему. Общая сумма доходов от нефти за пятилетие предусматривается в размере 72658 млн. долларов.

В заключение следует сказать, что Второй план имеет свою философско–экономическую основу. Она покоится на положениях статьи 43 Конституции ИРИ, принятой еще в декабре 1979 г., т.е. при

(Даже при нормальн

Хомейни.

Как о цели ИРИ в ней говорится об обеспечении экономической независимости общества и искоренении нищеты и лишений и удовлетворения потребностей человека в процессе его развития и сохранения его достоинства.

Весьма примечательный запове – обеспечение экономической независимости. Не больше и не меньше. Не преодоление экономической отсталости, не повышение уровня экономического развития, а именно экономическая независимость.

Если учесть, что во времена, когда принималось конституция, господствовали идеи так называемой тоухидной экономики, способные обречь общество лишь на автаркическую отсталость или, что то же самое, отсталость автаркии, если учесть при этом, что во Втором плане все нацелено на преодоление экономической отсталости на тех же путях, что и в дореволюционном Иране, и составители плана стремятся предложить то, что далеко не безуспешно осуществлялось в ту пору (см. табл.), станет очевидным, что из категории “экономическая независимость”, фигурирующей в Конституции ИРИ, вынута ее “банисадровское” понимание и заменено, судя по содержанию плана, пониманием здравым, с чем и можно поздравить руководителей ИРИ. Возможно, эта небольшая манипуляция и придает, как мне показалось, экономической концепции философичность.

Таблица

Отраслевая структура ВВП Ирана
(в %, на базе текущих факторных цен)

	ГОДЫ							
	1959/601	1967/682	1972/733	1977/784	1986/875	1989/906	1994/957	1999/20008
Сельское хоз–во	29,9	22,8	16,1	9,3	24,0	24,7	21,1	24,5
Промышленность	27,7	34,8	41,8	44,8	14,4	18,7	34,2	34,5
горнодобывающа я и обрабатывающа я	10,8	13,5	13,8	12,3	9,3	11,3	14,2	15,9
электроэнергетик а и водоснабжение	0,4	1,3	1,5	0,7	1,0	1,1	1,0	2,8
нефтяная	16,5	20,0	26,5	31,8	4,1	6,3	18,9	15,7
Строительство	4,7	5,0	5,1	9,5	7,4	4,8	3,4	3,8
Транспорт и связь	9,6	5,9	4,4	3,9	7,3	6,6	6,3	7,9
Торговля	8,0	8,4	7,2	5,8	17,6	20,4	15,4	29,

(Даже при нормальн

Услуги	20, 1	23, 1	25, 4	26, 7	29, 8	25, 3	(20, 4 (	3
Минус: начисленная оплата банковских услуг					0,5	0,5	0,8	

Источники: “Хесабхае меллие Иран 1338–56”, с.95; “Салнамее амарие кешвар 1372”, с.604; “Салнамее амарие кешвар 1374”, с.642; “Кануне барнамее доввومه тоусезе эктесади эджтемаи ва фархангие джомхурие эсламие Иран (1378–1374)”, с.115.

- 1 Начальный год введения статистики общественного продукта
- 2 Завершающий год Третьего плана развития Ирана
- 3 Завершающий год Четвертого плана развития Ирана
- 4 Завершающий год Пятого плана развития Ирана
- 5 Составителями плана абсолютные показатели подсчитаны на базе цен 1982/83 г. Торговля отдельной позицией не выделена
- 6 На горнодобывающую промышленность приходилось в среднем 0,5%.

Возможно, следование ей поможет преодолеть тот откат в макроэкономической структуре иранского общества (см. табл.), который был вызван злключениями во внутренней и внешней политике исламского режима в пору его появления и становления. Вероятнее всего на это ему потребуется не одно пятилетие.

1 “Кануне барнамее доввومه тоусезе эктесади, эджтемаи ва фархангие джомхурие эсламие Иран (1378–1374). Мосавабе 20, 9, 1373 маджлесе шоурае эслами2.

РОССИЯ И ИРАН: ПРОБЛЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

Глобальные исторические процессы 80–х – 90–х годов привели к коренным изменениям в расстановке политических и военных сил на планете.

В течение более четырех послевоенных десятилетий политико–идеологическая и военная конфронтация "коммунизма и капитализма" на глобальном уровне практически разделяла мир на две составляющие: СССР, их союзники и сочувствующие – США, их союзники и сочувствующие.

Однако конец "холодной войны" ознаменовал собой возникновение новых реалий. Привычное устройство мира, сложившееся после Второй мировой войны, было нарушено. Политическое, идеологическое и военное противостояние двух сверхдержав СССР – США, двух блоков – Варшавского Договора и НАТО отошло в прошлое. На смену двухполярному миру, просуществовавшему несколько десятилетий, идет многополярный. Возникли новые "центры силы": США, Европа, Япония, Китай, Юго–восточная Азия и, конечно, Россия. На их основе формируется новая система взаимоотношений – сложнейших переплетений сотрудничества и противоборства. Такую расстановку сил недавно официально признали лидеры России и Китая в подписанных ими документах.

В этих условиях ни Россия – преемница СССР, – ни США не в состоянии в желаемой для них степени влиять на события в бывших подконтрольных им регионах мира. Поэтому в новых геополитических условиях страны так называемого "третьего мира" все больше становятся самостоятельным, определяющим фактором международной, в том числе и военной политики. С этим приходится считаться всем участникам "клуба сильных мира сего" и строить отношения с такими странами на новых принципах, не в последнюю очередь с учетом сложнейших взаимосвязей внутри "клуба", с учетом сдержек и противовесов. В рамках же самого "третьего мира" правомерно вычленив особую группу стран, а именно – мусульманских, оказывающих все более мощное воздействие на ход истории. С этой точки зрения значительный интерес представляет Исламская Республика Иран с ее конституционно–структуризированной исламской системой власти.

Как нам кажется, роль и место России, ее возможности в рамках политико–экономической структуры многополюсного мира – немалые. Какой вектор приоритетных отношений выберет демократическая Россия в новой глобальной системе? Каким союзам она отдаст предпочтение? Вне всякого сомнения, от ответов на эти вопросы во многом зависит устойчивость нынешнего сложного мира.

В этом плане большое значение приобретают российско–иранские связи, как нам кажется, далеко выходящие за рамки двусторонних отношений.

Исторически сложилось, что Персия издавна являлась для России традиционным политическим и торгово–экономическим партнером на Востоке. Несмотря на неоднократные войны между двумя странами в XVIII – XIX веках, Персия на протяжении столетий оставалась одним из важных направлений российской восточной политики.

И в настоящее время Исламская Республика Иран представляет стратегический интерес для Москвы. И интерес этот, причем обоюдный, включает политические, экономические и военные сферы в двустороннем, региональном и глобальном масштабах.

Двусторонние отношения между Россией и Ираном охватывают прежде всего экономические и военно–технические сферы. Безусловно, иранский рынок технологий и товаров, особенно в условиях полублокады ИРИ со стороны Запада, чрезвычайно привлекателен для России и перспективен. С начала 60–х годов в Иране при содействии СССР было сооружено более 120 объектов. И в настоящее время российско–иранское сотрудничество осуществляется во многих сферах экономики. Сумма контрактов достигает 2 млрд. долларов. К 2006 году планируется увеличить российский экспорт в ИРИ почти в 2,6 раза. Представляется, что основная задача экономической политики России в ИРИ заключается не только в расширении плацдарма на иранском экономическом пространстве, но и в

(Даже при нормальн

создании условий и гарантий для его удержания на долгие годы при любых возможных изменениях внутривнутриполитической обстановки и конъюнктуры. Необходимо использовать создающуюся ситуацию (полублокады Ирана) для долговременного торгово–экономического присутствия России в Иране.

Особое место в российско–иранских торгово–экономических отношениях занимает военно–техническое сотрудничество. Это очень тонкая и щепетильная проблема. Россия взяла на себя обязательства по программе КОКОМ, диктующие запреты на поставки оружия и военной техники Ирану. Конечно, принимая во внимание широкомасштабную программу военного строительства в Исламской Республике Иран, а также реально и фактически продолжающееся международное эмбарго на военные поставки в ИРИ (которое не соблюдается Китаем, Северной Кореей), для России было бы заманчиво в условиях жесточайшей конкуренции во всем мире на рынке оружия стать основным партнером Ирана в области военно–технического сотрудничества.

Региональный интерес России по отношению к Ирану определяется тремя группами проблем:

Первая – проблема Афганистана. Анализ обстановки в Афганистане и вокруг него свидетельствует, что последние события в этой стране, связанные с взрывообразным появлением на политической и военной арене Исламского движения Талибан и в результате – с ужесточением гражданской войны, раскололи не только афганское общество минимум на две части, но и притянули как магнитом целую группу стран, объективно, в соответствии со своими национальными интересами сосредоточившихся вокруг этих частей – или талибов, или пропрезидентской коалиции. Причем, в победе талибов (или во всяком случае в их непоражении) заинтересованы США, Саудовская Аравия, Пакистан. С другой стороны, такое развитие событий не совсем устроило бы (или совсем не устроило бы) Иран, Россию и Индию (по разным причинам) и нанесло бы удар по их интересам в этом регионе. Подтверждением этому является тот факт, что лидеры талибов официально заявили, что Иран, Россия и Индия являются главными внешними врагами Исламского движения Талибан. Таким образом, ситуация в Афганистане объективно делает Иран и Россию своеобразными региональными союзниками.

Вторая – проблема Таджикистана. На протяжении долгих лет внутритаджикского противоборства официальные, позиции как России, так и Ирана претерпели значительные изменения: от полной и безоговорочной поддержки одной из сторон (причем, прямо противоположных), до компромиссных позиций, отражающих объективные политические реальности обстановки в Таджикистане (безусловно, с учетом собственных интересов в этой стране). Можно сказать, что и Москва, и Тегеран с двух противоположных сторон шли к общему перекрестку. Далее, по мнению российских и иранских официальных властей, для Таджикистана есть лишь одна дорога – мирное, политическое урегулирование и создание коалиционного переходного правительства. Для такого трудного для обеих противоборствующих в Таджикистане сторон решения потребовались значительные совместные усилия как Москвы, так и Тегерана, (где собственно и проходили поочередно межтаджикские переговоры), чтобы заставить поддерживаемые ими стороны перейти от войны к конструктивному диалогу. В этой связи большое значение имел официальный визит президента ИРИ Хашеми Рафсанджани в Центральную Азию. Так что и Таджикистан волей–неволей сближает Россию и Иран на почве регионального партнерства.

Третья – проблема Каспийского моря. Известно, что после распада СССР на Каспии кроме Ирана и России появились еще три прибрежных государства – Азербайджан, Казахстан и Туркменистан. Это чрезвычайно усложнило и запутало проблему статуса Каспийского моря, поскольку Каспий – это нефть, это нефтяная инфраструктура, это, наконец, огромные деньги, а значит и политика.

На сегодняшний день существует несколько возможностей решения проблемы Каспия. Мы не будем здесь на них останавливаться. Скажем главное: симптоматично, что и в данном случае позиции России и Ирана или идентичны, или близки. Они полагают, что все юридические права по Каспию и его ресурсам принадлежат только прикаспийским странам. Более того, и РФ, и ИРИ выступают против активного проникновения иностранных нефтяных компаний в зону Каспийского моря и считают их деятельность незаконной, пока не определен новый правовой статус Каспийского моря и, следовательно, не решен вопрос о том, на каком основании будут распределяться нефтяные ресурсы Каспия между прибрежными государствами. Все это, безусловно, сближает Россию и Иран.

(Даже при нормальн

Мы рассмотрели точки соприкосновения национальных интересов двух стран, лежащих в плоскости двусторонних и региональных взаимосвязей. Однако в настоящее время, в силу создавшейся новой геополитической обстановки, российско–иранские отношения следует рассматривать в более широком плане, через призму нынешнего устройства мира. В этой связи корректен вопрос: какое место занимают российско–иранские связи в системе "центров сил". Это сложный вопрос.

Представляется совершенно естественным, что любые альянсы с участием России в рамках упомянутой глобальной системы в определенной степени могут изменить в ту или иную сторону соотношение сил. И в этой связи укрепление политических и военных контактов России с Ираном, как одним из основных государств исламского мира, превосходит значение двустороннего и регионального масштабов и приобретает глобальный стратегический смысл.

Для объективной оценки стратегического значения российско–иранских отношений на нынешнем историческом этапе представляется необходимым, насколько это возможно (поскольку дело это пока чрезвычайно сложное), определить геополитическое положение самой Российской Федерации в современном мире. При этом следует особо подчеркнуть, что сколько бы ни говорили об особом положении и даже предназначении России, она – (по менталитету большинства своих граждан – страна, прежде всего христианская, православная), – несмотря ни на что, является частью Европы, частью ее культуры и цивилизации, хотя географически распростерлась от Балтики до Тихого океана. Нам кажется, что данная посылка является отправной точкой дальнейших рассуждений. Исходя из этого факта, мы считаем, что создание каких–либо военно–политических стратегических союзов с неевропейскими государствами, направленных против европейско–христианской цивилизации, вряд ли будет отвечать национальным интересам России. А такой вариант возможен.

Если в первые годы после распада СССР Россия ринулась к оголтелой дружбе с Соединенными Штатами, то сейчас наблюдается явное изменение курса. Хорошо, что в последнее время в сторону Европы, но совсем недавно дискуссировалась проблема внешнеполитической приоритетности южного направления. Этому в определенной степени содействовало решение НАТО о приеме новых, восточноевропейских членов, инициирующее срочный поиск Москвой новых друзей и союзников на противоположном краю света. Нам кажется, что более спокойная реакция России на это неотвратимое событие в большей степени соответствовала бы долговременным интересам Российской Федерации и привела бы к меньшей амплитуде колебания маятника российских пристрастий, который при слишком рьяном устремлении к антизападным тоталитарным режимам и в том числе к исламскому Ирану может, как говорится, зашкалить и привести к непредсказуемым последствиям именно для России.

Прежде всего, надо отдавать себе отчет, что за режим существует в Иране уже почти 20 лет. Трудно усомниться в том, что по методам и приемам осуществления государственной власти политический строй Исламской Республики Иран представляет собой идеологизированный тоталитарный режим, маскируемый атрибутами исламской справедливости и народовластия как в свое время тоталитарная советская власть маскировалась макияжем пролетарской, классовой справедливости и народовластия. Может быть, поэтому, почувствовав сущностную близость двух режимов – бывшего СССР и нынешнего Ирана, – националистические, "патриотические" и коммунистические партии и движения в России, выступают за создание мощного противовеса НАТО – своеобразного военно–политического антинатовского альянса России с тоталитарными режимами, причем не только с Ираном, (в котором они хотели бы видеть стратегического партнера России и основного ее союзника в борьбе с НАТО, США и в целом Западом), но и с Ираком, Ливией, Кубой, Северной Кореей? А может быть, в них проснулась ностальгия по временам борьбы с американским империализмом и международным сионизмом, по временам "холодной войны" и жесткой конфронтации двух систем, когда все было предельно ясно, где черное, где белое?

Не следует забывать также, что военно–политическая доктрина Исламской Республики Иран, выдвинутая имамом Хомейни, с небольшими коррективами действует и сейчас. Ее идеологической основой является хомейнизм (или как иногда его определяют "панисламский неошиизм") – чрезвычайно политизированное учение, стержнем, краеугольным камнем которого является концепция экспорта исламской революции в другие страны, что по своей сути явно напоминает идею экспорта пролетарской революции и пролетарского интернационализма. Поэтому ислам в современном Иране не только религия, но и политика. Как утверждают иранские богословы, "наша политика – то же самое, что наша религия, а наша религия – то же, что наша политика".

Таким образом, ислам, будучи, с одной стороны, сводом нормативных положений теологического, философского, правового, нравственного, экономического и обрядо–культурного характера, а с другой – системой государственно–правовых институтов, выступает в качестве важного элемента общественно–политической надстройки Исламской Республики Иран. То есть в самой религиозной

(Даже при нормальн

системе ислама чисто политика как бы скрепляет все составляющие. Имам Хомейни писал: "Да, безусловно, та религия, которая...будет кричать об отделении религии от политики, и есть опиум для народа". Это важнейшая особенность ислама, в значительной степени отличающая его от других религий. Как отмечал один из виднейших мировых ученых – исламоведов фон Грюнебаум, "...существуют два взаимосвязанных факта, которые нельзя отрицать: первый – именно миссия Пророка сделала арабов способными на проявление активности в мировой истории; второй – все без исключения пути эволюции ближневосточного общества, подобно лучам, проходящим через линзу, преломлялись через ислам, и, даже когда это общество сопротивлялось соблазнам и давлению ислама, оно испытывало его глубокое влияние или даже радикально менялось, включаясь в совершенно новую историческую систему отношений". Это и есть политика.

Благодаря этому, для миллиарда разноязычных последователей Пророка Мухаммада всего мира, включая мусульман России и бывших республик СССР, ислам не только общая религия, но и политическая сила, способствующая формированию определенного образа жизни, общей культуры и мировоззрения. Именно чисто политика в исламе, которая диктует свою волю и экономике, и военному искусству, и другим сторонам общественного бытия мусульманских народов, выходит в настоящее время на первое место в ряду составляющих элементов этой религиозной системы. В самом широком плане данное явление можно обозначить таким обобщающим термином как исламизм то есть предельно политизированная составляющая религии Пророка Мухаммада или, если угодно, предельно исламизированная политика.

Для нас важно (и тревожно!) то, что ныне ислам все больше превращается в удобное средство достижения конкретных политических целей, определяемых не религиозными ценностями, а интересами политической и идеологической борьбы как внутри мусульманских стран, так и на региональном и глобальном уровнях.

В России, где проживает более 20 млн. человек, традиционно исповедующих ислам, где в Татарии, Башкирии, Удмуртии, Чувашии, Мордовии, Марий–Эл, в республиках Северного Кавказа, а также в областях, прилегающих к этим регионам, и во всех крупных городах страны существует достаточно широкая и, надо сказать, восприимчивая к индоктринизации политико–идеологических постулатов в исламской упаковке база и имеется разветвленная мусульманская инфраструктура, активная роль исламского Ирана по пропаганде идей исламской революции по иранскому образцу способна привести к печальным для Москвы последствиям. А иранские идеологические пропагандисты и агитаторы действуют и сейчас, оказывая помощь в укреплении и расширении религиозной инфраструктуры в мусульманских регионах Российской Федерации и одновременно, готовя в своих религиозных центрах кадры своих адептов для исламских учреждений России.

Причем эта работа осуществляется как государственными, так и общественными организациями, учреждениями, фондами и т.д. ИРИ.

Немаловажной особенностью иранской действительности, которую нельзя не отметить особо, является то, что внешнеполитический курс Ирана вырабатывается и проводится тремя основными государственными учреждениями: министерством иностранных дел (так сказать, официальный курс), министерством исламской ориентации и культуры, а также политическим сектором Корпуса стражей исламской революции. Кроме того, в 1995 г. было создано еще одно учреждение – Организация исламской культуры и связей, возглавляемая аятоллой Тасхири, советником Руководителя страны А.Хаменеи и монополизировавшая многие направления внешних исламских связей Ирана. Причем, если иранский МИД сейчас является приверженцем умеренного курса, то министерство исламской ориентации и тем более КСИР стремятся проводить на международной арене свою собственную, часто не совпадающую с линией МИД'а более радикально–фундаменталистскую политику. Такая противоречивость внешней политики ИРИ представляет определенную опасность.

Логика вещей заставляет констатировать, что Россия просто обязана поставить барьер на пути любых возможных проявлений идеологической экспансии в исламской оболочке на свою территорию. При этом Москва, конечно же, не ущемляя законные права верующих мусульман, должна активно проводить в жизнь тезис о четком разграничении веры и политики, о неприемлемости слияния религии и политики.

В этой связи возникает вопрос: до каких пределов, не затрагивающих интересы России, может и должно идти сближение демократической России и исламского Ирана, чтобы наша страна, сохранив нормальные обоюдовыгодные отношения с ИРИ, одновременно не "выпала" из ряда цивилизованных европейских государств, став стратегическим союзником Ирана, альянс с которым явился бы своеобразным антизападным противовесом расширенному блоку НАТО. Это проблема не из простых.

Нам кажется, что, определяя политику в отношении ИРИ, учитывая политический режим в этой стране и ее нынешнюю репутацию в мире,

(Даже при нормальн

следовало бы четко заявить, что Ирану не следует обольщаться тем, что многие европейские страны установили или устанавливают с ним конструктивные экономические связи (как пример – Франция, Германия). Как бы то ни было, но проблема понимания демократии, свобод, прав человека и вообще основ современного общества значительно разнятся в Европе и в Исламской Республике Иран. И вряд ли в ближайшем будущем возможно в этом вопросе согласие. И, конечно, если иранская исламизированная политика демонстративно будет направлена против признанных во всем мире европейских гуманитарных ценностей, то не придется сомневаться, в том, что европейское сообщество самым жестким образом выступит в их защиту и вновь закроет чуть приоткрывшуюся сегодня дверь в Тегеран. В этом случае Россия окажется в сложном положении необходимости выбора между сохранением своих выгодных экономических (и политических!) связей с Ираном и членством в клубе ориентированных на европейскую цивилизацию демократических государств. На наш взгляд, выбор – то в общем уже был определен тогда, когда Россия отказалась от тоталитарного коммунистического режима и избрала в качестве основных ценностей идеалы демократии. Более того, Россия, по большому счету принадлежит европейской цивилизации и не готова в настоящее время, несмотря на огромные и серьезные проблемы с Западом, идти на антинаатовский (а по сути антиевропейский) союз с Ираном. Но, конечно, было бы очень жаль, если бы Россия когда-либо была бы поставлена Ираном перед необходимостью такого выбора.

Да, Россия одновременно и азиатская держава. Но этот бесспорный географический факт не нужно превращать в политический, а скорей необходимо использовать его как преимущество перед остальной Европой в активном развитии торгово-экономических связей с государствами Азии и в первую очередь с ИРИ. Именно торговля и экономика должны стать козырной картой России в Иране, гарантом ее присутствия там, широкой, проверенной и испытанной дорогой для быстрого и эффективного развертывания в будущем других форм взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества, в том числе и в военно-технической области, (особенно тогда, когда в Иране будут созданы для этого политические условия и сняты все ограничения международных организаций).

Что касается региональных проблем, о которых говорилось выше, то, безусловно, Россия просто обязана полностью использовать в своих интересах благоприятное стечение обстоятельств, когда позиции России и Ирана совпадают или близки.

В итоге необходимо констатировать, что Россия на протяжении уже ряда лет показывает пример независимой, но в то же время соответствующей международным нормам и договоренностям политики в отношениях с ИРИ. Безусловно, в интересах России в настоящее время и в перспективе активно развивать торгово-экономические связи с Ираном, с целью прочного закрепления на иранском рынке и создания трамплина для будущего прыжка в другие области двусторонних экономических отношений, в том числе и в военно-технической сфере.

Однако недопустимо и опасно для национальных интересов РФ создавать стратегический альянс с Ираном как противовес расширенному на Восток блоку НАТО.

Такой альянс, с одной стороны, нарушит определенное равновесие внутри уже названной глобальной системы "центров сил", создаст для России новые точки напряженности в отношениях с США и Европой, еще дальше на Восток отодвинет Россию от Европы. С другой стороны, возможный военно-политический антизападный союз, (который, без сомнений, был бы на "ура" воспринят коммуно-патриотической оппозицией) способен затруднить демократические процессы внутри страны и в значительной степени подмочить международную репутацию России как поборницы прав

(Даже при нормальн

человека и демократии.

Нам кажется, что необходим сдержанный, прагматический подход к отношениям с Ираном, основанный на самостоятельном, независимом курсе Москвы в иранской проблематике, на развитии взаимовыгодных торгово-экономических, научных, культурных связей в самых различных областях, несмотря на известное раздражение США и некоторых американских союзников и их политическое давление. Но в то же время, по нашему мнению, следует с естественным пониманием относиться и к опасениям стран Запада, связанным с доктриной ИРИ, декларирующей полное единство религии, идеологии и политики, а также необходимость для исламского режима осуществления "экспорта идей исламской революции" в другие страны, с поддержкой исламистских группировок и так далее.

На наш взгляд, по всей вероятности, именно такая политика России в отношении Исламской Республики Иран, – политика, не приемлющая диктат с любой стороны, утверждающая приоритет общечеловеческих ценностей и при том прагматически стоящая прежде всего на защите интересов России и ее места в системе "центров сил", была бы наиболее приемлема в отношении Ирана.

ИРАН И ПРОБЛЕМЫ ЭКСПОРТА КАСПИЙСКОЙ НЕФТИ

К проблемам Каспийского региона, в частности к вопросам эксплуатации его нефтяных богатств и путей их транспортировки на внешний рынок, можно подходить с различных позиций, в том числе и с позиций тех, кто смотрит на политическую и экономическую обстановку в Иране и вокруг него глазами потенциального инвестора. Инвесторов все прочие аспекты интересуют лишь постольку, поскольку они могут повлиять на прибыльность или убыточность вложенных средств.

Думается, что такой угол зрения имеет полное право на существование по ряду причин.

Во-первых, инвестор рискует не научной или идеологической репутацией, которая в большинстве случаев мало страдает от неверных оценок ситуации. У него ставки намного материальнее: миллионы и миллиарды долларов, которые можно либо потерять, либо приумножить в зависимости от правильного выбора решений. Именно поэтому инвестор не связан политическими, идеологическими и тем более пропагандистскими соображениями. Оценки консультантов, которые изучают вопрос в интересах инвестора, просто обязаны быть объективными.

Во-вторых, решения, принимаемые стратегическими инвесторами, как правило, имеют далеко идущие последствия для регионов и стран, куда вкладываются – или же не вкладываются – деньги. Речь идет либо об ускоренном развитии экономики страны в результате притока капиталов, либо о стагнации, вызванной экономическим бойкотом.

И в-третьих, интересы крупных инвесторов нередко служат мощным стимулом для изменения политического курса – как в стране, куда пойдут капиталы, так и в той стране, где инвестор базируется. Администрации США, например, далеко не безразлично, как идут дела у таких корпораций, как Шеврон, Тексако или Амоко, поскольку здоровье этих гигантов во многом определяет общее состояние национальной экономики. Можно с большой степенью уверенности предположить, что если бы Иран представлял для крупных западных нефтяных компаний особо важный интерес, а также если бы иранское правительство поощряло тем или иным способом крупные посторонние инвестиции в национальную нефтяную промышленность, то промышленное лобби в Вашингтоне сумело бы повлиять на отмену нынешнего бойкота.

Роль Ирана как возможного транзитного пути для нефти и газа с Каспия

Каспийский регион, а конкретнее – Азербайджан, Казахстан и Туркменистан представляют огромный интерес для иностранных инвесторов в нефтегазовую промышленность. При самой интенсивной разработке запасов углеводородного сырья хватит не менее чем на столетия, причем разведаны они еще далеко не полностью. Законодательная база и налоговый климат здесь немного благоприятней и стабильнее, чем, например, в России, и в течение последних двух лет наблюдается перетекание инвесторов из Москвы в Баку, Алматы и Ашгабат.

При всей привлекательности каспийских запасов, у них есть крупный недостаток – отсутствие экспортных путей. Через Россию Казахстан, например, может экспортировать только 6 млн. тонн нефти в год, да и то не всегда. Так, попытка продать в Венгрию партию казахской нефти по цене на 2 доллара ниже российской была пресечена в 1994 году в зародыше. Нефть эта не прошла.

Какие же основные варианты транспортировки нефти рассматриваются в настоящее время?

Северное направление, то есть Россия. Россия, Казахстан, Оман и группа нефтяных компаний ведут сейчас долгие переговоры о строительстве ветки Каспийского Трубопроводного Консорциума из Тенгиза в Казахстане до Новороссийска, возле которого планируется построить новый морской терминал. К 2010 году, как ожидается, по этой трубе можно будет прокачивать 67–68 млн. тонн казахской нефти в год.

Через тот же Новороссийск проходит один из рассматриваемых вариантов экспорта нефти с шельфовых месторождений Азербайджана, причем прогнозируемый объем тут варьируется от 40 до 70 млн. тонн в год.

Однако оба эти проекта пробуксовывают на месте. Если отбросить в сторону декларации о том,

(Даже при нормальн

что продвижению этих трубопроводных проектов мешают то Чечня, то нерешенность тарифных споров, то "сухой остаток" таков: России совершенно невыгодно пускать через свою территорию потоки экспортной нефти конкурентов. Себестоимость западносибирской нефти – 40–50 долларов за тонну, а казахской – 20–25. Если учесть разницу в дальности транспортировки, то становится очевидно, что массированный выброс дешевой каспийской нефти на те рынки, где сейчас продается сибирская нефть, приведет к краху нефтяных компаний в Сибири.

Западный вариант – через Грузию к Черному морю или же через Турцию к заливу Джейхан на Средиземном море. Недостатки этого маршрута, а вернее нескольких подвариантов маршрута, не менее весомы. Это и вооруженные конфликты вдоль трассы, и гигантские проблемы финансового и экологического порядка, если потребуются прокладывать трубопровод из Казахстана в Азербайджан по дну Каспия.

К тому же и российский, и грузинский варианты упираются в Черное море, откуда ведет только узенький и экологически ранимый Босфор. По нему в самом лучшем случае, при принятии всех мер предосторожности, можно пропустить только 70 млн. тонн нефти в год, а если к нынешним российским 55 млн. добавить 67 млн. из Казахстана и еще 40–70 млн. из Азербайджана, то придется либо строить обходы вокруг Босфора, либо тянуть трубу через всю Турцию, то есть через беспокойные курдские районы, что отнюдь не гарантирует безопасной прокачки. Кроме того, существует опасность перенасыщения европейских рынков, что приведет к обвалу цен и снижению рентабельности добычи нефти. Наиболее перспективным рынком для новых нефтедобывающих регионов на десятилетия вперед останется Южная и Юго–Восточная Азия.

Нужно сразу же сказать, что стратегические интересы России в данном вопросе заключаются не в том, чтобы предлагать свою территорию (или варианты экспорта через Черное море) для транзита каспийской нефти, а напротив, в том, чтобы всячески способствовать организации этого транзита туда, где новый приток нефти не сможет вытеснить сибирскую нефть с традиционных рынков сбыта, то есть на юг или на восток. Все декларации обратного и планы строительства КТК во многом носят пропагандистский характер или же исходят от не слишком дальновидных чиновников.

Рассматривается сейчас и вариант экспорта нефти и газа через Афганистан и Пакистан, то есть как раз на перспективные рынки сбыта. Разработаны сразу два проекта: аргентинской компанией Бридас и американо–саудовским альянсом компаний Юнокал и Дельта. Но проблемы здесь те же, и даже острее, что в транс–турецком варианте; и вооруженный конфликт, и труба через Каспий для азербайджанской нефти.

В очень далекой перспективе видится восточный маршрут – через Китай, но это дело будущих поколений не является предметом настоящего анализа.

Остается Иран. Нужно сразу сказать, что есть нефтяные специалисты, которые считают иранский вариант транзита каспийской нефти "не лучшим с коммерческой точки зрения", в частности, Грег Рич, вице–президент АМОК – консорциума разработчиков азербайджанских шельфовых месторождений Азери, Чираг и Гюнешли. Но Рич уже столько раз оказывался неправ в своих оценках и выводах, что его мнением можно пренебречь. Другие эксперты, в том числе и внутри АМОК, считают иранский транзит экономически оптимальным решением.

Иранский маршрут имеет два варианта: на юг к терминалам Персидского залива или же на запад в Турцию, к заливу Джейхан.

Специфика иранского транзита

Директор отдела зарубежных проектов Иранской национальной нефтяной компании М. Нематоллахи, например, следующим образом перечисляет факторы, которые, с точки зрения Ирана, говорят в пользу выбора иранских экспортных маршрутов:

В настоящее время Иран располагает нефтеперерабатывающими мощностями свыше миллиона баррелей в сутки. Кроме того, по словам Нематоллахи, быстрый прирост населения страны способствует столь же быстрому росту потребностей в нефтепродуктах.

В Иране уже имеется довольно неплохая сеть нефтепроводов и продуктопроводов в северной части страны, прилегающей к Каспийскому побережью, а также на западе и на юге, что создает возможности для маневра (имеются в виду поставки нефти по разным схемам замещения).

Иранские нефтепромыслы расположены в основном в непосредственной близости от побережья Персидского залива, что делает схемы замещения привлекательными с экономической точки зрения.

В Персидском заливе у Ирана есть готовая экспортная инфраструктура, которая позволяет осуществлять экспорт по замещению в кратчайшие сроки.

Нематоллахи даже указывает конкретные цифры. По его расчетам, уже в ближайшее время имеется возможность применить на практике схему экспорта Казахской и Туркменской нефти путем замещения в объемах 40–60 тысяч баррелей в сутки (2–3 млн. тонн в год). Поставляться эта нефть в Иран

(Даже при нормальн

должна морским путем, через порты Энзели и Нека на Каспии. Нека, кстати, выглядит привлекательней, поскольку его связывает с Тегераном нитка продуктопровода и железная дорога.

Более того, правительства Казахстана и Туркменистана уже подписали в декабре 1994 года с правительством Ирана сначала меморандумы о взаимопонимании, а затем и соглашения о такой схеме замещения. Иранское правительство выразило готовность принимать разовые партии нефти из этих стран, хотя и заявило, что приоритет будет отдаваться комплексному подходу к такому сотрудничеству, то есть с долгосрочной перспективой поставок нефти. В этом плане Иран предлагает свою территорию для прокладки магистрального экспортного нефтепровода от Карачаганака и Тенгиза в Казахстане через Туркменистан к Персидскому заливу, к терминалам на острове Харк.

Во время частных бесед иранские чиновники утверждают, что организация экспорта азербайджанской, казахской и туркменской нефти через их территорию экономически намного выгоднее таких маршрутов, как турецкий или российский. И хотя в принципе это верно, обращение к конкретным цифрам сокращает разрыв по стоимости.

Для налаживания более или менее регулярного приема нефти на каспийском побережье Ирана в Нека или Энзели требуется оснастить эти порты терминальными сооружениями: выносными пирсами или плавучими приемными буюми, построить и оборудовать новые береговые хранилища и насосные станции. Трубопровод Нека–Тегеран нужно будет развернуть в обратную сторону и, вследствие этого, наладить снабжение нефтепродуктами этого района либо по железной дороге, либо автотранспортом. Уже одни эти работы, как показывает мировая практика, могут обойтись в круглую сумму свыше 100 млн. долларов, хотя иранские специалисты оценивают их в 50–60 млн. В прошлом году первая опытная партия казахской нефти доставлялась с каспийского побережья в Тегеран автоцистернами, что никак не может служить постоянным способом перевозки по экономическим соображениям.

Этим, однако, расходы по налаживанию экспорта через Иран не ограничатся. Нефть из Казахстана и Туркменистана не может обрабатываться на иранских НПЗ без их переоснащения. Сейчас местные НПЗ: в Абадане, Араке, Исфахане, Керманшахе, Тегеране, Ширазе, Тебризе и на острове Лаван принимают в переработку иранскую смесь сортов Ахваз–Асмари, которая отличается намного меньшим содержанием парафинов, чем нефть из Казахстана и Туркменистана. Тенгизская нефть, к тому же, имеет повышенное содержание меркаптанов, что также затрудняет и удорожает ее переработку в Иране. Переработка новых сортов потребует сооружения новых блоков на Тегеранском и Аракском заводах, и факт этот признается иранскими специалистами, которые оценивают неизбежные расходы по модернизации в 30–40 млн. долларов (и это только если речь будет идти об объемах 40–60 тысяч баррелей в день).

Именно из-за повышенного содержания меркаптанов Казахстан никак не может начать регулярную поставку своей тенгизской нефти в Иран. Срывается один срок за другим.

Поступление дополнительно 40–60 тысяч баррелей сырой нефти в сутки на Тегеранский и Аракский НПЗ соответствует увеличению мощности этих предприятий на 10–15% (мощность НПЗ в Араке равна 150 тысячам баррелей в сутки, а Тегеранского – 224.700 баррелей). По данным Иранской национальной нефтяной компании, Иран рассматривает возможность строительства отдельного НПЗ для переработки туркменской нефти – мощностью 60–100 тысяч баррелей в сутки, но пока этот вариант существует только в виде идеи.

Суммарная мощность всех восьми иранских НПЗ плюс первая очередь строящегося завода в Бендер–Аббасе равной 1.4 млн. баррелей в сутки (около 70 млн. тонн в год) не покрывает потребностей страны в нефтепродуктах. Иран импортирует ежегодно примерно 3.5 млн. тонн бензина и керосина. Северные районы, в частности, зависят от поставок из соседнего Азербайджана, который до последнего времени покрывал около трети этого дефицита. Остальной дефицит покрывается за счет импорта из Кувейта, а также от Шелл, с завода этой компании в Джубейле (СП с Саудовской Аравией). Все иранские НПЗ работают без недогрузки. Таким образом, довод номер 1 Нематоллахи о том, что иранские НПЗ способны принять и обработать дополнительно нефть из Казахстана и Туркменистана, нуждается в серьезной поправке. Они действительно способны на это, но только после дорогостоящего расширения и переоснащения.

В среднесрочной перспективе Иран предлагает строительство нефтепровода из Туркменистана до Тегеранского НПЗ протяженностью 800 км. Отличительной особенностью этого проекта является необходимость сооружения 8 насосных станций и по меньшей мере 22 станций подогрева смеси (7 в Туркменистане и 15 – на иранской территории). Если нефть из месторождений Небит–Дага, Котур–Депе и Челекена относительно низкопарафинистая (5–11%) и замерзающая только при 5–6 градусах по Цельсию, то туркменская нефть из других районов: Гум–Даг, Гогран–Даг, Окарем и Кеймир – имеет до 22% парафина и застывает при 34 градусах, что требует ее подогрева при перекачке по трубам. Иранцы признают, что второй тип нефти вообще не должен рассматриваться как сырье для их НПЗ в краткосрочных проектах. Они настаивают, чтобы до строительства

(Даже при нормальн

специализированного трубопровода им поставлялась только низкопарафинистая нефть, и требование это не может не затруднять налаживание сотрудничества в этой сфере.

Таким образом, с экономической точки зрения мало–мальски объемное сотрудничество с Ираном в организации экспорта нефти для прикаспийских государств маловероятно в краткосрочной перспективе и требует значительных капиталовложений на более длительный срок, хотя и менее объемных, чем для осуществления прочих проектов транспортировки.

Экономика и политика

При анализе перспектив организации экспорта каспийской нефти через иранскую территорию нельзя не учитывать мотивов, которыми руководствуется правительство Ирана.

При рассмотрении экономических мотивов все они оказываются отрицательными. Ирану в принципе совершенно ни к чему помогать конкурентам, какие бы обширные рынки ни ждали нефть в Южной и ЮгоВосточной Азии.

Поставки с севера – причем именно не сырой нефти, а нефтепродуктов помогли бы снабжению таких районов, как иранский Азербайджан или Хорасан, но только временно, пока Иран не расширит производство на своих НПЗ.

Мало того, Иран и Туркменистан должны в ближайшее время приступить к рассмотрению возможностей обратного проекта: поставка иранской сырой нефти на туркменские нефтеперерабатывающие заводы с последующей реализацией нефтепродуктов в Хорасане.

Польза, которую Иран мог бы действительно извлечь из транзита каспийской нефти, носит, на наш взгляд, сугубо политический характер. Осуществление такого проекта означало бы прекращение всяких бойкотов и эмбарго. Более того, интересы западных нефтяных компаний, чья нефть пойдет по трубам, стали бы лучшей гарантией внешнеполитического авторитета Ирана. Стабильность иранского режима, который будет контролировать трубопроводы, стала бы предметом постоянной заботы мировых держав. Возросло бы и влияние Ирана в Каспийском регионе.

Выводы

С точки зрения инвесторов в нефтегазовую промышленность Каспийского региона Иран представляет именно оптимальный вариант транспортировки на экспорт: и в плане экономической целесообразности, и в плане ориентации на перспективные растущие рынки сбыта. В этом варианте стратегически заинтересована и Россия, которой не нужна конкуренция каспийской нефти, способной потеснить западносибирскую нефть в Европе.

С другой стороны, экономическая заинтересованность Ирана в поставках нефти с северного направления, и тем более в транзите каспийской нефти, весьма невелика и не перевешивает отрицательных последствий нарастания конкуренции нефти из разных источников в Персидском заливе. Заявления иранских официальных лиц о готовности организовать такой транзит не выдерживают проверки практикой и носят в определенной степени пропагандистский характер.

Осуществлению транзита мешают политические препятствия, такие как американский бойкот Ирана. Как Иран, так и США, не намерены в ближайшее время смягчить свои позиции и прекратить противостояние. Для смягчения обстановки ни у одной из сторон нет настоятельных экономических и политических мотивов.

Можно с уверенностью ожидать, что поставки каспийской нефти в Иран на протяжении ближайших десяти лет будут эпизодическими и ограниченными по объему. Прорыва на этом фронте, тем более такого, который мог бы сорвать американский бойкот Ирана, ожидать не следует. Перспективу, да и то краткосрочную, имеют только поставки нефтепродуктов из Азербайджана в северный Иран.

Приложение

Принципы американского бойкота Ирана

Сенат США принял в декабре 1995 года билль сенатора Альфонса д'Амато, по которому на иностранные компании, делающие в Иране более 40 млн. долларов инвестиций, должны подвергаться серьезным экономическим санкциям. К числу таких санкций относятся следующие;

Эмбарго на поддержку проектов данной компании Эксимбанком США.

Эмбарго на выдачу американских экспортных лицензий на товары и технологии.

Блокирование займов от американских финансовых организаций.

Эмбарго на разрешение выступать в качестве первичного дилера американских ценных бумаг, а также агента по размещению правительственных облигаций США тем финансовым организациям, которые поддержат иранские проекты.

(Даже при нормальн

В палате представителей обсуждался первоначальный, еще более суровый, вариант этого билля. По нему, санкции должны распространяться на такие компании, как Бритиш Петролеум, Статойл и Туркиш Петролеум, если они будут, например, разрабатывать азербайджанские месторождения на каспийском шельфе в одном консорциуме с Национальной иранской нефтяной компанией, или на Шеврон, если его совместное предприятие, Тенгизшевройл, станет продавать нефть в Иран. Сенатор д'Амато уже направил письмо в австралийскую компанию ВНР, предупредив ее о возможных карах за сотрудничество с Ираном. Как известно, эта компания рассматривает возможность участия в разработке проекта газопровода из Ирана в Пакистан стоимостью миллиард долларов и в ряде проектов на шельфе Персидского залива.

К слову сказать, иностранные правительства ни в одном из вариантов билля д'Амато санкциям подвергаться не должны. Однако и в мягкой форме этот документ представляет собой солидное препятствие для привлечения Ирана к региональному сотрудничеству.

Пэтрик Клоусон (Patric Clawson), старший научный сотрудник Института национальных стратегических исследований при Министерстве обороны США, утверждает, что американские санкции только за первый год действия обошлись Ирану в 2 млрд. долларов.

РОССИЯ И ИРАН В 90–е ГОДЫ: НОВЫЙ ЭТАП ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

История российско–иранских отношений насчитывает более 400 лет¹. За этот долгий период у иранцев сформировалось достаточно неадекватное восприятие России.

В 18–19 веках она вела с Ираном длительную борьбу за господство на Кавказе и в Средней Азии, закончившуюся поражением Ирана. Каспийское море почти на 200 лет стало внутренним морем России, и Иран был лишен права иметь военный флот на Каспии. В 1907 году Россия и Англия поделили Иран на сферы влияния, а в 1911 году интервенция России и Англии положила конец первой иранской революции². В годы первой мировой войны Россия и другие державы нарушили провозглашенный Ираном нейтралитет. В 1920 году при прямом вмешательстве большевиков была провозглашена так называемая Гилянская советская республика на севере Ирана, грозившая распадом страны³. В 1941 году СССР, а вслед за ним Англия и США, ввел войска на территорию Ирана, что привело к отречению Реза–шаха от трона⁴. В 1946 г. СССР попытался отторгнуть от Ирана Южный Азербайджан. В 60–е годы он активно поддерживал и вооружал Ирак – главного конкурента Ирана в борьбе за господство в Персидском заливе и на Ближнем и Среднем Востоке.

От Советского Союза постоянно исходила угроза экспансии социализма в Иран. Народная партия Ирана (т.е. коммунистическая партия) была создана при прямой организационной поддержке России и ее деятельность в значительной степени финансировалась из Москвы.

Во время иранской революции 1978–1979 годов руководство КПСС не скрывало, что оно надеялось на то, что иранские левые смогут оттеснить духовенство и перехватить у него власть после свержения монархии, а затем направить Иран если не по социалистическому пути, то, по крайней мере, по пути некапиталистического развития. Эти идеи достаточно явственно проглядывали в статьях Р.А.Ульяновского, заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС, опубликованных в начале 80–х годов. Реакция иранского руководства была адекватной: оно провозгласило СССР врагом номер два после Соединенных штатов. Вплоть до конца 80/7/2012х годов отношения между СССР и Ираном были практически на нулевой отметке.

Иранцы считают, что поворотным пунктом во взаимоотношениях СССР и Ирана явилось известное послание имама Хомейни М.С.Горбачеву⁵, датированное 1 января 1989 г. и доставленное в Москву специальным посланником имама аятоллой Джавади Амоли. В этом послании, отдавая должное смелости и дерзости М.Горбачева "в подходе к реальным мировым событиям" и "в пересмотре учения, которое долгие годы держало за железной стеной революционных сынов мира", Хомейни дал несколько советов в пределах своего мировосприятия.

Хомейни заключил свое послание следующими словами: "...хочу твердо заявить, что Исламская Республики Иран как самый могущественный оплот исламского мира может с легкостью заполнить вакуум, образовавшийся в идеологической системе Вашего общества. Как бы то ни было, наша страна по–прежнему придерживается принципов добрососедства и развития двусторонних отношений и уважает эти принципы".

Если абстрагироваться от философско–религиозного содержания и несколько менторского тона этого послания, адресованного главе великой ядерной супердержавы, каковой тогда еще считался СССР), уже сам факт обращения имама Хомейни к главе советского государства свидетельствовал о намерении изменить существовавшее положение в советско–иранских отношениях. Вслед за этим Москву посетил с визитом летом 1989 г. Али Акбар Хашеми Рафсанджани. Это был первый визит руководителя такого высокого ранга за все время существования Исламской Республики Иран. А.Хашеми Рафсанджани занимал тогда пост председателя парламента и реально претендовал на победу на президентских выборах, которые должны были состояться буквально через месяц. В ходе визита был заключен договор о долгосрочном сотрудничестве в области торговли, экономики, науки и техники. Статья 16 договора касалась сотрудничества в области мирного использования атомной энергии. Кроме того, велись переговоры о поставках Ирану некоторых видов вооружений.

И тем не менее, отношение СССР к Ирану и после этого визита продолжало оставаться достаточно

(Даже при нормальн

настороженным, что обуславливалось несколькими факторами.. Иран воспользовался ослаблением коммунистической идеологии на территории СССР, чтобы активизировать свое проникновение в республики Средней Азии. Однако надо сказать, что делал он это достаточно осторожно. По крайней мере на официальном уровне лидеры Ирака не делали никаких заявлений о необходимости экспорта исламской революции в эти республики и установления там исламского правления. Иранские религиозные лидеры и многочисленные проповедники, направленные в мусульманские республики СССР, занимались главным образом пропагандой идей исламского возрождения, распространяли религиозную литературу, оказывали материальную помощь в ремонте старых и строительстве новых мечетей и т.п.

Это можно объяснить тем, что Иран, стремясь усилить свое идеологическое влияние в Средней Азии, в то же время не хотел слишком раздражать Москву, понимая, что с экономической и военной точки зрения развитие отношений с Россией может дать больше выгод, чем идеологическое проникновение в советские республики Средней Азии, тем более, что их руководители особого энтузиазма по поводу усиления позиций идеологизированного и политизированного ислама не проявляли.

Крушение мировой социалистической системы, распад СССР и образование новых независимых государств в 1991 г. резко изменили ситуацию не только в мире, но и в Центральной Азии и на Кавказе.

Теперь Иран уже мог развивать отношения с центральноазиатскими республиками как с суверенными государствами, не особенно оглядываясь на Россию. Такой подход нашел свое отражение в интервью президента ИРИ А.Хашеми Рафсанджани газете "Эттелаат" в ноябре 1993 г.: "Появление новых независимых государств в Средней Азии стало для исламского мира важнейшим событием и историческим шансом. Ранее эти страны входили в государственное образование, от которого полностью зависели, представляя собой, фактически, его провинции. Главная сложность для этих республик заключается в постепенном разрыве зависимости от России и переходе к самостоятельности. Задачей исламского мира является содействие им в этом важном деле. Пока же главный рынок продукции новых независимых государств – в России, деньги многих из них – в России, пути выхода за границу проходят через Россию. Иран по сравнению с другими мусульманскими странами имеет самое благоприятное географическое положение для оказания помощи среднеазиатским республикам. Мы можем открыть для них альтернативный путь выхода во внешний мир и сейчас активно над этим работаем. Иран в состоянии также обеспечить потребности этих государств в дефицитных товарах, а с другой стороны, закупать у них продукцию, которую республики вынуждены продавать в Россию по низким ценам – хлопок, мясо, даже нефть и газ"6.

Таким образом, в конце 1993 г. иранское руководство не скрывало, что в его намерения входит оторвать Центральную Азию от России путем переключения на себя ее основных хозяйственных связей. С этой целью в 1992 г. центральноазиатские государства и Азербайджан были приняты в Организацию экономического сотрудничества (созданную в 1985 г. при участии Ирана, Турции и Пакистана), стратегия которой заключалась в развитии инфраструктуры, которая позволила бы переориентировать торгово–транспортные потоки центральноазиатских стран с северного направления на южное.

В этом отношении интересы России и Ирана находились в резком противоречии. Такая политика Ирана определялась несколькими факторами. Во–первых, привязав к себе центральноазиатские страны и Азербайджан, Иран превратился бы в мощную региональную державу и мог изменить соотношение сил на Ближнем и Среднем Востоке и в зоне Персидского залива. Во–вторых, в Тегеране считали, что в результате глубокого экономического кризиса Россия утратила свою силу и с ней можно не особенно считаться. В–третьих, в первые годы независимости в России преобладала прозападная ориентация, что никак не устраивало Иран. К тому же, Россия резко ослабила интерес к своим азиатским соседями. В–четвертых, занятая улаживанием отношений с Западом, Россия не уделяла должного внимания центральноазиатским и закавказским государствам, что усиливало их центробежные от России устремления, чем не замедлил воспользоваться Иран.

Не простая ситуация возникла и вокруг Каспийского моря. Как известно, на основании Договоров 1921 и 1940 гг. СССР и Иран обладали равными правами в отношении мореплавания на Каспии. Формально между ними не существовало морской границы. На деле же неофициальная граница по линии Астара – Гасан–кули была установлена СССР в одностороннем порядке в 1934 г. Практически суда Ирана не имели возможности пересекать эту линию, охраняемую пограничными кораблями СССР. Поскольку российская часть акватории составляла 88%, а иранская – всего 12%, торговый, пассажирский и рыболовецкий флот Ирана так и остался неразвитым. СССР без согласования с Ираном в 1949 г. начал активную добычу нефти на Каспии. Иран же этого делать не мог. По указанным договорам деятельность третьих стран в Каспийском море была запрещена. Иран же был не в состоянии осуществлять разведку и добычу нефти на Каспии без привлечения этих стран. Но

(Даже при нормальн

любые попытки Ирана начать разведочные работы на море при содействии западных нефтяных компаний встречали резкие протесты СССР, ссылавшегося на положения договоров 1921 и 1940 гг.

В изменившихся после 1991 г. условиях Иран выступил с предложением пересмотреть существующее положение на Каспии и создать Организацию регионального сотрудничества прикаспийских государств, в которой все пять прибрежных стран пользовались бы равными правами. Россия расценила такой шаг как покушение на ее позиции в Каспийском море, опасаясь, что Иран в союзе с тремя другими мусульманскими государствами потеснит ее на Каспии. Так что и в Каспийском регионе интересы России и Ирана сталкивались между собой.

Омрачала российско–иранские отношения и проблема долгов Ирана России, которые он не хотел признавать и выплачивать.

И тем не менее, в начале 1995 г. отношения Ирана и России изменились едва ли не на противоположные: существовавшая между ними настороженность уступила место стремительному сближению двух стран как в экономической, так и политической сферах. Это было вызвано целым рядом обстоятельств.

К этому времени стало ясно, что "исламизация" центральноазиатских государств – дело почти безнадежное. Все они заявили о стремлении строить свою государственность на светской основе. Большинство движений и организаций радикальной исламской оппозиции, за исключением Таджикистана, в новых независимых республиках было нейтрализовано. Выяснилось также, что экономически привязать эти республики к себе Иран не в состоянии. Для этого нужны огромные капиталовложения, которых у него не оказалось. Более того, в начале 90–х годов внешний долг Ирана западным странам превысил 30 миллиардов долларов. Кроме того, в центральноазиатском регионе мощную конкуренцию Ирану составили Турция и западные державы. Интерес к региону стали проявлять также Пакистан, Китай и Япония. Больше внимания стала уделять Центральной Азии и Россия, взяв курс на ускорение процесса региональной интеграции.

В этой ситуации стало очевидным, что сотрудничество с Россией, в том числе в интеграционных процессах в Центральной Азии, в большей степени отвечает интересам Ирана в его борьбе с проникновением в этот регион Турции и западных держав, чем конфронтация с Россией, которая несмотря на все сложности и трудности своих взаимоотношений с новыми независимыми государствами, сумела сохранить в них достаточно сильные торгово–экономические позиции.

Удельный вес России, Турции и Ирана
в экспорте и импорте центральноазиатских государств (%)⁷

	Казахстан		Узбекистан		Киргизия		Туркмениста н
	199 4	199 5	199 4	199 5	199 4	199 5	1994
ЭКСПОРТ							
Турция	1,5	2	2	5	1	0,8	3
Иран	0,5	0,5	0,5	0,5	0,1	1	1
Россия	45	42	44	23	17	36	5
ИМПОРТ							
Турция	2,5	3	17	3	4	7	16
Иран	1	1	0,5	0,5	0,2	0,4	5
Россия	36	49	59	33	22	18	11

Если сделать несложные подсчеты, получится следующая картина: доля России в товарообороте центральноазиатских государств в 1994 г. составляла 32,75%, Турции – 5,875% и Ирана – всего 1.1%. Вполне очевидно, что без сотрудничества с Россией в этом регионе Иран вряд ли сможет противостоять своим конкурентам.

Неблагоприятно для Ирана развивалась ситуация и вокруг Каспийского моря. Азербайджан начал переговоры о заключении нефтяного контракта с западными державами, главным образом Англией и США. Он выдвинул притязания на свой сектор Каспийского моря и предложил разделить его акваторию на национальные участки. Естественно, в результате он утратил всякий интерес к проекту создания Организации регионального сотрудничества прикаспийских государств и отказался подписать подготовленный в 1994 г. текст договора по этому вопросу. Вслед за ним Туркменистан в Законе о границе 1993 г. установил свои территориальные воды, морскую государственную границу и исключительную экономическую зону, простирающуюся до середины Каспия. Казахстан также снял

(Даже при нормальн

свою подпись под проектом договора о создании Организации регионального сотрудничества и предложил разделить Каспий в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. Таким образом, попытка Ирана объединить прикаспийские государства на основе экономической интеграции оказалась на грани провала.

Раздел Каспия означал бы, что линия Астара – Гасан–кули, против установления которой Иран боролся шесть десятков лет, стала бы юридически узаконенной, что никак не устраивало Иран. Настораживали его и активные попытки западных нефтяных компаний получить доступ к Каспийской нефти, в чем они и добились успеха, подписав в сентябре 1994 г. нефтяной контракт с Азербайджаном. Напротив, попытки Ирана войти в азербайджанский консорциум потерпели провал. Несмотря на то, что Азербайджан заключил с Ираном соглашение о передаче ему четвертой части своей доли в консорциуме, западные его участники, в первую очередь американские, проголосовали против принятия Ирана в консорциум. Было отвергнуто и предложение Тегерана транспортировать добываемую консорциумом нефть через иранскую территорию. Предложение заключалось в том, чтобы доставлять азербайджанскую нефть на перерабатывающие заводы на севере Ирана, а с терминалов в Персидском заливе поставлять на мировой рынок такое же количество нефти. Хотя этот проект сулил очевидные экономические выгоды, он был отвергнут западными державами по политическим мотивам.

Все эти обстоятельства способствовали тому, что Иран полностью поддержал позицию России по проблеме статуса Каспийского моря. Как известно, Россия выступила за то, чтобы Каспий стал объектом совместного использования всеми пятью прибрежными государствами без раздела его на национальные сектора. Таким образом, осознание того, что опора только на новые центральноазиатские государства не способна обеспечить интересы Ирана в этом регионе обусловило коренной поворот в его подходе к взаимоотношениям с Россией.

В свою очередь изменилось и настороженное отношение России к Ирану, что было вызвано определенными сдвигами в российской внешней политике. За годы, прошедшие с момента обретения Россией статуса суверенного государства, стало очевидным, что Запад не ждет ее с распростертыми объятиями на европейских рынках. В политическом плане Запад попытался устранить Россию из процесса урегулирования боснийского кризиса, а более широко – свести к минимуму ее участие в европейских делах. Ущемляло интересы (и самолюбие) России решение о расширении НАТО на Восток. Подписание нефтяного контракта с Азербайджаном продемонстрировало, что Запад игнорирует интересы России в Каспийском регионе и стремится вытеснить ее из этого богатого нефтяными ресурсами и стратегически важного с геополитической точки зрения района. Россия и в нотах английскому правительству, и в письме в ООН⁸ указывала, что претензии Азербайджана на свой национальный участок Каспия с точки зрения международного права незаконны, а следовательно у западных держав нет юридических оснований для подписания с Азербайджаном нефтяного контракта на разработку месторождений на атом участке. Но, как известно, на эти протесты России Запад не обратил никакого внимания.

Все это обусловило некоторый поворот российской внешней политики в сторону Востока и, в частности, курс на сближение с Ираном, поскольку оказалось, что интересы двух стран как в отношении развития связей между собой, так и в отношении Центральной Азии, Закавказья, Каспийского региона и других международных вопросов во многом совпали.

Россия и Иран выступают за то, чтобы проблема статуса Каспийского моря решалась самими прибрежными государствами без прямого или косвенного вмешательства или давления некаспийских государств. Обе страны против раздела Каспия на национальные сектора и за развитие регионального сотрудничества в этом районе.

Россия и Иран заинтересованы в создании системы коллективной безопасности в Каспийском регионе, в Центральной Азии и Закавказье силами самих стран этого обширного региона без вмешательства других, особенно западных государств. Сохранение мира и стабильности в этом районе отвечает национальным интересам обеих стран и у них есть потребность и широкое поле для сотрудничества в деле урегулирования конфликтов в Нагорном Карабахе, Таджикистане и Афганистане.

Россия и Иран нуждаются в сотрудничестве друг с другом с тем, чтобы указанные районы с их богатыми сырьевыми и энергетическими ресурсами и транспортной инфраструктурой, соединяющей Россию и Иран, не попали под контроль и влияние США и других западных держав.

Россия и Иран придерживаются идеи создания многополюсного мира и выступают против попыток США навязать систему однополюсного мира с доминирующей ролью в ней самих Соединенных Штатов.

Для России Иран представляет большое значение как путь выхода на рынки стран Ближнего и Среднего Востока, а также в Пакистан и Индию – после завершения строительства железнодорожной

(Даже при нормальн

магистрала Керман – Захедан на территории Ирана.

В свою очередь, Иран заинтересован в России как огромном рынке сбыта, с одной стороны, возможном поставщике леса, металла, бумаги, химических удобрений, некоторых видов оборудования, в том числе в области атомной энергетики, и т.п., с другой. Кроме того, Иран рассчитывает, что сотрудничество с Россией, имеющей большой вес на мировой арене, в том числе и как член Совета Безопасности, позволит ему с большей эффективностью отстаивать свои политические интересы в международных делах, в частности в Персидском заливе и на Ближнем Востоке. Не последнюю роль играет и потенциальная возможность России поставлять Ирану вооружения.

Примерно с конца 1994 г. иранские лидеры стали подчеркивать, что отношения с Россией они рассматривают как имеющие стратегический характер. И в этом есть свой резон. В условиях, когда Соединенные Штаты стремятся изолировать Иран экономически и политически, он действительно нуждается в союзнике, имеющем геополитический вес и значение. После распада в начале 90-х годов двухполюсного мира и очевидного проявления намерений США играть доминирующую роль в мировой политике Иран взял курс на региональную интеграцию с соседними мусульманскими государствами, на создание в той или иной форме их коалиции, способной противостоять давлению Соединенных Штатов и других западных держав и обеспечить относительную независимость входящих в нее стран, в первую очередь самого Ирана. Естественно, такая политика встречает резкий отпор со стороны США, поскольку может ограничить в будущем их влияние на Востоке. В этом плане становятся понятными причины, по которым Вашингтон в мае 1995 г. ввел торговое эмбарго против Ирана, призвав европейские государства последовать его примеру. Когда же этого не произошло, по инициативе сенатора Альфонса д'Амато был одобрен законопроект, по которому иностранные компании, инвестирующие более 40 млн. долларов в осуществление нефтегазовых проектов в Иране, будут подвергаться серьезным экономическим санкциям со стороны США, что вызвало недовольство и протест европейских государств.

Эти шаги были направлены на то, чтобы затруднить наращивание Ираном экономического и военного потенциалов и тем самым ослабить его. США также стремятся воспрепятствовать превращению его в региональную державу. В частности, с участием американской нефтяной компании ЮНОКАЛ и саудовской "Дельта ойл" разработан проект прокладки газо- и нефтепровода из Туркмении через территорию Афганистана в Пакистан к терминалам на побережье Индийского океана и подписаны соответствующие соглашения по его строительству. Кроме того, рассматривается проект строительства железной дороги из Центральной Азии в Пакистан через территорию Афганистана, существуют планы реконструкции автомобильного шоссе с бетонным покрытием от Кушки (Туркменистан) через Герат и Кандагар (Афганистан) до Пакистана и далее к портам Индийского океана.

Создание благоприятных политических условий для осуществления этих проектов и послужило одной из причин поддержки США, Саудовской Аравией и Пакистаном исламского движения Талибан, захватившего южную, центральную и западную части Афганистана, через которые и должны пройти трубопроводы и транспортные магистрали.

Кроме того, Вашингтон побуждает Турцию добиваться заключения с Баку соглашения о транспортировке будущей каспийской нефти через турецкую территорию, обещая помощь и финансовую поддержку для строительства необходимого нефтепровода. (В то же время соглашение о сооружении трубопровода для поставок газа из Ирана в Турцию вызывает трения между Анкарой и Вашингтоном).

Конечно, на пути осуществления указанных выше проектов существуют значительные трудности как экономического, так и политического характера. Но если они все же будут воплощены в жизнь, это резко ослабит роль и значение Ирана, который строит свою стратегию региональной интеграции как раз исходя из того, что он является наиболее удобным и выгодным путем транспортировки товаров, в том числе нефти и газа, с севера на юг – из Центральной Азии к Персидскому заливу и Индийскому океану, а также с востока на запад – в Европу. Если контролируемые США и их союзниками транспортные потоки пойдут в обход Ирана, он потеряет привлекательность для своих соседей и его лидирующая роль в интеграционных процессах и статус региональной державы будут поставлены под большое сомнение.

Такая возможная перспектива заставляет Иран рассматривать свои отношения с Россией как действительно жизненно важные и имеющие стратегическое значение.

Что касается России, то ее интересам в наибольшей степени отвечает политика равновесия между Востоком и Западом, поддержание одинаково хороших отношений как с той, так и с другой стороной, что даст ей возможность играть роль своеобразного амортизатора в гипотетическом противостоянии западно-христианской и восточно-исламской цивилизаций. Нынешний "крен" в сторону Востока

(Даже при нормальн

можно рассматривать как стремление выровнять свой внешнеполитический курс, который в начале 90-х годов был в значительной степени обращен в сторону Запада в ущерб отношениям с Востоком.

С этой точки зрения для России развитие отношений с Ираном представляет собой стратегическое партнерство, поскольку, во-первых, Иран играет ключевую роль в интеграционных процессах, во-вторых, он предпринимает наиболее активные усилия по формированию нового регионального центра силы, внося свой вклад в создание многополосной системы мира, в-третьих, как уже говорилось, интересы двух стран и их подходы ко многим региональным и глобальным проблемам совпадают, что создает широкое поле для сотрудничества как в политической, военной и экономической областях.

Существует еще один важный аспект российско-иранского сближения. Как известно, США пытаются изолировать Иран политически и экономически. Однако если загнать его в угол, поставить в безвыходное положение, в этом случае политика Тегерана может стать непредсказуемой, что поставит под угрозу стабильность в этом и без того беспокойном регионе. Как подчеркивал в своем выступлении на заседании третьего раунда "круглого стола" по российско-иранским отношениям в Тегеране (ноябрь 1996 г.) директор 3-го департамента Азии МИД РФ Р.Л.Хамидуллин: "Мы не приемлем попытки изолировать Иран, игнорировать его роль при учете тех процессов, которые происходят в регионе, политику санкций, политическое, экономическое и психологическое давление на Иран"⁹. Препятствуя изоляции Ирана, давая ему альтернативные возможности для развития международного сотрудничества, Россия тем самым обеспечивает как собственные интересы, так и интересы обширного региона Центральной Азии и Ближнего и Среднего Востока в плане поддержания стабильности и безопасности.

Вместе с тем, в российско-иранском сближении имеется существенный ограничитель: в своих отношениях с Тегераном Москва не намерена переходить ту грань, за которой неизбежно существующие противоречия и трения с теми или иными странами перерастают в политику "блокового" противостояния мусульманского и западного мира, ведущую к возврату времен "холодной войны", но уже на иной политико-идеологической основе и с другим составом участников.

1 См., в частности, П.П.Бушев "История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586–1612 гг. (по русским архивам)", М., 1976; П.П.Бушев "История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613–1621 гг. ", М. 1978; П.П.Бушев "Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715–1718 гг. (по русским архивам)", М., 1978.

2 М.С.Иванов "Иранская революция 1905–1911 годов", М., 1957.

3 См., в частности... Персиц "Застенчивая революция"...

4 З.А.Арабаджян "Иран: противостояние империям (1918–1941)", М., 1996.

5 Путь, ведущий к истине. Послание великого вождя исламской революции и основоположника Исламской Республики Иран главе Советского Союза Михаилу Горбачеву. Тегеран: Издательство произведений ислама Хомейни, 1995.

6 Цитируется по сообщению информационного агентства ИТАР-ТАСС.

7 Резникова О. Россия, Турция и Иран в Центральной Азии. – Мировая экономика и международные отношения, М., 1997, № 2, с. 55.

8 Позиция Российской Федерации в отношении правового режима Каспийского моря. – Письмо Постоянного представителя Российской Федерации при Организации Объединенных Наций на имя Генерального Секретаря ООН от 5 октября 1994 г. Документ ООН A/49/475.

9 Р.Л.Хамидуллин, Российско-иранские отношения: состояние и перспективы. – Доклады российских участников на заседаниях 3-го "круглого стола" по российско-иранским отношениям. Тегеран, 23–24 ноября 1996 года. М.: Российский центр стратегических и международных исследований, 1997, с. 5.

(Даже при нормальн

М.Т.Мохтари

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИЯХ ИРАНА И РОССИИ

Отношения между Ираном и Россией в значительной степени определяли в прошлом и продолжают определять в наши дни специфику развития ситуации на Среднем Востоке и в Центральной Азии. В настоящее время значительна роль обоих государств в разрешении конфликтов в регионе, в частности в Афганистане, Таджикистане и др. Поэтому в последние годы отношения двух стран постепенно крепнут. Плодотворное сотрудничество, характеризующее ныне отношения между Ираном и Россией, перспективы дальнейшего ирано–российского сближения отвечают интересам обоих государств, содействуют разрядке международной напряженности, способствуют укреплению мира между народами.

С активизацией Россией с середины 90–х годов восточных внешнеэкономических связей Иран стал занимать в них все большее и большее место. Совпадение интересов России и Ирана по многим вопросам внешнеполитического характера, особенно в отношении урегулирования конфликтных ситуаций в приграничных для обеих стран регионах, несомненно повышают значимость укрепления сотрудничества между нашими странами. Для России Иран в новых условиях не только традиционный партнер, но и партнер, который приобрел в связи с образованием новых государств важную геополитическую роль.

Кроме того, экономические интересы и России и Ирана, даже если они в настоящее время и не воплощены в виде совместных поставок или инвестиций, совпадают по ряду важнейших проектов. Достаточно упомянуть проблему освоения нефтяных и газовых запасов Каспийского региона. И Россия и Иран заинтересованы в юридическом закреплении своих прав на участие в нефтяных проектах Каспия, что в дальнейшем могло бы им облегчить конкуренцию с активно проникающими в этот регион нефтяными компаниями США и западной Европы. Эти общие в данное время экономические интересы во многом определяют и согласованность позиций по статусу Каспийского моря, основы которых закладывались еще в 20–30–х гг.

Период становления и развития ирано–российских межгосударственных отношений неразрывно связан с периодом нахождения у власти Реза–хана (с 1921 г.), ставшего Реза–шахом Пехлеви (1925–1941 гг.). Одним из важнейших направлений деятельности Реза–шаха была реорганизация внешнеполитического ведомства Ирана и выработка стратегических направлений внешней политики страны.

Основной внешнеполитической концепцией Ирана к началу 20–х годов XX века продолжала оставаться доктрина "третьей силы" – балансирования между двумя великими державами – Англией и Россией – с ориентацией на сближение с так называемой "нейтральной" или "третьей" страной (в 30–е годы – на Германию).

Реза–шах был убежден в стремлении России оказывать сильное давление на Иран с целью не допустить его влияние на народы Кавказа, Закавказья и Средней Азии, а также с вероятной целью обеспечения выхода России к Персидскому заливу. Именно поэтому Реза–шах всегда вел осторожную дипломатию с Англией по вопросу о Персидском заливе, имея при этом в виду позицию советской России. Реза–шах никогда не испытывал никаких иллюзий в отношении миролюбивой риторики советской дипломатии, доброжелательного отношения руководства РСФСР к иранскому правительству. Как отмечал Л. Элвелл–Саттон, иранский монарх "никогда не доверял своему могучему северному соседу, боясь, что советские агенты не упустят случая половить рыбу в мутной воде, если такая возможность представится"¹.

Поэтому в ирано–российской дипломатии 20–30–х годов существовала достаточно нервная обстановка. Реза–шах всегда опасался политических происков Москвы, и в частности, не только распространения коммунистического влияния на северные прикаспийские провинции Ирана (Азербайджан, Гилян, Мазандеран, Хорасан), но и возможности его убийства агентами НКВД по приказу Сталина,

Реза–хан, лично руководивший боевыми действиями правительственных войск по разгрому движения в провинциях Гилян и Хорасан, был убежден, что Россия поддерживает эти движения.

Нужно сказать, что иранское правительство еще 30 января 1918 г. в ноте правительству РСФСР выразило "полную готовность вступить в переговоры для заключения новых договоров, консульских

(Даже при нормальн

конвенций и иных актов на принципах свободного соглашения и взаимного уважения народов"2. Тем не менее установление дипломатических отношений между Ираном и советской Россией затянулось на несколько лет,

Одной из причин этого было мощное давление на Иран со стороны Англии. Англия, оккупировав в 1918–1920 гг. значительную часть Персии и заключив в августе 1919 г. с правительством Восуг од–Доуле соглашение, которое фактически оформляло установление над страной британского протектората, всячески препятствовала установлению ирано–советских отношений.

Другим фактором было то, что большевистское руководство России, выдвинув лозунг о скором свершении "мировой коммунистической революции", стало настойчиво проводить политику экспорта этой революции. В связи с задержкой столь ожидаемой большевиками мировой революции, последовала их первая попытка вооруженным путем ускорить приход революции на Запад, результатом чего стала начавшаяся в апреле 1920 года советско–польская война. По словам Ленина, задача Советской армии в этой войне состояла в том, чтобы "прощупать штыком" готовность польского пролетариата и батрачества к социальной революции, "помочь советизации Польши", а также Литвы и вовлечь в революцию рабочих Германии и других близлежащих стран.

После этого усилия сосредоточились на экспорте революции на восток. Об этом, по–видимому, может свидетельствовать приказ Политуправления реввоенсовета Республики № 107 от 8–го ноября 1920 г., в котором утверждалось, что "политработа на Востоке для РСФСР насущнейшая задача... За эту работу необходимо взяться также решительно, как взялись за подготовку Октября", поскольку "вряд ли без восточного зарева воспламенится весь мир" и далее: "вопрос успеха или не успеха на Востоке есть вопрос, быть может, жизни и смерти революции...", Заканчивался приказ призывом

"Пусть каждый твердо запомнит, что при создавшейся международной ситуации (имела в виду затяжка революции на западе) сейчас восток для нас затемняет Германию..."3

Иран оказался среди тех восточных стран, которые в полной мере ощутили последствия политики и практики идеологической экспансии. Многие исторические факты свидетельствуют, что большевистская партия России – РСДРП еще в период русской революции 1905–1907 гг., действуя через ее закавказский филиал в Баку во главе с И.В. Джугашвили (Сталиным) и его ближайшими соратниками – Н.Наримановым, М.Азизбековым, Г.Орджоникидзе и др., встала на путь экспорта коммунистической революции, в том числе и вооруженным путем, в Иран и некоторые другие страны мусульманского Востока.

Закавказские большевики не ограничивались пропагандой, военным инструктажем и организационной деятельностью. Они в широких масштабах непосредственно участвовали в военных действиях на иранской территории. Так, во время захвата Казвина 19 апреля 1909 г. основная часть отряда конституционалистов состояла из закавказских боевиков–добровольцев, руководимых комитетом большевиков в Баку4.

В большой степени благодаря именно большевистской помощи в 1912–1915 гг. в северной провинции Гилян развернулось партизанское движение (движение дженгелийцев) под руководством Кучек–хана, и 4 июня 1920 г. в г. Реште Кучек–ханом была провозглашена Иранская Советская Республика5.

Позднее в гилианском движении руководящую роль стала играть Иранская коммунистическая партия, созданная в июне 1920 г. и находившаяся под контролем и на полном финансовом обеспечении большевистского правительства России. Влияние российских большевиков ощущалось даже в революционной символике. Так, вооруженные отряды в Гиляне назывались Красной Армией, а министры, среди которых были и не–иранцы (в т.н. "Красном правительстве" – 3 из 7) – комиссарами. В Гиляне пришлые элементы стали создавать по образу и подобию большевистской России Крестьянские советы и Советы солдатских депутатов6.

Кроме того, на территории этой республики, а также в Мазандеране, Хорасане и в Иранском Азербайджане вплоть до октября 1921 г. присутствовали воинские части советской России. В 1919 г, со специальными инструкциями от Ленина выехал в Иран И.О.Коломийцев в качестве главы советской чрезвычайной миссии. Однако в пути он был убит белогвардейцами на острове Ашур–Адэ. Советское правительство использовало это убийство в качестве предлога для закрепления советского военного присутствия в северных прикаспийских районах Ирана. В мае 1920 г. в иранском порту Энзели высадился крупный советский военный десант Каспийской флотилии, в задачи которого входила не столько борьба с белогвардейцами, сколько поддержка вооруженного движения в Гиляне7. И только, когда гилианское революционное движение, не без влияния советской дипломатии, оказалось обреченным на политическую гибель, советские воинские части были вынуждены уйти из Ирана.

Советской России больше не оставалось ничего, как юридически признать провал своей, а не царской политики в Иране и постараться хоть каким–то образом сохранить свои позиции в этой стране, поставив их на международно–правовую основу, в частности путем заключения Договора 1921 г.

На Пленуме ЦК РКП 20 сентября 1921 г, который рассмотрел "предложение Наркоминдела о Персии",

(Даже при нормальн

подготовленное Караханом, ставился вопрос о том, как в дальнейшем советизировать Персию. Выдвигались два возможных варианта, первый – путем радикального усиления интервенции и свержения шаха, второй – средствами длительного и мирного воздействия на Иран. В последнем случае предусматривался вывод советских войск и установление дружественных отношений с шахским правительством, но при всесторонней советской поддержке внутренних национально–демократических и особенно коммунистических сил в Персии и при обязательном сохранении за РСФСР военного плацдарма в Энзели.

Для осуществления 1 варианта Карахан предлагал, чтобы находившиеся в Энзели советские силы были подкреплены экспедиционным корпусом в 8–10 тысяч человек, что могло бы вполне обеспечить занятие Тегерана, свержение шахского правительства, и изгнание англичан из Персии. Затем предполагалось в Тегеране образовать советского типа правительство, с привлечением в него национал–демократических элементов.

Относительно второго варианта Карахан предлагал следующее: "мы уходим, обеспечивая за собой в военном отношении Энзели. Вступаем в сношения с Тегеранским шахским правительством, с которым мы отношений не прерывали (хотя фактически ведем против него войну) и до последних дней находимся в переписке, направляем в Тегеран наше дипломатическое представительство и заключаем с шахским правительством дружественный договор, преследующий агитационно–пропагандистские цели (отказ от царских договоров, концессий, привилегий и возвращения награбленных земель и имущества)". Конечно, нельзя сводить мотивы советской стороны лишь к этим моментам, но тем не менее учитывать их необходимо для объективной оценки столь значимого исторического события, как подписание договора 1921 г.

Иран пошел на заключение договора с РСФСР для того, чтобы стать независимым субъектом международных отношений. Кроме того, ему надо было добиться отмены режима капитуляций, установленного еще Туркманчайским трактатом и приложенным к нему актом от 10 февраля 1828 г., и также всех других неравноправных договоров, соглашений и концессий, заключенных между Персией и царской Россией, а также англо–русских соглашений 1907 и 1915 годов.

Договор между РСФСР и Ираном был подписан 26 февраля 1921 г. в Москве. Российское правительство объявило отмененными все договоры, конвенции и соглашения, заключенные правительством царской России с Персией, а также все конвенции и соглашения, заключенные бывшим царским правительством России с третьими государствами во вред Персии. Этот договор стал основной законодательной базой для дальнейших отношений с РСФСР, СССР и Российской Федерацией (с 1992 г.), стороны обязались воздерживаться от каких–либо агрессивных действий по отношению друг к другу и не вводить своих военных сил на территорию другой страны, за исключением случаев, предусмотренных статьей 6–ой договора 1921 г.

Несмотря на то, что Советская Россия продемонстрировала новое отношение к Ирану как равноправному партнеру, нельзя не сказать и о том, что включение ст. 5 и ст. 6 не могло не ущемлять его национальных интересов. Поэтому одним из первых постановлений исламского руководства стало решение Исламского революционного совета от 10.11.1979 г. об утрате смысла и отмене действия статей 5 и 6 договора 1921 г. И тем не менее договор России и Ирана 1921 г. был первым равноправным договором Ирана с крупной зарубежной державой.

Статья 11 договора особо оговаривала право Ирана иметь свой флот на Каспийском море, которого он был лишен по Туркманчайскому трактату. Впервые вводились юридические нормы пользования Каспийским морем, по которым обе стороны получали равные права свободного плавания по Каспийскому морю.

Советская дипломатия после подписания договора 1921 г. развернула большую работу по реализации его положений. Правительство Реза–хана, со своей стороны, проявило понимание того огромного значения, которое имело для Ирана развитие добрососедских и дружественных отношений с СССР. В первой половине 20–х годов между двумя странами были подписаны телеграфные и почтовая конвенции, торговый договор, соглашение о совместной эксплуатации рыбных промыслов иранского побережья Каспийского моря, а 20 февраля 1926 г. – соглашение о взаимном пользовании пограничными водами.

Деятельность созданных в конце 1923 г. – начале 1924 г. смешанных советско–иранских обществ способствовала росту товарооборота между двумя странами и развитию иранской экономики.

Новым важным этапом в отношениях между Россией и Ираном стало подписание договора между СССР и Ираном о гарантии и нейтралитете. Договор 1927 г. был подписан 1 октября в Москве с советской стороны Г.В.Чичериным, Л.М.Караханом и с иранской стороны – министром иностранных дел Ирана Али Голи–ханом Ансари. Договор был заключен сроком на три года с автоматическим продлением его на годичные периоды по согласованию сторон. Он вступил в силу 2 ноября 1927 г.

Этот договор от 1 октября 1927 г., подписанный одновременно с таможенной конвенцией и торговым

(Даже при нормальн

соглашением, стал наиболее важным шагом к отмене режима капитуляции в 1928 г., что юридически привело иранские правовые нормы в соответствие с международными и сделало Иран полноправным субъектом международных отношений. Именно в результате договоров 1921 и 1927 гг. Иран получил фактический статус независимого государства, полноценного субъекта мирового рынка, имеющего право на самостоятельный как внешнеполитический, так и внешнеэкономический курс. Во многом благодаря им Иран получил возможность проведения жесткого протекционистского курса с конца 20-х годов, заложившего основы национальной промышленности.

Нужно отметить, что в основу торговых взаимоотношений СССР с Ираном еще до подписания договора 1927 г. был положен принцип нетто-баланса, то есть принцип покрытия экспорта из Ирана в СССР импортом советских товаров на соответствующую сумму¹⁰. Подписание договора 1927 г. открыло новый этап в отношениях двух стран. После заключения этого договора объем советско-иранской торговли за короткое время возрос на 80%.

Одновременно было подписано соглашение об эксплуатации рыбных промыслов южного побережья Каспийского моря смешанной советско-иранской компанией. В соответствии с этим соглашением в Иране была создана смешанная компания "Иранрыба"¹¹.

Таможенная конвенция, подписанная одновременно с договором 1927 г., установила новые твердые тарифы для ввозимых в Иран советских товаров вместо временно существовавших тарифов 1901–1903 гг. Новые тарифы обеспечили иранскому бюджету повышенные по сравнению с тарифом 1901–1903 гг. доходы.

Готовясь к отмене капитуляционного режима, иранское правительство в ходе переговоров с Москвой стремилось получить согласие правительства СССР на аннулирование этой конвенции в случае введения Ираном автономного таможенного тарифа. СССР согласился с этой просьбой, что и было отмечено при обмене нотами по вопросу о таможенной конвенции. Следует отметить, что согласие советского руководства признать иранский автономный тариф оказало Ирану сильную поддержку в ликвидации капитуляционного режима.

В ноябре 1933 г. советское правительство представило Ирану проект соглашения о границах с Ираном, положив в основу принципы, содержащиеся в аналогичном соглашении между СССР и Афганистаном. Однако иранское правительство пошло на заключение соглашения только после решения вопроса о линии границы между Ираном и Афганистаном и подписания 7 марта 1934 г. ирано-афганского соглашения об установлении линии границы. По мнению Н.В.Капышина, именно это соглашение означало окончательное разрешение пограничной проблемы¹². Однако, продолжающиеся нарушения границы свидетельствовали о том, что пограничная проблема до конца в 30-е годы так и не была решена. На наш взгляд, более правильным представляется позиция авторов работы брошюры "Формирование границ между Ираном и Россией (история и современность)" Л.М.Кулагиной и Е.В.Дунаевой, которые считают, что окончательное решение пограничной проблемы стало возможным лишь в 1957 г., когда был подписан договор о режиме советско-иранской границы и о порядке урегулирования пограничных конфликтов¹³. Следующими договорами стали торговый договор 1935 г. и 1940 г. Вновь встал вопрос о Каспийском море. Одновременно с заключением договора 1940 г. был произведен обмен писем, согласно которому Каспийское море рассматривалось, лишь как море советское и иранское. В статьях 12–15 этого договора подробно излагались равные права договаривающихся сторон на плавание судов под национальным флагом по этому морю, порядок пользования портами, провоза грузов, ловли рыбы и другие вопросы. Статья 13 договора указывала, в частности, что на Каспийском море могут находиться суда только СССР и Ирана.

Впервые был поставлен вопрос и о прибрежной зоне, которую фактически можно рассматривать в качестве границы. По этому договору ширина прибрежной зоны, в водах которой преимущественное право на ловлю рыбы принадлежало судам национального флага, была определена в 10 морских миль. Такое решение вопроса о пользовании водами Каспийского моря отвечало национальным интересам обоих государств и соответствовало нормам международного права¹⁴.

Советский Союз и Иран по этому договору взаимно предоставили друг другу режим наиболее благоприятствуемой нации в отношении всех вопросов торговли и мореплавания.

Долгое время советско-иранские торговые отношения базировались именно на этом договоре. Этим договором были заложены благоприятные правовые условия для дальнейшего развития и укрепления делового сотрудничества между советскими и иранскими хозяйственными организациями.

Совсем недавно, 19 октября 1997 г. меджлис Ирана ратифицировал "Соглашение об экономическом и торговом сотрудничестве между Ираном и Россией" сроком на 5 лет. Новое соглашение содержит 14 статей, а 13 ст. этого Соглашения подтверждает принципы договора 1940 г.

1 Элвелл-Саттон Л. Иранская нефть: К истории "политики силы", М., 1956, (пер. с англ.), с. 91–92.

(Даже при нормальн

2 Документы внешней политики СССР, М., 1957, с. 92.

3 РЦХИДНИ, ф. 122, оп. 1, д. 261, л. без №.

4 Арабаджян З.А. Иран: власть, реформы, революции, М., 1991, с. 36.

5 Годс М.Р. Иран в XX веке: Политическая история, М., 1994, с. 74. В некоторых других работах по истории Ирана эта республика называется Гилянская Советская (Социалистическая) Республика.

6 Иванова М.Н. Иран во время первой мировой войны, М., 1980, с. 136.

7 Арабаджян З.А. Указ. Работа, с. 40–44.

8 Персиц М.А. Застенчивая интервенция, М., 1996, с. 36. Этот рецепт Карахана стал классическим. Он вполне сохранил свою действенность, особенно в послевоенный период в Европе и Азии.

9 Советско–иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях, М., МИД СССР, 1946, с. 74–82.

10 Лазаревский Л. Иран, М., 1941, с. 47.

11 Однако в 1952 г. Иран отказался от продления ст. 14 договора 1927 г. и принял меры для создания иранской самостоятельной компании “Шилат”.

12 Полвека мирного сотрудничества, М., 1973, с. 148.

13 Формирование границ между Ираном и Россией (история и современность), М., Российский центр стратегических и Международных исследований, 1993, с. 27.

14 Полвека мирного сотрудничества, М., 1973, с. 148.

ИРАНО–СИРИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Одной из приоритетных стран, с которыми Иран поддерживает тесные дружественные отношения, является Сирийская арабская республика (САР).

Налаживанию ирано–сирийских отношений в первые годы образования Исламской Республики Иран (ИРИ) способствовала религиозная близость алавитов и шиитов. Сирия издавна служила традиционным убежищем для религиозных авторитетов оппозиционных шахскому режиму.

Алавиты появились как крайняя шиитская секта в последней трети IX века. Они проповедуют религиозную нусарийтскую доктрину¹. В настоящее время алавиты составляют около 12% населения САР, т. е. немногим более 1 миллиона человек. Проживают они главным образом в провинции Латакии на северо–западе Сирии и в небольшом количестве в соседних провинциях Хомсе и Хаме. По своему социальному положению алавиты в большинстве своем были бедными крестьянами и ремесленниками.

История алавитов – это история борьбы за выживание, противостояние внешним и внутренним силам. На протяжении нескольких столетий османские власти подвергали алавитов жестоким преследованиям, сунниты также нападали на них, угнетали и эксплуатировали.

После завоевания Сирией независимости алавиты, чтобы сохранить свою самобытность, стремились заручиться поддержкой суннитов, составляющих большинство населения страны. Этому во многом способствовало официальное признание одним из высоких шиитских авторитетов в 1936 г. алавитов мусульманами, с которыми все обязаны сотрудничать.

Алавитское сообщество связало в последние десятилетия свою судьбу с близкими ему идеями баасизма, борьбой за справедливость и общенациональные интересы и выдвинуло своих видных представителей в высшие эшелоны власти Сирии².

Алавиты развивают отношения с шиитскими религиозными центрами, поддерживают активные контакты с Ираном. Оценивая роль алавитов в современной Сирии, нельзя отрицать важного влияния на развитие положительных преобразований в этой стране многих представителей этой небольшой общины и, в первую очередь, президента САР Х.Асада. Входя в состав правительства Сирии, алавиты несомненно сыграли важную роль в развитии дружественных связей между ИРИ и САР.

Наблюдается определенная общность подходов Сирии и Ирана в оценке внешнеполитической обстановки как в регионе, так и в мире, что несомненно диктуется внутривнутриполитическими и экономическими задачами обоих государств.

Так, наряду с общей антиамериканской направленностью Дамаска и Тегерана, с началом ирано–иракской войны (1980–1988 гг.) четко проявилась их антииракская платформа, которая не претерпевает существенных изменений, пока у власти в Багдаде остается Саддам Хуссейн. Затяжная вооруженная конфронтация Ирана с Ираком создала предпосылки к закреплению особых сирийско–иранских отношений, являющихся вплоть до настоящего времени основным каналом выхода Тегерана на арабский мир. Сирия была единственной из арабских стран, которая на протяжении всей ирано–иракской войны оказывала Ирану политическую и моральную поддержку.

История с постепенным освобождением всех западных заложников в Ливане на рубеже 80–90–х гг. наглядно продемонстрировала позитив сирийско–иранского взаимодействия, что положительно было оценено и американцами, негативно относившимися к сирийско–иранским связям.

В контактах с сирийским руководством американцы обращают внимание на большие незадействованные возможности Сирии в оказании сдерживающего воздействия на радикализм во внешнеполитической активности Ирана, США заверяют сирийское руководство в том, что активизация усилий Дамаска по обеспечению политической стабильности в регионе, в первую очередь с

(Даже при нормальн

использованием особых ирано–сирийских отношений, позитивно отразится на американской политике по отношению к Сирии.

Важным показателем углубления сирийско–иранских отношений и расширения сферы их взаимодействия может служить договоренность о совместных изысканиях в области ядерных исследований. Действуют комиссии двух стран по обмену информацией в данной области. Дамаск представил ряд научных исследований, направил в Иран несколько своих специалистов – ядерщиков. Сирия выступила посредником при налаживании Ираном соответствующих контактов с Северной Кореей, у которой Тегеран закупил сырье и необходимую технологию. В значительной степени Сирия способствовала установлению контактов Ирана с Китаем по ядерным вопросам. Со своей стороны иранцы весьма сдержанны в раскрытии перед сирийцами информации о своей ядерной программе.

13 октября 1991 г. между Сирией и Ираном было подписано 5–летнее соглашение о военно–техническом сотрудничестве, что ознаменовало новый качественный этап в двусторонних связях. В соответствии с ним в последние годы осуществляются совместные операции по закупке в Северной Корее различного рода вооружений, в том числе ракет средней дальности. На средства Ирана в Сирии создается предприятие для развертывания производства ракет, поставленных из КНДР технологических линий. Конечную продукцию данного предприятия намечается распределить между Ираном и Сирией.

Дамаск и Тегеран проводят совместные мероприятия по поиску и привлечению из–за рубежа в САР и, прежде всего в ИРИ, специалистов ядерщиков, экспертов по ракетной технологии. Работа в этом направлении ведется среди населения бывшего СССР, Восточной Европы, Китая, Северной Кореи.

Устойчивую тенденцию к дальнейшему углублению имеет и сложившийся механизм внешнеполитической координации. На постоянной основе руководство двух стран проводит консультации в связи с ситуацией в Ливане, ходом ближневосточного урегулирования, положением в Ираке, проблемой региональной безопасности в Персидском заливе.

С началом мирных переговоров по Ближнему Востоку, несмотря на сдержанный подход Тегерана к арабо–израильским переговорам, спецорганы ИРИ (по договоренности с сирийцами) обеспечивали безопасность участникам мирных переговоров в Ливане с целью предотвратить выпады и репрессивные меры со стороны экстремистских элементов против участия Ливана в переговорах с Израилем. В этом же ключе иранцами ведется работа и с организацией “Хезболла” по недопущению сопротивления ее боевиков сирийскому военному контингенту в Ливане. В свою очередь, Сирия по договоренности с Ираном активно задействует свои каналы в Ливане для политического интегрирования “Хезболла” в ливанские структуры власти.

Иранская революция явилась мощным импульсом, способствовавшим радикализации ливанских шиитов. Тегеран принимал в ней непосредственное участие, осуществляя на практике реализацию лозунга “экспорта исламской революции” и рассматривая Ливан в качестве плацдарма для расширения сферы своего влияния на другие арабские страны. Именно в результате прямого воздействия Ирана в организации ливанских шиитов “Амаль” в 1982 г. произошел раскол, следствием которого стало создание организаций “Хезболла” и “Амаль исламии”.

Основателем организации “Амаль” был имам ливанских шиитов Муса Садр – родственник по материнской линии имама Хомейни. В 1974 г. он создал “Движение обездоленных” (Харак аль–Махруми), а летом 1975 г. объявил о создании “милиции”, принадлежащей “Движению обездоленных”, которая получила название “Амаль” (Афвадж аль–мукавами аль–любианийя – отряды ливанского сопротивления). С самого начала движение было неоднородным, что приводило к частым столкновениям в руководстве.

Новый этап шиитского движения в Ливане наступил после иранской революции. В феврале 1979 г. один из руководителей “Амаль” – Мустафа Шамран после визита ливанских шиитов в Иран остался по просьбе Хомейни в Тегеране для поддержания постоянных контактов по линии Иран–Ливан. В 1980 г. движение возглавил Набих Берри (М.Садр пропал во время пребывания в 1979 г. в Ливии). На первых порах Н.Берри поддерживал курс на сближение с Ираном, но затем пересмотрел свои взгляды. Он считал, что “Амаль” должна быть ливанской организацией и решать проблемы только ливанских шиитов.

После израильского вторжения в Ливан (лето 1982 г.) “Амаль” окончательно переориентировалась на Сирию, при поддержке которой шиитские “батальоны” укрепились на юге Ливана, заняв там позиции, оставленные ООП.

1982 г. стал временем раскола “Амаль” и появления в Ливане полностью проиранских шиитских организаций. Часть его членов во главе с заместителем Н.Берри Хусейном Аббасом Мусави, командовавшим военными формированиями, осудила антипалестинские позиции Берри и его “отход от планов создания в Ливане исламской республики”. Под давлением Н.Берри Х.Мусави исключают из “Амаль” и он создает в Баальбеке (долина Бекаа) целиком ориентированную на Иран, крайне

(Даже при нормальн

экстремистскую организацию "Хезболла"³.

"Хезболла" – является одной из наиболее активных фундаменталистских религиозных организаций шиитского толка, открыто выступающая с проиранских позиций, борется за создание в Ливане "исламской республики" проиранской ориентации.

Руководит деятельностью "Хезболла" "Консультативный совет" (шура), который принимает решения и вырабатывает стратегическую линию на основе директив, получаемых от иранского руководства. "Хезболла" располагает в Ливане собственным центром подготовки боевиков. Более основательное обучение некоторые из них проходят в Иране и Сирии. В организации есть, так называемое военное крыло "Джихад исламий'я", которое непосредственно занимается разработкой и осуществлением терактов. Численность "Хезболла" на начало 90–х годов составляла около 10000 бойцов. Ядро организации формируют добровольцы из Корпуса стражей исламской революции (КСИР), прибывшие в Ливан в 1982 г. для отражения израильской агрессии. Денежное содержание боевиков выше, чем в других вооруженных группировках Ливана. Движение предоставляет помощь семьям погибших и пострадавших в ходе боев, оказывает медицинскую помощь, содействует в получении образования. Ежемесячные расходы ИРИ на содержание "Хезболла" в Ливане около 30 млн. долл.⁴ На состоявшемся в мае 1993 г. в Ливане совещании членов "Хезболла" было принято решение о постепенном превращении организации в политическое движение при сохранении ее военного ядра.

Несколько ранее "Хезболла" заявила об отказе от диверсионных, террористических методов борьбы, снизила военную активность на юге Ливана, достигла компромисса внутри организации между радикалами и умеренными, а затем заключила перемирие с "Амаль", активно участвовала в выборах в парламент осенью 1992 г., где получила 8 (из 128) мест.

Все эти акции были предприняты в связи с обострением отношений Ирана со странами Запада, обвинявшими его и поддерживаемую им организацию "Хезболла" в террористической деятельности. Стремясь обеспечить свои долгосрочные интересы в регионе, используя эту организацию, Иран пошел на некоторое смягчение деятельности "Хезболла".

В настоящее время большинство в руководстве организации придерживается совместно выработанного между Ираном и Сирией курса на дальнейшее упрочение позиций "Хезболла" в Ливане и превращение ее в крупнейшую политическую партию шиитской общины.

Сирия заинтересована в использовании "Хезболла" в качестве весомого аргумента в переговорах с Израилем и стремиться установить более жесткий контроль над военной активностью организации в "зоне безопасности".

В политическом руководстве "Хезболла" стали преобладать ливанские шииты, что вызывает недовольство у исламского руководства Ирана. Сирия стремится избежать каких бы то ни было конфликтов с Ираном, опасаясь лишиться в его лице выгодного торгового и экономического партнера и возможности использовать иранский фактор и фундаменталистские силы в качестве рычага воздействия на процесс ближневосточного урегулирования.

Дамаск и Тегеран ведут совместную борьбу против выращивания наркосодержащих культур и распространения наркотиков. Иран сотрудничает с Сирией и Ливаном: спецподразделения КСИР участвуют в проведении рейдов в шиитских районах Ливана по выявлению посевов, вскрытию каналов распространения и разоблачению участников. налажен взаимный обмен информацией по этой тематике в целом.

В настоящее время Иран и Сирия сотрудничают, но, по всей видимости, в дальнейшем вряд ли они смогут договориться о будущем режиме в Ливане. Исламские лидеры лелеют мечту о создании в Ливане исламского государства, находящегося в сфере их влияния. Сирия же рассматривает Ливан как страну, в которой имеет свои особые политические и экономические интересы. Иран не устраивает, что "Хезболла" все больше оказывается под влиянием Сирии. ИРИ пытается поставить под свой контроль отряды палестинского движения сопротивления на западном берегу р. Иордан и в секторе Газа. Используя материальные и финансовые трудности некоторых палестинских группировок, их разногласия с Сирией и Ливаном, Иран пытается наладить с ними контакты под предлогом проведения совместных акций против Израиля, а в действительности – стремится их использовать в качестве еще одного канала для реализации своих политических планов в регионе.

Осенью 1994 г. в Баальбеке была создана палестинская группировка "Революционная исламская армия за освобождение Палестины", у истоков создания которой стоял один из лидеров "Хезболла" Собхи Туфейли.

Весной 1995 г. в Дамаске открылось специальное представительство духовного лидера ИРИ во главе с ходжат оль-эсламом Охди, влиятельным представителем иранского духовенства. Основная его задача – активизировать деятельность палестинской оппозиции Израилю и "Хезболла".

Сирия и Иран выступают с общих позиций в отношении Ирака. Они считают важным не допустить изменений в этой стране в сторону прозападной ориентации, что принесло бы значительный ущерб

(Даже при нормальн

как сирийским, так и иранским интересам в регионе. Создание в 1992 г. на севере Ирака автономного района Курдистан со своим парламентом и правительством привело к активизации сирийско–иранского взаимодействия на антикурдском направлении. Выступая с общих позиций против становления любых форм курдской государственности, Дамаск и Тегеран проводят согласованные акции по дестабилизации обстановки в Курдистане, пресекают попытки иракских курдов наладить диалог с Багдадом, препятствуют попыткам автономии установить взаимовыгодные экономические связи со странами региона.

Такая позиция в отношении курдов во многом объясняется тем, что как в Иране, так и в Сирии, курды составляют около 10% населения. Проживают они довольно компактно. В Иране – в иранском Курдистане, провинции Бахтаран и ряде других регионов; в Сирии – в провинции Хасеке (Джазири)5. Любые разговоры об автономизации курдов или расширении их связей с курдами соседних государств воспринимаются в обеих странах достаточно болезненно.

Относительно новым аспектом сотрудничества двух стран является противодействие попыткам Турции распространить свое влияние на республики Средней Азии, Закавказья, Северного Кавказа. В этом плане с руководством этих республик по многим линиям ведется активная работа по дискредитации намерений Турции. Выступая на стороне Тегерана в соперничестве ИРИ с Турцией за влияние в бывших советских среднеазиатских республиках и Азербайджане, Дамаск тем не менее отклоняет в осторожной форме все попытки иранцев активно вовлечь Сирию в процессы, происходящие на постсоветском пространстве. В Сирии считают, что притягательность Ирана для республик Средней Азии и Кавказа может значительно вырасти, если Тегеран ослабит использование радикальных методов борьбы за достижение своих внешнеполитических установок. Проявление любого экстремизма, конфронтации, даже со стороны отдельных представителей руководства ИРИ, активно обыгрывается Западом в целях дискредитации Ирана и удерживает многие страны от развития отношений с Тегераном.

В качестве мощного регулятора в сирийско–иранских отношениях Тегеран использует задолженность Сирии по ранее предоставленным кредитам (около 4 млрд. долл.), безвозмездную поставку ежегодно нефти (1 млн. т), а также экспорт нефти в САР по льготным ценам. Тегеран использует различные способы, чтобы еще теснее вовлечь Сирию в орбиту своего влияния. Важное место отводится идеологическому воздействию на Сирию.

Главная роль в этом принадлежит Культурному центру ИРИ в Дамаске. Центр непосредственно подчиняется министерству исламской ориентации в Иране. В работе центра активное участие принимают шииты, проживающие в Сирии. Главное место в работе Центра, наряду с распространением знаний языка, культуры, искусства, истории Ирана, занимает пропаганда идей иранской революции. Центр обладает обширной библиотекой по исламской тематике, видеотекой, хорошей полиграфической базой. Одним из важных показателей пропагандистской деятельности Ирана среди мусульман Сирии служит открытие в пригороде Дамаска шиитских школ. Эти школы финансируются Ираном. Обучение в них длится десять лет и, наряду с общеобразовательными знаниями, они дают ученикам серьезную теологическую подготовку. Преподаватели в основном иранцы, но встречаются также эмигранты из Афганистана и Пакистана6.

Но несмотря на все попытки усилить свое политическое и идеологическое влияние на Сирию, Иран обладает сравнительно ограниченными возможностями оказывать воздействие на прагматический внешнеполитический курс Дамаска. Неоднократные попытки иранского руководства убедить сирийцев отказаться от продолжения мирного диалога с Израилем не оказали существенного влияния на переговорную позицию САР по ближневосточному урегулированию.

Более того, Сирия активно использует иранский радикализм в отношениях с Израилем для демонстрации контраста умеренности и взвешенности своего подхода к политике Тель–Авива.

Сирийское руководство пытается оказать воздействие на политику ИРИ в арабском мире, рекомендуя не давать предложений для развертывания антииранской кампании в Египте, воздержаться от эскалации территориального спора с ОАЭ, осуществлять контакты с "Хезболла" только с учетом центрального правительства Ливана и др.

В Дамаске неоднозначно оценивают целесообразность ориентации на Тегеран в долгосрочном внешнеполитическом плане. При этом обращается особое внимание на опасность открытого и форсированного сближения с Ираном, ставшим с начала 90–х годов наряду с Ираком объектом американской стратегии "двойного сдерживания".

В значительной мере дальнейшая судьба особых сирийско–иранских отношений увязывается Дамаском с ходом мирного процесса в регионе. Сирийцы не исключают возможность формирования политической оси Дамаск–Тегеран–Бейрут с подключением к ней в перспективе Багдада (в случае ухода с политической арены Саддама Хусейна). Приход к власти в Ираке сторонников развития отношений с Сирией отвечал бы ее стремлению создать стратегическую цепь переговорных

(Даже при нормальн

процессов САР с Израилем уже на иной основе.

Широкая сфера совпадающих интересов, сложившихся на протяжении более чем двух десятилетий, практика взаимодействия сирийского и иранского режимов придают устойчивость особому характеру взаимоотношений Дамаска и Тегерана на обозримую перспективу.

1 P.Gubser. Minorities in power: the alawites of Syria the political role of minority groups in the middle east. N-Y., 1979, с. 20–22.

2 В. Щенников "Алавиты", "Азия и Африка сегодня", 1993, № 10, с. 25–28.

3 См. A.Tuheri. Holy Terror. The Inside story of Islamic Terrorism. Hutchison, 1987.

4 "Аль-Ахрам". 5.11.92.

5 "Ближний и Средний Восток: История. Экономика. Политика. ч.1., М., 1987., с.48–49.

6 "Кейхан интернэшнл". 23.05.1989.

ОТНОШЕНИЯ ИРАНА И США В СЕРЕДИНЕ 90–х гг.

Во второй половине 90–х годов Соединенные Штаты Америки продолжали проводить на Среднем Востоке политику давления на те государства, которые выступают против их гегемонии в регионе. В первую очередь, это политика "двойного сдерживания" Ирана и Ирака, предотвращающая сколько–нибудь серьезное усиление какой–либо из названных стран. При этом, если предыдущая американская администрация проводила политику "кнута и пряника", то администрация Клинтона ограничила ее политикой "кнута и кнута", стремясь всячески ослабить своих противников на Ближнем и Среднем Востоке. Одним из примеров этому могут служить ракетные удары по Ираку, которые, однако, имели и непредусмотренное последствие. Ослабив Ирак, они дали преимущества позиции Ирана, что не могло не вызвать беспокойство в Палате Представителей Конгресса США и оттуда раздались предупреждения президенту Клинтону о том, что более активные действия по дестабилизации режима Саддама Хусейна могут усилить прошиитские настроения в регионе и привести к созданию проиранского шиитского государства.

Подобная позиция США объяснялась во многом следующими факторами: антиамериканской направленностью внешней политики Ирана, поддержкой Ираном международного терроризма, оппозицией процессу ближневосточного урегулирования, стремлением к гегемонии в регионе и активными усилиями по обладанию химическим и ядерным вооружением. Особое беспокойство вызывало усиление военно–морских сил Ирана, способных, по утверждению американских наблюдателей, перекрыть в случае экстренной необходимости Ормузский пролив.

Антииранская кампания в США усилилась в конце 1994 года после заявлений Израильского правительства о том, что Иран находится на грани получения ядерного оружия и, особенно, решения России о поставках 2–х ядерных реакторов в Иран. И, хотя, собственные оценки американских экспертов, а также данные МАГАТЭ не вызывали особой тревоги, реакция США стала достаточно нервной и дала возможность некоторым европейским обозревателям говорить о преобладании в политике США эмоций над разумом¹.

Усилия Америки были направлены на то, чтобы экономическими и политическими акциями привести к полной изоляции ИРИ в мире. В этой связи американское правительство предприняло ряд действий. В мае 1995 года оно ввело полное эмбарго на торговлю с Ираном, которое предусматривало следующие шаги:

а). Американским нефтяным компаниям запрещалась покупка и продажа иранской нефти. (Представляется целесообразным напомнить, что в 1994 году ИРИ экспортировала в США 600000 б/день, а в начале 1995 года 400000 б/д, что составляло 1/4 – 1/5 иранского нефтяного экспорта.).

б). Запрещался весь экспорт США в Иран. (В отличие от существовавшего запрета, который предусматривал только запрет экспорта высоких технологий двойного назначения).

в). Запрещались все виды инвестирования, в результате чего компания КОНОКО вынуждена была отказаться от сделки в 600 млн. долл. на разработку иранского нефтяного месторождения в Персидском заливе.

Необходимо отметить, что это эмбарго не распространялось на транспортировку по территории Ирана азербайджанской нефти, хотя США и добились сокращения доли иранских компаний в консорциуме. Такой двойной подход возможно объясняется стремлением поддержать разработку нефтяных месторождений на территории бывших республик СССР и тем самым снизить значение иранской нефти в мировой добыче.

Помимо этого президент Клинтон подписал в августе 1996 года законопроект, запрещающий другим странам делать сколько–нибудь значительные инвестиции в Иранскую экономику. Законопроект был подготовлен сенатором республиканцем Альфонсом Д'Амато от Штата Нью–Йорк и Американско–израильского общественного комитета. Согласно ему президент должен наложить две из списка шести санкций на компанию, которая инвестирует в течение года в газовые или нефтяные проекты Ливии или Ирана более 40 млн. долл. Среди этих санкций: невыдача лицензии на экспорт американских товаров, неоказание помощи американскими банками в экспортно–импортных операциях, невозможность получения американских государственных контрактов, невозможность

(Даже при нормальн

экспортировать товары в США.

Во многом появление этого закона объяснялось предвыборной кампанией президента Клинтона. Само подписание было обставлено с большой помпезностью в духе рекламного шоу. На нем присутствовали родственники тех, кто погиб в авиакатастрофе 1988 года на борту американского самолета, в которой обвинялись террористы, поддерживаемые Ираном, и двух человек из числа заложников в американском посольстве в Тегеране в 1980 году. В своем выступлении Клинтон назвал Иран и Ливию в качестве двух основных спонсоров международного терроризма и заявил о миссии Америки, которая заключается в том, чтобы наказать террористов. Одновременно в прессе делались попытки связать появление этого закона с гибелью американского самолета в июле текущего года, а министр обороны Перри высказывал предположения, что Иран стоял и за взрывами в Саудовской гравии.

С момента своего подписания закон вызвал резко отрицательную реакцию стран Европейского Союза и Японии, которые призвали США подумать еще раз, поскольку неприемлемо диктовать торговую политику другим странам. Они угрожали поставить этот вопрос в Международной торговой организации, обвинив США в нарушении закона свободы торговли². Особенно ярко противоречия проявились на конференции, организованной в Лондоне газетой "Геральд Трибьюн" и "Ойл Дейли Компани Делит" в августе 1996 года. В защиту американской политики выступил Грег Рикман, работающий в команде сенатора Д'Амато. Он эмоционально заявил: "Если вы хотите иметь дело с дьяволом, то пусть так и будет. Если европейские страны не хотят принимать участие в разрешении проблемы, они могут стать ее частью". И предупредил: "Если Иран устроит террористический акт против США, он будет сметен с лица земли". Общее мнение европейских стран на конференции выразил представитель французского правительства, заявивший, что ограничения, накладываемые США "противоречат международному праву, и мы не собираемся на них реагировать"³. Представляется небезынтесным отметить, что на этой конференции США и ИРИ как бы поменялись своими традиционными ролями. На фоне красочных высказываний Г.Рикмана иранские представители выступали в спокойном и сдержанном тоне, говоря о необходимости стабильности в мире для наиболее продуктивного использования мировых нефтяных ресурсов в XXI веке.

Соединенные Штаты Америки не ограничились только мерами экономического и политического порядка. В июне 1995 года в Персидском заливе был сформирован 5-ый флот США. Первый постоянно действующий флот США после второй мировой войны. А в феврале 1995 года США выделили 20 млн. долл. на антииранскую кампанию.

Помимо подписания законопроекта, запрещающего другим странам инвестировать в Иран, администрация Клинтона проводила активную дипломатическую кампанию, с целью заручиться поддержкой Западной Европы и Японии в деле экономической и политической изоляции Ирана. Безоговорочное одобрение действиям США выразил только Израиль. Япония согласилась лишь отложить на какое-то время предоставление займа на постройку плотины на реке Карун. Остальные же страны или никак не прореагировали или, наоборот, расширили свое сотрудничество с Ираном как Франция или Китай (последний ведет переговоры о продаже ядерных технологий в Иран).

В целом администрации Клинтона не удалось путем значительного дипломатического давления удержать другие страны от развития отношений с Ираном, хотя кое-какие трудности все-таки были созданы. Например, в прошлом году страны кредиторы Парижского клуба в результате нажима со стороны США отказались разрешить Ирану пересмотреть график погашения долгов. "Мы закрыли многие каналы поступления им средств. И это обойдется им в кругленькую сумму", – заявил Д'Амато⁴. Односторонние санкции, естественно, не могли оказаться эффективными. Пожалуй, самым существенным оказался запрет на продажу иранской нефти в США. Но представляется, что рано или поздно Иран найдет и других покупателей.

С другой стороны, можно говорить и о том, что антииранские действия США в определенной степени оказались выгодны иранскому режиму. Постоянные нападки давали возможность списать все просчеты внутренней политики на международные заговоры и укрепляли позиции традиционных клерикальных кругов, сторонников жесткой линии. Помимо этого, Иран постоянно находился в центре внимания американской политики и это, несомненно, поднимало его престиж на международной арене. Возможно поэтому ряд американских аналитиков советовали не поднимать шум вокруг Ирана, а просто его игнорировать. А некоторые представители Государственного департамента считали необходимым пересмотреть политику США в отношении Ирана. Так, например, заместитель государственного секретаря Роберт Пелетро 24 октября 1996 года заявил, что отсутствие диалога с Ираном на данный момент не может считаться удовлетворительным и выразил надежду, что во время второго срока президентства Клинтона ситуация изменится⁵.

В ответ на эти и другие высказывания президент Рафсанджани 4 ноября 1996 года заметил, что Иран не собирается отказываться от диалога с США, но никогда не начнет его под давлением. "И если они

(Даже при нормальн

(США) "утихомиряется", как указывал имам, то не будет никаких проблем. Наша политика продолжает линию имама", – подчеркнул онб. А лучшим доказательством добрых намерений Америки, – по его мнению, – было бы размораживание иранских авуаров в банках США.

Президент ИРИ отрицал поддержку Ираном террористов, указывая при это на наличие двойного стандарта в подходе США к этому вопросу. "Америка совершает военные нападения на Ливию и Ирак и эти акции почему то не рассматриваются как терроризм", – говорил он7. По нашему мнению, "двойной стандарт" в американской политике в отношении Ирана особенно ярко проявился, когда США не препятствовали поставкам иранского оружия мусульманским отрядам в Боснию во время военных действия на Балканах. Сенатор Боб Доул сказал по этому поводу: "Клинтон дал зеленый свет террористическому государств распространять свое влияние в Европу"8. Однако иранские официальные лица умолчали об этом факте.

Создавая образ умеренной положительной страны, Рафсанджани, неоднократно отмечал, что Иран не стоит на пути ближневосточного урегулирования, что у его страны не было проблем с народом Америки и что двери Ирана открыты для США. Доказательством этого был, по его мнению, контракт с КОНОКО. Подобные заявления совпадают с некоторым исправлением образа ИРИ на международной арене. С тем, что он смягчил свою позицию в отношении государства Израиль, допустил к себе экспертов МАГАТЭ и активно выражал готовность вести диалог с Европой.

Внутри самих Соединенных Штатов нет единства в оценке основного направления и перспектив политики, проводимой администрацией в Иране. Республиканская партия, имеющая большинство в Конгрессе, настаивает на ужесточении курса. Подчеркивая озабоченность США в отношении Ирана, более двухсот членов Палаты Представителей призвали к проведению эффективной глобальной политики в целом и в против Тегерана в частности, потребовав от европейских стран занять более четкую позицию. Они опубликовали "Заявление по Ирану", подписанное 222 членами Конгресса. В нем указывается, что пришло время для совместных действий, чтобы изолировать режим Тегерана, и содержится призыв к европейским странам последовать за Вашингтоном, который ввел суровые экономические санкции против Ирана. Помимо этого авторы документа подчеркнули, что те, кто заинтересован в реальных переменах в Иране, должны начать работу с иранскими демократическими оппозиционными группировками, такими как "Национальный совет сопротивления Ирана". А председатель комитета по международным отношениям Б.Гилман, указав на недостаток сотрудничества со стороны европейских союзников по этим проблемам, отметил, что администрация США достигла бы больших успехов, если бы действовала не в одиночку.

В свою очередь, некоторые конгрессмены демократы полагают, что пришло время откорректировать курс. "Почему бы не попытаться внести некоторые изменения", – сказал член Палаты от Индианы Ли Гамильтон, отметив призывы бывших высокопоставленных американских лиц о том, чтобы ослабить напряженность в отношениях с Ираном. Возможно это объяснялось тем, что санкции, направленные на то, чтобы не допустить финансирования Ираном международного терроризма и получения оружия массового поражения имели побочный эффект для американского бизнеса.

Однако с началом нового срока президентства Б.Клинтон существенных изменений в политике США не произошло. Можно было лишь говорить о некотором снижении интереса к Ирану. В определенной степени это можно объяснить ожиданиями результатов президентских выборов в самом Иране. Многие американские ученые задавали себе вопрос о том, будет ли Иран через восемь лет после смерти основателя Исламской республики Иран придерживаться основных принципов революции 1979 года или возьмет более умеренный курс.

Надежды на смягчение внешнеполитического курса Ирана возросли после избрания на пост президента ИРИ Хатами, который несмотря на близость к революционным кругам, известен относительно умеренными взглядами, отличающими его от радикально настроенных представителей духовенства, и считается приверженцем определенного изменения подхода в отношениях с Западом в целях выхода страны из изоляции. При этом Вашингтон занял довольно осторожную позицию. "Мы внимательно следим за ситуацией, – заявил представитель Белого Дома в интервью "Нью-Йорк Таймс", – Мы должны посмотреть произойдут ли действительно перемены в поведении Ирана в тех вопросах, которые вызывали озабоченность в прошлом, а именно: терроризм, распространение оружия массового поражения и нарушение прав человека". И далее: "Результат этих выборов позитивен и дает определенные надежды, но пока рано делать какие-либо выводы, потому что враждебность в отношении США и Израиля являются основами внешней политики Ирана"9. Очевидно, что в этой ситуации решение о привлечении Ирана крупнейшей державы региона – к сотрудничеству не будет скорым и выводы о будущем американо-иранских отношений пока действительно делать рано.

28.05.97 на пресс конференции в Тегеране Мохаммд Хатами, отвечая на вопрос о возможном смягчении позиции Ирана, сказал, что пока Америка будет продолжать враждебный курс никакой речи

(Даже при нормальн

о сближении этих стран быть не может. По его словам, позиция ИРИ по ближневосточному урегулированию не претерпит существенных изменений: "Иранское руководство по-прежнему считает израильский режим расистским и уверено, что достижение мира на Ближнем Востоке невозможно без обеспечения законных прав палестинского народа"¹⁰. Хотя, выступая в Меджлисе, Хатами и заявил, что его стране нужна новая внешняя политика и ИРИ будет стремиться к установлению отношений с различными странами. Иранская оппозиция находящаяся в США, уверена, что умеренный образ Хатами – это обман поскольку ни Хатами, ни какое-либо другое правительство не имеет возможности контролировать внешнюю политику ИРИ, определяемую высшим религиозным лидером аятоллой Али Хаменеи и антизападно настроенными преданными ему экстремистами.

Новое обострение словесной войны между Ираном и США было вызвано признанием Палатой Представителей Конгресса США Иерусалима в качестве столицы Израиля. В этой связи Рафсанджани, открывая в Тегеране в июне 1997 года конференцию Организации исламских столиц и городов, подчеркнул, что данный шаг является оскорблением для всего исламского мира и призвал участников предпринять активные действия, противостоящие США. "США ясно показали, что их заявления о нейтральной позиции в ближневосточном конфликте лишь пустые слова и что они готовы к наращиванию своего присутствия в регионе", – отметил он¹¹.

Существенным фактором, который будет влиять на комплекс международных отношений в регионе Среднего Востока в целом и на взаимоотношения Ирана и США в частности является приближающийся нефтяной бум в регионе и растущее значение в этой связи северных соседей Ирана – бывших советских республик Средней Азии и Закавказья, на территории которых и расположены обширные запасы полезных ископаемых. США осознают это и, сохраняя неизменным общее направление риторики в отношении Ирана, делают новые намеки на заинтересованность в улучшении отношений.

Нефтяной фактор в конечном итоге может привести к тому, что США будут рассматривать Иран не в Ближневосточном, а в Центрально-азиатском контексте. Ведь прямо по территории Ирана может проходить один из основных маршрутов перекачки запасов нефти на мировой рынок. Игнорировать Иран в новой ситуации будет практически невозможно. По словам представителей США, они хотели бы видеть достаточно упорядоченное освоение центрально-азиатских месторождений в XXI веке и заместитель Госсекретаря Струоб Тэлбот призвал приложить все усилия к тому, чтобы избежать возможных противоречий и конкуренции между великими державами в той области в следующем столетии. В этой связи Вашингтон принял решение, что не будет противодействовать плану Турции импортировать газ из Туркменистана по трубопроводу через Иран, первому крупному международному энергетическому проекту Ирана после революции.

Этот проект предусматривает строительство трубопровода для транспортировки газа из Туркмении в Турцию. 30 июля 1997 года газета "Вашингтон пост ", сообщила, что США не будут выступать против постройки трубопровода, по которому пройдут значительные объемы природного газа из Центральной Азии через Иран и Турцию в Европу. По трубопроводу, протяженностью 3200 км и стоимостью в 1,6 млрд. дол, природный газ из Туркменистана пройдет через Северный Иран в Турцию. Затем его путь будет лежать в Европу. По мнению правительства США этот проект технически не нарушает закон от 1996 года, предусматривающий введение международных санкций против Ирана и Ливии за их поддержку международного терроризма. Иран построит часть трубопровода, проходящую по его территории, и будет взимать пошлины за транзит. В одной из этих точек трубопровод сможет перегонять и иранский газ. Официальный представитель администрации Клинтона сообщил, что целью согласия на постройку трубопровода было стремление помочь только что родившимся капиталистическим экономикам странам бывшим советским республикам Центральной Азии. Ведь он обеспечит богатые энергетическими ресурсами вновь появившиеся на мировой арене страны путями транспортировки, не пересекающими территорию России.

В то же время Госсекретарь Мадлен Олбрайт подчеркнула, что не следует ожидать слишком многого от решения администрации президента Клинтона не противодействовать этому проекту, который отнюдь не означает оливковой ветки, протягиваемой Ирану. 30 июля 1997 г. Белый дом заявил что усилия США направленные на изоляцию Ирана остаются неизменными. "Никаких перемен в политике не произошло. Нет никаких сигналов относительно изменения нашей политики в отношении Ирана," заявила Энн Луззато, официальный представитель президента Клинтона. Она отметила, что администрация США будет продолжать строго следовать закону, который запрещает американским и иностранным компаниям инвестиции превышающие 40 млн. долл. в развитие энергетического сектора Ирана. Официальный представитель сказала, что Иран и Куба по-прежнему являются экономически неприкасаемыми и администрация США, будет продолжать придерживаться политики, направленной на лишение Ирана ресурсов, необходимых для получения прибыли, из-за той роли, которую он играет в поддержке государственного терроризма.

(Даже при нормальн

Тем не менее нельзя исключить, что с этим решением перестанут считаться как только американские компании станут бороться за контроль над вновь осваиваемыми нефтяными месторождениями.

В заключении представляется возможным сказать следующее. В целом политика американской администрации в отношении ИРИ во второй половине 90-х гг. была неэффективной и во многом определялась внутривнутриполитической ситуацией в США. В первую очередь противоречиями между республиканской и демократической партиями. Внешнеполитические цели по изоляции ИРИ на международной арене не были достигнуты, а санкции, прежде всего отрицательно сказались на деятельности американского бизнеса. Поэтому мы в значительной степени можем согласиться с известным английским аналитиком В.Петросяном в том, что "администрация США оказалась пойманной в сети собственной политики и, как ни неправдоподобно это звучит, американская политика обрела собственную жизнь, став частью внутренней политической ситуации"¹². При этом каких-либо существенных изменений в сложившейся ситуации можно ожидать лишь с развитием крупных нефтяных проектов в регионе.

1 MEED 35,1996

2 MEED 32,1996

3 MEED 45,1996

4 MEED 40,1996

5 MEED 47,1996

6 Ibid.

7 Пульс планеты 23, 04 1997

8 MEED 35,1996

9 Пульс планеты 30, 04 1997

10 Пульс планеты 28,05 1997

11 Пульс планеты 22,06 1997

12 MEED 35,1996

ИРАН И СТРАНЫ ОЭС: ПЯТЬ ЛЕТ СОТРУДНИЧЕСТВА В РАСШИРЕННОМ СОСТАВЕ

Процессы региональной интеграции в современную эпоху становятся ведущей тенденцией в мировой геополитике. Особое значение они приобрели после распада двухполюсной системы мира, что поставило на повестку дня проблему поиска новой геополитической архитектуры – однополюсной при гегемонии США или многополюсной, где роль полюсов будут играть различные региональные структуры.

Руководство Исламской Республики Иран поддерживает идею создания многополюсного мира. Созданная по его инициативе Организация экономического сотрудничества (ОЭС) должна, по его расчетам, со временем стать одним из полюсов новой геополитической системы.

Организация экономического сотрудничества включает в себя 10 государств: Иран, Пакистан, Турцию, Афганистан, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан с населением более 300 млн. человек и площадью 7,2 млн. кв. км. ОЭС по охвату территории и количеству населения является второй региональной организацией в мире.

ОЭС была создана на базе организации Региональное сотрудничество ради развития (РСР), учрежденной Ираном, Турцией и Пакистаном в 1964 г. как межгосударственная организация по экономическому и культурному сотрудничеству. Образование РСР тремя государствами–членами СЕНТО явилось результатом осознания этими развивающимися странами своих специфических интересов, не совпадающих с интересами развитых капиталистических государств, и объяснялось стремлением проводить самостоятельную линию в международной политике.

Иран, Турция и Пакистан, выступившие за внутрирегиональную экономическую интеграцию, разрабатывали многочисленные программы совместного сотрудничества, подготавливали интересные проекты в области развития коммуникаций, сельского хозяйства, создания совместных предприятий, культуры, туризма. Однако за 15–летний период деятельности РСР большинство из них осталось нереализованными. Отношения этих трех стран преимущественно развивались на двусторонней основе. Эта организация не смогла стать реальным механизмом экономического прогресса в регионе.

В 1979 г. после свержения шахского режима и установления исламской республики в Иране деятельность РСР была приостановлена.

Однако после 5–летнего перерыва эта организация была восстановлена. Инициатором этого процесса выступила Исламская республика Иран.

Ее руководство, провозгласившее лозунг "Ни Запад, ни Восток" ориентиром своей внешнеполитической и экономической деятельности и ощутившее за 5 лет ирано–иракской войны изоляцию на международной арене, в условиях развала экономики страны видело возможность выхода из экономической блокады путем восстановления сотрудничества с соседними государствами. Стремление Ирана к внутрирегиональной интеграции нашло поддержку руководства Турции и Пакистана.

При воссоздании организации важную роль сыграл геополитический фактор, в основе которого лежит не только географическая близость этих стран, но и наличие у них объективно–исторической взаимосвязи, сходства экономических структур, общих культурных и духовных ценностей.

В январе 1985 г. в Тегеране на встрече представителей Ирана, Турции и Пакистана было принято решение объединить усилия в области экономики с целью создания условий для регионального экономического прогресса. Название организации было изменено на ОЭС, однако за основу ее деятельности было взято Измирское соглашение 1976 г.¹ Структура организации в основном осталась прежней.

(Даже при нормальн

Высший орган ОЭС – Верховный Совет Министров (с 1991 г. работает на уровне министров иностранных дел. Он определяет генеральную линию деятельности организации, вырабатывает основные направления сотрудничества. Органом, осуществляющим текущую работу организации, является Совет генеральных директоров Министерств иностранных дел трех стран, штаб–квартира которого находится в Тегеране. При нем работает секретариат. Работа по выработке и осуществлению проектов, соглашений проходит в комитетах: экономики и торговли, промышленности и технического сотрудничества, транспорта и связи, сельского хозяйства, науки и образования, энергетики, инфраструктуры и общественных работ.

Для разработки и согласования долгосрочных программ сотрудничества, изучения возможностей экономической специализации стран был создан Совет планирования ОЭС. При этой организации работают центры страхования и Торгово–промышленная палата, основной задачей которой является создание благоприятных возможностей для сотрудничества частных коммерческих структур.

За период с 1985 по 1990 г. деятельность ОЭС сводилась в основном к изучению возможностей и перспектив дальнейшего сотрудничества. Значительные усилия предпринимались для налаживания торговых отношений, однако преимущественно на двусторонней основе. На товарообмен между странами приходилось не более 1% их суммарного внешнеторгового оборота. В эти годы были приняты решения о создании в рамках ОЭС сельскохозяйственных центров для проведения научно–исследовательских работ и подготовки кадров в Исламабаде и Тегеране, школы туризма и управления в Турции. Обсуждались вопросы создания единой транспортной системы.

В начале 90–х годов в деятельности ОЭС наблюдался определенный прогресс, что было связано с изменением политической ситуации на Ближнем и Среднем Востоке и повышением роли этого региона в мировой политике, а также с новым внешнеполитическим и экономическим курсом иранского правительства, принятым после окончания ирано–иракской войны.

Рост националистических движений в южных районах СССР, распад Советского Союза и получение независимости республиками Средней Азии и Закавказья создали благоприятные предпосылки для усиления влияния Турции, Ирана и Пакистана на эти районы. Каждая из трех стран, стремясь опередить партнеров; прилагала значительные усилия для расширения своего идеологического и экономического проникновения в Среднюю Азию и Азербайджан.

Большой интерес был проявлен этими тремя странами к участию в решении афганской проблемы после вывода советских войск и обострения там внутривосточной борьбы.

Иран, Турция и Пакистан принимали прямое или опосредованное участие в разрешении кувейтского конфликта, однако их надежды на получение политических дивидендов не оправдались. Так, Турцию, по–прежнему, не принимали в ЕС. Были значительно сокращены объемы предоставляемой Пакистану американской финансовой помощи. Иран не получил желаемого им места в регионально–оборонительном союзе арабских государств Персидского залива.

В результате усилилось стремление трех государств к выработке общей позиции по региональным политическим вопросам в рамках ОЭС.

Заинтересованность в укреплении совместного сотрудничества диктовалась и чисто экономическими причинами. Хотя хозяйственные возможности трех стран во многом схожи, однако в определенной мере они могут взаимодополнять экономические потребности друг друга. Для более развитой в промышленном отношении Турции Иран и Пакистан представляли выгодные рынки сбыта своих товаров. Иран, со своей

(Даже при нормальн

стороны, мог быть поставщиком нефти и газа для двух соседних стран. Пакистан богат сельскохозяйственными ресурсами. Руководители трех стран осознавали необходимость решения таких проблем, как либерализация таможенных тарифов, модернизация и соединение транспортных систем, создание совместных институтов кооперации для дальнейшего экономического развития.

В мае 1991 г. в Тегеране впервые после восстановления состоялась встреча стран ОЭС на уровне министров иностранных дел. Они определили следующие направления дальнейшего сотрудничества:

- развитие торговли путем обеспечения свободного доступа на рынки друг друга (как первый шаг в этом направлении можно расценить подписание протокола о 10% снижении таможенных тарифов);
- сотрудничество в области промышленности путем создания совместных предприятий для удовлетворения нужд регионального рынка;
- осуществление совместной банковской деятельности;
- создание единой транспортной инфраструктуры.

На встрече министров иностранных дел трех стран отмечалось, что ОЭС рассматривается не только как механизм регионального сотрудничества, но и как путь к созданию “исламского общего рынка”. Такая идея выдвигалась еще в рамках РСР, когда прорабатывались возможности включения в ее состав Афганистана и Ирака. В середине 70–х годов шах Ирана активно пропагандировал свой план создания “Азиатского общего рынка” с участием всех стран бассейна Индийского океана.

На Тегеранской встрече 1991 г. был поставлен вопрос о возможном расширении рамок организации, так как с просьбой о принятии в ее члены обратился Азербайджан. Однако Иран, Турция и Пакистан не решились осложнять отношения с центральным правительством тогда еще единого СССР и приняли решение изучить возможности для будущего принятия Азербайджана. Пакистан внес предложение о привлечении Афганистана к деятельности ОЭС. Вопрос о членстве этой страны был увязан с нормализацией в ней политической ситуации. Однако было подчеркнуто, что организация открыта для других азиатских государств, также отмечалось, что ОЭС может стать основой мирового исламского экономического сообщества.

Вопрос о расширении географических рамок организации был вскоре вновь поставлен на повестку дня. После распада СССР новые независимые государства Средней Азии и Закавказья, стремившиеся как можно быстрее укрепить свою международную легитимность и дистанцироваться от России, в которой они видели угрозу своей независимости, обратили свои взоры к ближайшим соседям. Турция, Иран, а также Пакистан предприняли усилия для заполнения

(Даже при нормальн

образовавшегося политического и экономического вакуума в этих странах, а также создания региональных объединений.

Представители новых государств были приглашены в феврале 1992 г. на встречу руководителей стран ОЭС в Тегеран. На этой встрече Азербайджан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан заявили о своей готовности стать членами ОЭС. Представитель Казахстана участвовал в ней в качестве “гостя”. Тегеранский саммит ОЭС имел широкий резонанс, так как на нем были закреплены новые геополитические реалии на азиатском континенте – выход на международную арену новых мусульманских государств и их стремление к участию в региональной интеграции.

В ноябре 1992 г. на встрече Министров иностранных дел государств ОЭС в Исламабаде было официально утверждено членство Азербайджана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, а также Казахстана в этой организации. В члены ОЭС был принят и Афганистан². 28 ноября был объявлен праздником – Днем организации экономического сотрудничества.

Вступление новых членов в ОЭС было весьма позитивно встречено ее основателями. Руководители трех стран отмечали, что это будет способствовать повышению престижа организации и значительному расширению ее экономических возможностей³. Они не скрывали, что видят в бывших советских республиках новый рынок, кладовую природных ресурсов, широкие возможности для транзита товаров и грузов на Дальний Восток, в Сибирь, Юго–Восточную Азию, в Западную Европу и таким образом получение выхода на все мировые рынки. Необходимо отметить, что Иран, Турция и Пакистан, принимая решение о приеме новых членов в ОЭС, продемонстрировали единство в вопросе отношения к южным районам бывшего СССР, хотя преследовали свои особые политические и экономические цели. Так, Иран, играющий наиболее активную роль в ОЭС, ставил своей задачей создание союза исламских государств и превращения его в новый полюс силы, противостоящий Западу, претендуя на роль лидера в нем. При этом иранское руководство, выдвигая такую стратегическую цель, оглядывалось на Россию, так как осознавало, что явное противодействие или даже игнорирование этой державы может обернуться для Ирана экономическими трудностями и социальной нестабильностью в северных районах страны.

Иран также стремился, используя свое географическое положение, выступить в качестве ключевого звена в формирующихся транспортных потоках между Европой и Азиатско–Тихоокеанским регионом.

Турция, которую не принимают в Европейское сообщество, искала возможности возглавить другой “Общий рынок” и тем самым

(Даже при нормальн

удовлетворить свои амбиции. Пакистан, со своей стороны, пытался утвердиться в исламском регионе и полнее использовать потенциал разностороннего сотрудничества со среднеазиатскими странами. Причем, каждая сторона намеревалась через эту организацию усилить свое влияние на новые государства, а, по возможности, и при определенных условиях, сдерживать деятельность своих соперников. На Западе вступление среднеазиатских государств в региональное экономическое сообщество расценили как попытку бывших республик СССР как можно скорее дистанцироваться от России, явно высказывающейся о своей ориентации на США и Европу. С другой стороны, многие политические обозреватели не без основания увидели в этом событии тенденцию к созданию блока исламских государств на Среднем Востоке. Причем они подчеркивали, что особая опасность этого объединения заключается в наличии у некоторых новых членов ОЭС ядерного оружия или его компонентов. Американцев обеспокоил и тот факт, что объединившиеся исламские страны региона смогут в перспективе монополизировать вывоз нефти и тем самым нанести удар по экономическим и политическим позициям США на Ближнем и Среднем Востоке⁴.

Прошло пять лет со времени вступления новых государств в ОЭС. Можно подводить первые итоги. Этот период отличался оживленными двусторонними и многосторонними контактами руководителей стран–членов организации, которые постоянно подчеркивали заинтересованность в развитии регионального сотрудничества. Ежегодно проводятся встречи глав–государств ОЭС. После февральского саммита 1992 г. в Тегеране состоялась вторая встреча глав государств в июне 1993 г. в Стамбуле, в марте 1995 г. – в Исламабаде, в мае 1996 и мае 1997 г. – в Ашхабаде. На этих встречах рассматриваются общие вопросы углубления и расширения сотрудничества, обсуждаются основные региональные проблемы. Большое место уделяется обсуждению политических вопросов. Регулярно собирается сессия Совета министров ОЭС (на уровне министров иностранных дел), которая вырабатывает программные документы, утверждает основные проекты сотрудничества. Так, в феврале 1993 г. в Кветте (Пакистан) был одобрен “План действий до 2000 года”, основной целью которого является налаживание к концу нынешнего столетия эффективного воздушного, наземного и морского сообщения, что поможет придать мощный импульс развитию отношений регионального сотрудничества в таких областях как торговля, энергетика, промышленность, сельское хозяйство и туризм. В сентябре 1996 г. на внеочередном совещании Совета министров ОЭС в Измире были согласованы и внесены изменения в Измирский договор

(Даже при нормальн

1976 г., утверждено соглашение о юридическом статусе ОЭС, одобрен план ее реорганизации и преобразована структура секретариата ОЭС. Руководители стран ОЭС прилагали большие усилия для укрепления авторитета организации, развития ее связей с другими международными и региональными структурами, отдельными странами. В 1994 г. на сессии Генеральной Ассамблеи ООН ОЭС получила статус наблюдателя. Проходили переговоры о сотрудничестве ОЭС с организациями ЭСКАП и Банком исламского развития. Подписаны соглашения о взаимодействии с ЮНИДО и ЮНИСЕФ. Большую заинтересованность к развитию экономических отношений с ОЭС проявляет организация стран Юго–Восточной Азии АСЕАН. ОЭС налаживает разносторонние связи с Китаем, который видит широкие возможности для поставок своей промышленной продукции, технологий, вооружений и потребительских товаров на рынки стран этого региона. Интерес к Китаю со стороны стран ОЭС объясняется и его завязкой на проект создания железной дороги “Великий шелковый путь”. Иран выступает за привлечение Индии к участию в деятельности организации, однако осложнение индо–пакистанских отношений препятствует налаживанию сотрудничества ОЭС с этим государством.

За прошедший период сотрудничество государств–членов ОЭС в области экономики заключалось в основном в выработке совместных проектов и утверждении соглашений по их реализации. Основное внимание уделяется развитию транспорта и коммуникаций, расширению внутрирегиональной торговли, сотрудничеству в нефтегазовой отрасли и энергетике.

Еще на первых встречах представителей стран ОЭС была поставлена задача как можно скорее соединить транспортные артерии среднеазиатских государств с транспортной сетью Ирана, Турции, Пакистана, а в последствии Индии, Юго–Восточной Азии и других стран, чтобы расширить возможности выхода на мировые рынки для всех государств региона. Была возрождена идея создания Трансазиатской железнодорожной магистрали “Великий шелковый путь”, которая связывает регион Среднего Востока с Европой, Дальним Востоком, Индией и странами Юго–Восточной Азии. В рамках этого проекта в марте 1995 г. Иран ввел в эксплуатацию 700–километровый участок железной дороги Бафк–Бендер–Аббас, а в мае 1996 г. было завершено строительство участка Мешхед–Серакс–Теджен, соединившего железнодорожные сети Ирана и Средней Азии. Ввод в эксплуатацию этих участков обеспечивает самый быстрый транзит грузов из Средней Азии к портам Персидского залива. По иранским подсчетам, эта дорога общей протяженностью 2400 км ежегодно в состоянии пропускать до 1 млн пассажиров и около 10 млн тонн грузов, а в перспективе до 30 млн

(Даже при нормальн

тонн. Открытие нового железнодорожного пути было использовано ОЭС в пропагандистских целях и широко разрекламировано как один из первых и наиболее ярких проектов этой организации.

Ранее, летом 1992 г. в городе Алма-Аты состоялось подписание соглашения о расширении использования Азиатско-европейской железной дороги между Ираном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Казахстаном, Туркменистаном и Китаем.

На Исламабадской встрече 1992 г. был разработан и одобрен проект строительства автомобильных трасс, которые свяжут столицы всех стран-членов ОЭС. Однако осложнение политической ситуации в регионе, связанное с продолжающимися военными действиями в Афганистане, нестабильностью в Таджикистане, создают серьезные препятствия для осуществления этого проекта.

Весной 1995 г. было заявлено о создании Судоходной компании ОЭС. Каждое государство имеет в компании свою долю в размере 1 млн долларов. На эту сумму были арендованы два судна у Каспийского пароходства и 3 судна у пароходства ИРИ, которые должны осуществлять перевозки по акватории Каспийского моря, а также между южными портами Ирана и африканским побережьем.

Предусматривается, что эта компания в перспективе будет перевозить все грузы стран-членов ОЭС.

Необходимо заметить, что еще в 1992 г. Иран выдвинул предложение о создании Организации сотрудничества прикаспийских государств, которая в определенной мере могла бы дополнить ОЭС. Однако, хотя Азербайджан, Казахстан, Туркменистан и Россия в целом поддерживали это предложение, разногласия между этими странами по вопросу определения правового статуса Каспия тормозят создание этой организации, а соответственно и превращение портов Каспия в международные.

На встрече министров иностранных дел ОЭС в мае 1995 г. было достигнуто соглашение о создании воздушных линий стран ОЭС путем взаимодействия между авиакомпаниями всех стран – ее членов.

Важным направлением сотрудничества стран ОЭС является осуществление совместных проектов в нефтегазовой области и электроэнергетике. В рамках саммита в мае 1997 г. подписан Меморандум о реализации проекта строительства газопровода через территорию Ирана и Турции для экспорта туркменского природного газа. Уже началось осуществление ирано-турецкого газового проекта. На стадии разработки находится проект прокладки газопровода из Ирана в Пакистан и из Туркменистана в Пакистан и далее в Индию. Однако несовпадение интересов Ирана и Турции, различие подходов российских ведомств к маршрутам транспортировки нефти и газа, ориентация

(Даже при нормальн

Азербайджана и Казахстана на западные нефтяные компании, а также нехватка финансовых средств и осложнение политической ситуации, в частности, вокруг Афганистана откладывают осуществление этих проектов. В настоящее время сотрудничество в нефтегазовой области осуществляется главным образом на двусторонней основе.

В рамках ОЭС разрабатываются планы соединения энергосистем стран региона для передачи электроэнергии в районы, где ощущается ее нехватка. Осуществление этих проектов уже начато между Ираном и Турцией и Ираном и Туркменистаном.

Страны ОЭС предпринимают попытки для создания общей системы связи.

Приоритетным направлением сотрудничества в регионе остается торговля. В настоящее время преимущественное развитие получают перекрещивающиеся двусторонние связи. В развитии торговли заинтересованы как страны-основатели ОЭС, так и ее новые члены. Государства Средней Азии и Азербайджан видят в своих южных соседях поставщиков продовольствия, товаров широкого потребления, энергоносителей. Иран, Турция и Пакистан готовы импортировать сырье, отдельные виды оборудования, а, возможно, и оружие. Для увеличения торговых потоков внутри стран ОЭС проводятся выставки экспортных товаров, работает Торгово-Промышленная Палата ОЭС, проходят консультации по созданию совместной зоны свободной торговли, активно привлекаются частные фирмы. На отдельные группы товаров введены преференциальные тарифы. В 1996 г. Иран внес предложение в целях расширения торговых обменов распространить торговые скидки на все товары и льготный тариф увеличить с 10 до 20%, а в перспективе подготовить график полной отмены всех торговых ограничений.

Однако, несмотря на некоторые достижения и в этой области сотрудничества, единообразие экспортно-импортной продукции стран ОЭС выступает ограничителем процесса региональной интеграции на этом направлении.

Для финансового обеспечения разрабатываемых проектов страны ОЭС пытаются скоординировать банковскую деятельность. В 1993 г. было утверждено решение о создании Совместного банка ОЭС со штаб-квартирой в Турции и с уставным капиталом в 400 млн долларов, в который 3 страны-основатели организации внесли равные доли. Предполагалось, что этот Банк торговли и развития будет финансировать все проекты организации и обслуживать торговые операции стран ОЭС. Однако практическая деятельность банка еще не получила должного развития.

Была основана страховая компания стран ОЭС.

Руководители стран-членов организации осознают, что для

(Даже при нормальн

осуществления своих проектов ОЭС нуждается в помощи международных инвесторов и частного капитала.

В рамках ОЭС создан Научный фонд и Культурная организация для развития сотрудничества в области культуры и осуществления обмена научными достижениями.

Итак, анализируя деятельность ОЭС за пятилетний период, можно констатировать, что за эти годы заложен фундамент, на котором в будущем, при определенных благоприятных условиях, может сложиться экономическая региональная интеграция. На смену эйфории первого года после расширения ОЭС, широкой пропаганде грандиозных проектов пришло осознание реальных факторов, выступающих ограничителями этого процесса⁵. В экономической области развитие региональной интеграции тормозят такие причины, как недостаток финансовых средств, отсутствие взаимодополняемости экономик стран–членов ОЭС и, как следствие, – единообразие их экспортно–импортной продукции, сильная интегрированность новых членов в экономику бывшего СССР, отсутствие развитой инфраструктуры, общая технологическая отсталость, слабость рыночных механизмов в экономики большинства стран ОЭС.

Политические факторы также играют огромную роль в развитии региональной интеграции и подчас оказывают негативное воздействие на деятельность Организации. Отсутствие стабильности в регионе также тормозит развитие интеграционных процессов. Военные действия в Карабахе, Чечне, Таджикистане, постоянное кровопролитие на территории Афганистана, напряженность в курдских районах Турции не только осложняют ситуацию в регионе, но и напрямую мешают практическому осуществлению планов Организации. Причем восстановлению стабильности и мира препятствуют разногласия, а порой открытые противоречия между странами ОЭС по вопросам урегулирования кризисных ситуаций.

Между странами–членами ОЭС имеются различия и во взглядах на роль и место Организации в системе межгосударственных отношений. Иран и Пакистан выступают за превращение ее из чисто экономического регионального союза в политическую организацию и пытаются склонить других ее членов к активному участию в решении политических вопросов. Иран не скрывает своей заинтересованности превратить ОЭС в организацию по защите региональной безопасности, а, возможно, создать на ее основе блок исламских государств, противостоящий Западу. Так, будучи президентом ИРИ, Хашеми–Рафсанджани заявил, что “члены ОЭС и страны бассейна Персидского залива, объединившись политически и экономически, смогли бы стать значительной силой и в регионе, и на международной арене”⁶. На сессии в Исламабаде Иран

(Даже при нормальн

выдвинул предложение о создании парламентской организации при ОЭС. Поэтому не случайно, что Иран является самым активным членом сообщества и постоянно подталкивает другие страны к более плодотворному сотрудничеству

Турция, с одной стороны, выступает в роли “моста” между Западом и Востоком, прокладывая путь для Европы в страны региона и выполняя в ЕС советнические функции как эксперт по разрабатываемым в ОЭС проектам, а, с другой стороны, сама стремится играть роль региональной супердержавы.

Среднеазиатские государства выступают за сохранение чисто экономического характера Организации и предлагают не обсуждать политические вопросы на официальных встречах. Так, на саммите 1966 г. в Ашхабаде президент Узбекистана И.Каримов пригрозил даже выходом своего государства из организации в случае увлечения ОЭС политической деятельностью.

Принимая участие в региональном объединении, все его члены ищут возможности и для альтернативного сотрудничества с государствами этого или сопредельного регионов и создания субрегиональных структур. Свидетельства этому – стремление Турции к формированию “тюркского общего рынка”⁷, ее активность в Организации стран Черноморского бассейна. Иран в дополнение к ОЭС пытается активизировать учреждение Организации прикаспийских государств, а также стремится принять участие в региональном союзе государств Персидского залива. Пакистан остается активным членом АСЕАН. Страны Средней Азии, в свою очередь, объединились в Центральнo–Азиатский союз и приняли свою программу экономической интеграции до 2000 года. Вместе с тем, Средняя Азия проявляет все большую заинтересованность в усилении экономических и военно–политических связей с Россией.

Подводя итог вышеизложенному, как представляется, следует отметить что ОЭС еще не сумела стать реальным инструментом региональной кооперации и способствовать экономическому развитию входящих в нее стран. Экономические возможности членов ОЭС, как отмечалось выше, довольно ограничены. В ближайшие годы плодотворным может оказаться лишь сотрудничество в области создания и модернизации инфраструктуры и торговли. ОЭС сталкивается с целым рядом трудностей и ограничителей, связанных с факторами политического и социально–экономического характера. Однако историко–культурная и религиозная общность этих стран, сходство их ценностных ориентаций может содействовать выработке общих экономических и политических приоритетов и повысить жизнеспособность этой организации.

1 В 1976 г. в Измире (Турция) состоялась встреча глав государств

(Даже при нормальн

Турции, Ирана и Пакистана, на которой было принято решение о создании зоны свободной торговли в рамках РСР и подписан протокол, предусматривающий постепенное сокращение тарифных и нетарифных барьеров для внутрирегиональной торговли.

2 По настоянию Турции статус наблюдателя при ОЭС получил представитель турецкой общины Кипра.

3 Iran Focus. Bonn, 1992, Vol. 5, № 2, p. 1.

4 Foreign Affairs. N. Y., 1992, Vol. 71, № 3, p. 103–105.

5 Э. Кулаи. Маване-йе-хамгераи дар еко. – Моталеат-э асийа-йе-маркази ва кафказ. Тегеран, 1375/1996/, № 16, с. 45–62.

6 Джомхури-йе ислами. Тегеран. 17.2.1992.

7 В мае 1997 г. параллельно с саммитом государств ОЭС в Ашхабаде в Стамбуле состоялся 5-й курултай тюркских государств и общин, на котором было принято решение создать тюркский общий экономический рынок.

ИСЛАМСКАЯ РЕСПУБЛИКА ИРАН: ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИДЕЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДЕРЖАВЫ

Шахский Иран в 60 – 70-х годах стремился достичь уровня региональной сверхдержавы. Нарращивание иранским режимом военной мощи в соответствии с выработанной им концепцией военно–политического превосходства в регионе Персидского залива и Индийского океана осуществлялось при поощрении и помощи западных держав, в первую очередь США и Англии. Стимулом к созданию этой концепции явилось решение Великобритании вывести все английские войска из района к "Востоку от Суэца" до конца 1971 г., и шахский Иран призван был заполнить возникший "вакуум".

Нарращивание военной мощи Ирана в те годы шло чрезвычайно быстрыми темпами. Его расходы на военные цели (около 10 млрд. долларов в год, что составляло 23–27% государственного бюджета) в расчете на душу населения были самыми большими в мире. Иран приобретал, главным образом в США, большое количество самого разнообразного оружия новейших образцов. Это – сверхзвуковые боевые самолеты "Ф–14 Томкет", современные бомбардировщики типа "Фантом – "Ф–5Е", реактивные гиганты типа "КС–135", заправляемые горючим в воздухе. Иранские ВМС располагали самой большой в мире флотилией кораблей на воздушной подушке¹. Бросалась в глаза большая доля явно наступательных средств. Иран создавал, как подчеркивал американский журнал "Нейшн", "потенциал для эффективной интервенции в арабские страны Персидского залива и вдоль линии восточной границы Ирана и одновременно с этим для усиления великодержавной роли Ирана в северо–западной части Индийского океана², иными словами – против государств, находившихся под влиянием СССР – Ирака, Сирии, Афганистана.

В 70-е годы Иран превратился в центральный опорный пункт американского влияния на Ближнем и Среднем Востоке. Он готовился к роли господствующей в регионе державы, гаранта "мира и стабильности" в Персидском заливе. Уже тогда он стал рассматривать Персидский залив как свою "жизненно важную торговую артерию"³, как стратегические ворота в Индийский океан⁴.

Предпринятое шахом военное строительство полностью согласовывалось с целями США: превратить Иран в "мини–сверхдержаву" в регионе Персидского залива, в региональную полицейскую силу на Ближнем и Среднем Востоке в борьбе против "социалистической экспансии", исходившей от СССР.

И действительно, накануне революции 1979 г. Иран стал представлять собой, как отмечала "Нью–Йорк таймс" еще в 1976 г., "идеал доктрины Никсона: устойчивое государство, которое готово и, очевидно, в состоянии защищать как себя, так и интересы Соединенных Штатов в этом жизненно важном в стратегическом отношении районе"⁵.

В августе 1976 г. журнал "Ньюсуик" писал, что предпринятое шахом военное строительство полностью отвечало стратегическим целям Вашингтона. "США и Иран вошли во взаимовыгодный союз... – писал "Ньюсуик", – разрыв этого союза представляется почти нереальным"⁶. Что касается стратегических целей США в отношении Ирана, то они особенно четко были изложены в американском журнале "Нейшн". Это, во–первых, превращение Ирана в сверхдержаву в Персидском заливе, в жандарма, в региональную полицейскую силу; во–вторых, поставками оружия в Иран США способствовали "укреплению иранского правительства для обеспечения внутренней безопасности", в–третьих, достигалось все большее усиление зависимости Ирана от американской военной техники⁷.

Создавая в лице Ирана мощную опору в Персидском заливе, превращая его в военно–политический

(Даже при нормальн

форпост в борьбе против стран "третьего мира", избравших "социалистическую ориентацию", или "некапиталистический путь развития", международный монополистический капитал осуществлял прежде всего глобальные цели западного мира. Известно, например, что шахский Иран, располагая большим количеством вооружений, в последние годы своего существования превратился в центр по снабжению вооружением, в частности, самолетами, ряда стран "блоковой политики" или ориентирующихся на США. Так, в 1972 г. Иран направлял истребители Сайгону, когда Вашингтону этого сделать не удалось из-за сопротивления конгресса, а в 1975 г. передал иорданскому королю Хусейну эскадрилью из 24 самолетов⁸. Во время октябрьской арабо-израильской войны 1973 г. с благословения американцев Иран предоставил 25 истребителей типа "Фантом" Израилю⁹.

Иран, являясь формально независимым государством, был тесно связан с международным монополистическим капиталом. С помощью Ирана США, как ведущая сила мировой капиталистической системы, рассчитывали утвердить свои позиции на Ближнем и Среднем Востоке, а также отчасти в Южной и Юго-Восточной Азии и Северной Африке. Союз США с Ираном покоился на совпадении интересов правящих кругов двух стран.

Рост военно-экономического потенциала Ирана и, главное, ускоренное развитие в стране капитализма при участии международного капитала превращали Иран в "младшего партнера" мировой капиталистической системы.

Однако форсированное развитие капитализма, "вестернизация", модернизация Ирана по западному образцу, при сохранении многоукладности, при наличии других, докапиталистических форм производственных отношений, создали в стране взрывоопасную обстановку. Сращивание шахского режима с военно-промышленным комплексом США и ряда других западных стран неизмеримо обострило всю сумму противоречий – традиционных, капиталистических, субимпериалистических. В стране возникла революционная ситуация.

Психологическая неподготовленность большинства иранского населения к восприятию капиталистической модернизации, с одной стороны, и главное – связанное с ней прогрессирующее обнищание подавляющей части населения, при баснословном обогащении правящей верхушки во главе с шахом – всё это привело к взрыву массового недовольства, которое смело деспотический режим Мохаммеда Реза Пехлеви.

В результате восстания 10–11 февраля 1979 г. в Иране победила антишахская, антиамериканская по своему характеру революция. Шиитское духовенство, возглавившее антимонархическое движение, выразило назревший в народе протест против шахской деспотии и американского засилия. Массовый революционный взрыв в Иране привел к созданию в марте 1979 г. исламской Республики Иран (ИРИ), у власти в которой стало иранское духовенство шиитского толка во главе с аятоллой Рухоллой Хомейни.

Отказ от союзе с США, аннулирование военных соглашений и заказов на покупку вооружений, ликвидация военных баз США в Иране, в частности по электронному разведывательному наблюдению за территорией Советского Союза, выход из блока СЕНТО, вывод иранских войск из Омана, разрыв отношений с Израилем, ОАР, Египтом, установление тесных связей с Организацией освобождения Палестины (ООП), провозглашение во внешней политике независимого курса и вступление в Движение неприсоединения – вот первые крупные внешнеполитические акции правительства ИРИ.

Новая исламская администрация большое внимание уделяла вопросам политическим в ущерб экономическим. Экономика Ирана, носившая зависимый характер, в послереволюционный период, согласно заявлениям самих руководителей ИРИ, находилась в состоянии развала, застоя, анархии; годовой уровень инфляции составлял около 50%, безработицы – 30% трудоспособного населения; многие промышленные предприятия, работавшие на импортном сырье, были загружены на 25% своей мощности; ощущалась острая нехватка сырья, запасных частей, полуфабрикатов, топлива; возникла многомиллионная армия безработных, нередко устраивавшая демонстрации с требованием обеспечить их работой; шествия устраивали и рабочие, требовавшие снижения цен на продукты. Возникали трудности с обеспечением населения продовольствием.

(Даже при нормальн

Наиболее важной проблемой, по мнению иранского министра труда, являлся рост безработицы в связи с тем, что ежегодно около одного миллиона иранцев достигало рабочего возраста. Однако у правительства отсутствовала долговременная программа внутривнутриполитического и экономического переустройства, что подрывало стабильность режима.

Фактором национального сплочения явилась война Ирана с Ираком, начавшаяся по инициативе Ирака в сентябре 1980 г. "Мы должны благодарить аллаха за эту войну, которая объединяет нас", – говорил имам Хомейни в одном из своих выступлений.

Однако восьмилетняя война с Ираком еще более углубила тяжелое экономическое положение Ирана. Вся экономика страны работала на нее. Война поглощала 1/3 годового бюджета. Страна все более зависела от экспорта нефти, приносившего по некоторым данным, более 95% всех поступлений иностранной валюты.

Выдвигаемый правыми кругами шиитского духовенства лозунг борьбы за победу "всемирной исламской революции" привел к обострению отношений Иране также с Бахрейном, Кувейтом, Оманом, Иорданией, Саудовской Аравией и другими арабскими государствами, власть в которых находится в руках мусульман–суннитов. Пропагандировалась также необходимость "экспорта исламской революции" в Турцию, Афганистан, на Канарские острова, в ЮАР.

В рамках своей неоглобалистской политики Вашингтон немало способствовал вовлечению Ирака в войну и обеспечению военной кампании против Ирана, предоставив Ираку разведывательную информацию, оказывал давление на Саудовскую Аравию и другие государства Персидского залива с целью склонить их к участию в финансировании этой авантюры¹⁰.

И главное, с точки зрения США, – ирано–иракская война позволила Соединенным Штатам наращивать военную мощь в зоне Персидского залива и использовать ее для достижения стратегических целей в этом регионе; район Персидского залива они объявили зоной своих жизненных интересов. США разработали новую стратегию – ставку на военную силу как метод решения своих внешнеполитических проблем, ставку на непосредственное военное присутствие как на Ближнем Востоке, так и в других районах мира: создание "сил быстрого развертывания", "Центрального командования военных сил США" (Сентком), военных баз за рубежом и т.д.¹¹.

Пентагоном была разработана новая военная стратегия, где обеспечение доступа США к нефти Ближнего Востока стояло на втором месте (после обеспечения "обороны" Северной Америки и стран НАТО) в списке первоочередных задач¹².

Окончание ирано–иракской войны поставило перед Ираном ряд трудно решаемых проблем. Почти 10–летний период после иранской революции – период разрухи и войны – нанес такой ущерб иранской экономике, что на ее восстановление, на поднятие экономического потенциала Иране до довоенного уровня потребуются годы и годы. Трудности Ирана состояли в том, что в шахский период его промышленность, построенная на основе "партнерства" с иностранным капиталом, сильно зависела от импорта полуфабрикатов и сырья.

Характерным для Ирана периода шахского режима было сращивание банковского капитала с промышленным. Результатом ирано–американской интеграции стало то, что большинство новых крупных промышленных предприятия в Иране являлось филиалами транснациональных корпораций. Следует при этом иметь в виду, что в соответствии со своей стратегией Запад строил в Иране большей частью предприятия с неполным производственным циклом, что ставило новую иранскую промышленность в непосредственную зависимость от западных держав (значительная часть деталей, полуфабрикатов, запасных частей ввозилась из–за границы).

"Пальма первенства" в строительстве совместных предприятий в Иране принадлежала американским фирмам, стоявшим на первом месте в списке предприятий, которые придавали Ирану "его волнующий новый облик"¹³

Так, в Тегеране и в пригородах столицы многие заводы принадлежали американским компаниям "Катерпиллер", "Парк–Дэвис", "ИТТ", "Рамблер", "Рутс–Крайслер" и "Скуибо". Около 1/3 всех новых предприятий, построенных иностранным капиталом на условиях "партнерства" с местным капиталом, частично финансировалось американцами, как утверждал американский журнал "Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд Репорт"¹⁴. В ноябре 1978 г. "Вашингтон пост" писала, что "американские интересы в Иране выражаются миллиардами долларов, материализованными в различных контрактах, капиталовложениях в промышленные предприятия, значительном уровне экспорта и военных поставок"¹⁵.

Революция 1979 г. покончила с американским влиянием в Иране. Произошел резкий разрыв не только политических, но и экономических связей Ирана с США. Взаимная враждебность между Ираном и США сохраняется до наших дней.

Началом возрождения Ирана как региональной державы следует считать окончание восьмилетней войны с Ираком.

(Даже при нормальн

Активную политику по восстановлению страны стал осуществлять избранный в 1989 г. президент Ирана Али Акбар Хашеми–Рафсанджани – ближайший соратник имама Хомейни, бывший ранее министром внутренних дел и председателем меджлиса. Его приверженцы говорят, что он был преисполнен решимости покончить с изоляцией страны и вернуть Ирану былую роль ответственной региональной силы¹⁶.

Хашеми–Рафсанджани в первую очередь стремился восстановить страну в качестве уважаемого члена международного сообщества, возобновить отношения с Западом и с арабским миром, снять с Ирана клеймо источника слепого фанатизма.

По мнению английской прессы, Рафсанджани пытался отказаться от тех идей и методов исламской революции, которые вступали в противоречие с национальными интересами иранского государства. Он как бы был вынужден проводить "дехомейнизацию" от имени Хомейни¹⁷.

Как утверждала "Нью–Йорк Таймс", президент Рафсанджани и его команда "задумали совершить в Иране нечто вроде экономической революции. Их цель – преобразовать высокоцентрализованную, усиленно субсидируемую и инертную систему в подвижную, децентрализованную экономику свободного рынка"¹⁸.

По указанию Хашеми–Рафсанджани был разработан пятилетний план восстановления иранской экономики. В феврале 1990 г. он был одобрен иранским парламентом. Предполагалось, что расходы по этому плану составят около 120 млрд.долларов, из которых 90 млрд. будут поступать из собственных средств, а остальная часть – официально 27,7 млрд. (по данным международных банков – 30–35 млрд.долл.) должна влиться из–за границы¹⁹.

С приходом Хашеми–Рафсанджани к власти во внешней политике Ирана наметился поворот к Западу. Правительству Рафсанджани удалось вывести Иран из 12–ти летней изоляции. Сначала были возобновлены отношения с несколькими европейскими странами, затем стали возобновляться отношения с Кувейтом, Объединенными Арабскими Эмиратами, Катаром, Египтом и даже Саудовской Аравией. В итоге были восстановлены отношения со всем миром (около 100 государств), кроме Соединенных Штатов Америки, и эти связи Иран намерен был использовать для подготовки своего экономического взлета.

С ответственных постов МИД и ключевых секторов экономики Ирана были удалены многие радикальные клерикалы (сторонники "жесткой линии" по отношению к Западу и Востоку) и заменены хорошо подготовленными прозападно настроенными технократами и специалистами.

В результате уже первых шагов кабинета Рафсанджани возобновился рост валового национального продукта – после заметного его сокращения в предыдущие 10 лет. Снизилась темпы инфляции. Если в 1989 г. они достигали 28% в месяц, то в 1990 г. замедлились до 17,4%, а в 1991 г. были ниже 10%. Специалисты утверждали, что в годовом исчислении они составляли 60%²⁰.

По словам управляющего центральным банком ИРИ Мохаммада Хосейна Адели, основные тенденции иранской экономики уже в 1991 г. стали позитивными. Если двумя годами ранее бюджетный дефицит был равен 50%, что составляло примерно 10% валового национального продукта, то в 1990 г. он уменьшился с 2200 млрд. до 1400 млрд. риалов, что составляло около 20% бюджета и менее 8% валового национального продукта (ВНП). В 1991 финансовом году он вновь сократился – до 1200 млрд.риалов, что составляло 2,5% ВНП²⁰. По словам Адели, в 1989 г. впервые по сравнению с предыдущими годами вырос валовый внутренний продукт – на 4% (до 3511 млрд. риалов), а в 1990 г. рост составил более 8%²¹.

Предприятия, которые в годы ирано–иракской войны работали менее чем на 40% своей мощности (за неимением деталей, сырья и рабочей силы), стали вновь действовать в нормальном ритме.

Чтобы добиться поставленной цели – вернуть Ирану роль главной силы и превратить его в доминирующую региональную державу в районе персидского залива – Иран приступил к широкомасштабному перевооружению. В ходе его Иран решил приобрести современные самолеты, танки, ракеты, подводные лодки и другую передовую технику – прежде всего в России, Китае, Северной Корее, бывших советских республиках. На закупку этого вооружения, по утверждению американских аналитиков, Иран выделил за пятилетие 10 млрд. долларов²².

Военные расходы исламского Ирана после ирано–иракской войны хотя и были значительно меньшими, чем в шахский период, но они по–прежнему занимали достаточно большую часть государственного бюджета. По расчетам американского Международного института стратегических исследований, военный бюджет Ирана в 1990 г. составлял более 3 млрд. долларов, в 1991 г. – 3,8 млрд. долларов; это означало, что на военные цели в 1990 г. расходовалось 17% поступлений от продажи нефти в иностранной валюте (17,3 млрд. долл.), а в 1991 г. – немногим менее 24%²³.

Стремление Ирана восстановить свои вооруженные силы не ограничивалось соображениями чисто оборонительного характера. Сильным Иран стремился стать для того, чтобы заполнить вакуум, возникший в районе Персидского залива в результате понесенного Ираком от Соединенных Штатов

(Даже при нормальн

поражения в 1991 г.

Ирану надо было стать сильным и неуязвимым не только для того, чтобы противодействовать возможному нападению Ирака на Иран в будущем, но и оказывать определенное влияние на мировую политику.

Бывший помощник госсекретаря США Джеймс Плейк заявил в апреле 1992 г., что иранские лидеры всех политических оттенков "до сих пор считают Иран по праву доминирующей в регионе силой и исламским лидером в мире"²⁴.

Учитывая обстановку в регионе Ближнего и Среднего Востока, некоторые американские аналитики склонялись, и уже достаточно давно, к идее, что не следует противодействовать Ирану стать сильным. Сегодня мощный Иран, утверждали они, – это лучший противовес для всё еще опасного Саддама Хусейна.

В совместном докладе группы ближневосточных экспертов и Центра ближневосточных и международных исследований утверждалось в 1992 г., что "учитывая огромную важность Ирана для стабильности региона Персидского залива... США должны быть готовы к тому, чтобы идти навстречу улучшению отношений с Ираном при условии, что он продемонстрирует готовность играть конструктивную роль в регионе"²⁵.

Но официальный курс США в отношении Ирана до последнего времени был жестким и непримиримым. В основе их политики лежит преобладающее стремление защитить свои нефтяные интересы на Ближнем и Среднем Востоке.

Иран также занимает непреклонную позицию в отношении США. "Мы никогда не позволим ни одной другой державе – будь она из этого региона или из любого другого – особенно Америке, стать жандармом в этом богатом нефтью, перспективном районе мира", – заявил в марте 1992 г. перед иранскими войсками ВВС духовный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи²⁶.

Специальный советник президента Ирана по внешним связям Джавад Лариджани в интервью корреспонденту "Файнэншл таймс" в марте 1993 г. заявил, что "нельзя ожидать, чтобы мы встали на колени перед иностранными державами... нам нужно многое сделать для восстановления нашей страны. Мы полны решимости превратить Иран в процветающую и передовую страну"²⁷.

США враждебно восприняли как возникновение Исламской республики, так и всю ее последующую экономическую и внешнюю политику. Они объявили Иран террористическим государством, стоящим вне закона, и постоянно ведут экономическую войну против него. Они, периодически объявляя различные санкции, обвиняют Тегеран в стремлении получить ядерное оружие и в попытках сорвать ближневосточный мирный процесс.

В апреле 1995 г. президент США Б.Клинтон объявил о полном эмбарго на торговлю США с Ираном (характерно, что ни одна страна мира не присоединилась к нему), издал указ о запрещении американским фирмам делать инвестиции в Иране; объявил о запрещении с 6 июня торговли с Ираном и призвал торговых партнеров США ограничить отношения с Ираном.

Однако эта жесткая линия США, политика противостояния Ирану себя исчерпала. Учитывая геополитические изменения на Ближнем Востоке после войны в Заливе, писала "Крисчен Сайенс монитор" в марте 1996 г., администрация Б.Клинтона должна сейчас изменить свою политику противостояния в отношении Ирана и положить начало процессу "пассивного сближения", который мог бы привести к нормализации отношений США с Ираном.

"Наше эмбарго и санкции, – подчеркивал далее автор, – не смогли ни нанести урон режиму в Иране, ни помешать растущей торговле Ирана с бывшими собственными союзниками в Европе и в других районах мира"²⁸.

Завершение Ираном первого пятилетнего плана (1989–1994) и начало осуществления второго позволяют ему преодолевать трудности, оставшиеся в наследство от периода войны с Ираком и послевоенной разрухи.

Президент Ирана Хахеми-Рафсанджани заявил в сентябре 1994 г. корреспондентам французской газеты "Фигаро": "Мы выполнили разработанные планы, мы достигли этапа поступательного развития страны... Во время первой пятилетки мы восстановили разрушенное во время войны, довели до нуля дефицит бюджета. Валовой национальный продукт нашей страны ежегодно рос в среднем на 8%. Мы создали необходимую инфраструктуру и увеличили экспорт страны в 4 раза, в значительной степени реформировали централизованную государственную систему и структуру экономики"²⁹.

Как утверждал заместитель государственного секретаря США Питер Тарноф в докладе Американскому банковскому комитету, ужесточение бойкота Ирана не отвечает интересам самих США. Он признал, что другие промышленно развитые страны и союзники США отказались от присоединения к американской политике в отношении Ирана, и сказал, что Америка не может очень сильно отрываться от своих союзников в этой области политики³⁰. Против этих действий США, направленных против Ирана, выступили и члены Всемирной торговой организации и

(Даже при нормальн

Северо–американской зоны свободной торговли (НАФТА). "Бойкот, который в настоящее время организован в отношении Ирана, – заявил в январе 1996 г. президент ИРИ Хешем–Рафсанджани, – значительно слабее того, что был раньше... Этот бойкот напоминает мне писк комара, от которого никакой трагедии не происходит и не произойдет"³¹. Все это еще раз подтверждает сделанный "Крисчен сайенс монитор" вывод о необходимости менять отношение к Ирану и положить начало процессу "массивного сближения", который мог бы привести к нормализации отношений США с Ираном. Продолжение же политики сдерживания, подчеркивалось далее, не только дестабилизировало бы американских союзников, но и подрывало бы интересы самих США в данном регионе.

Что касается отношений Ирана с Россией, то они в настоящее время развиваются сравнительно хорошо.

Иран и Россия подписали за последнее время ряд соглашений, в том числе о сотрудничестве в военно–технической и ядерной областях. СССР, а затем и Россия, выполнили свои обязательства по поставке в Иран современного оружия, включая МИГи и Су. В начале 1995 г. был подписан ирано–российский контракт на строительство в Иране атомной электростанции. Ее строительство в Бушире должно быть завершено менее чем за четыре года.

Посол Ирана в России Мехди Сафари в интервью газете "Техран таймс" в конце сентября 1996 г. подчеркнул, что Россия является потенциально выгодным и емким рынком для иранских товаров, экспорт которых может достигнуть 1 млрд. долларов в год. "Иран и Россия, – сказал М.Сафари, – успешно развивают свои двусторонние отношения... потенциальные области сотрудничества включают в себя сталеплавильную промышленность, создание гидро– и тепловых электростанций в Иране, поставки нефтяного и газового оборудования, строительство железных дорог, добычу полезных ископаемых. Иран может предложить России техническое содействие в нефтяной отрасли, а также поставлять продукты питания и одежду, транспортные средства, строительные материалы и медикаменты. В настоящее время в России создается совместное ирано–российское фармацевтическое предприятие"³².

Отношения Ирана и России сейчас таковы (дальнейшие экономические связи сдерживаются нехваткой у обеих стран твердой валюты), что в Иране появился относимый к России термин "стратегический союзник", хотя официальные лица в России считают, что о "стратегическом партнерстве" можно говорить, лишь подразумевая склонность двух государств поддерживать и развивать добрососедские отношения, не вкладывая в него иного (военного) смысла.

В результате российско–иранских контактов в 1995–1996 гг. удалось решить вопрос о задолженностях, начались работы по завершению строительства Буширской АЭС, продолжается сооружение двух теплоэлектростанций в Исфохане и Ахвазе, начатое в 70–80–х годах. Но взаимный товарооборот России и Ирана пока не превышает 300 млн. долларов в год, он сдерживается недостаточным наличием у Ирана свободной валюты.

Существующие экономические трудности не мешают развитию политического сотрудничества Ирана и России. Так, Россия высказалась против намерения США изолировать Иран от внешнего мира и ведет с ним активный диалог, вызывая неудовольствие США. Москва не вмешивается в ирано–европейские отношения, в вопросы неприятия Тегераном ближневосточного мирного процесса и не поддерживает обвинения в адрес Ирана в поддержке международного терроризма.

Иран также занял весьма близкие с Россией позиции по ряду региональных проблем (таджикская, карабахская, каспийская) и заявил о поддержке Москвы в ее противостоянии планам расширения НАТО на Восток.

Оценивая отношения Ирана с Россией в целом, можно констатировать, что они развиваются успешно. Существовавшее между ними после революции 1978–1979 гг. недоверие ушло в прошлое.

Помимо действий, направленных на повышение своего статуса на международной арене за счет расширения экономического сотрудничества с европейскими державами, улучшения отношений со странами Персидского залива и остального арабского мира, сближения с Россией, другим свидетельством стремления Ирана к восстановлению его статуса региональной державы является его политика экономической интеграции в Центральной и Западной Азии, а также с другими странами Востока.

В 1985 г. по инициативе Ирана было воссоздано региональное объединение трех стран – Ирана, Турции и Пакистана, носившее название Организации сотрудничества ради развития и распавшееся в 1979 г. после свержения монархии в Ираке. Восстановленное объединение получило название Организация экономического сотрудничества (ОЭС). В 1992 г. оно было расширено за счет принятия в его члены новых государств, возникших после распада СССР – Азербайджана, Казахстана, Туркмении, Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана, а также Афганистана. Таким образом, ОЭС стала одной из крупнейших региональных организаций, включающей 10 членов с населением около

(Даже при нормальн

300 млн. человек и территорией около 7 млн. кв. километров. Политическая цель расширения ОЭС состояла в том, чтобы создать новый, мусульманский полюс силы, чтобы противостоять попыткам США построить однополюсную модель мира. Экономическая цель заключалась в стремлении Ирана путем экономической интеграции добиться большей степени самообеспеченности региона и снизить зависимость входящих в него стран от Запада.

ОЭС получила статус наблюдателя при Генеральной Ассамблее ООН, подписала соглашения или протоколы о намерениях с целым рядом специализированных организаций ООН, в том числе с ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ, Комиссией экономического и социального развития для Азии и Океании, Организацией промышленного развития, Программой развития, Программой контроля за распространением наркотиков и другими. Она установила контакты с целью изучения возможностей взаимного сотрудничества с такими региональными организациями, как Европейское сообщество и АСЕАН, Южно-Тихоокеанский форум и Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии.

Иран выступил также с инициативой создания Организации регионального сотрудничества прикаспийских стран. Однако ввиду особой позиции Азербайджана и Казахстана по вопросу правового статуса Каспийского моря, переговоры о ее создании, ведущиеся с 1992 г., до сих пор не привели к успеху.

В мае 1997 г. главы 8-ми государств приняли Стамбульскую декларацию о создании еще одного регионального объединения в составе Ирана, Турции, Пакистана, Египта, Бангладеш, Нигерии, Индонезии и Малазии. Иран стремится привлечь к региональному сотрудничеству и такие крупнейшие азиатские государства как Индию и Китай. Руководители Исламской Республики Иран неоднократно заявляли, что их цель – добиться в будущем создания организации регионального сотрудничества в рамках всего азиатского континента, в которой Иран, конечно же, намерен играть одну из ведущих ролей.

1 "Stern". 1975. №11. 6–12. Marz. S. 46.

2 "The Nation". № 4. 31.1976. p.112.

3 "Kayhan International". 17.III.1971.

4 "The New York Times". 21.V.1969.

5 "The New York Times". 24.VII.1973.

6 "The Newsweek". 23.VIII.1976, p. 30.

7 "The Nation". № 4. 31.1976. p.111.

8 "Le Monde diplomatique". 1975. № 254. May. P. 20.

9 "Stern". 1975. №11. 6–12. Marz. S. 48.

10 См. "Проблемы мира и социализма", 1987, № 9, с. 66.

11 "The New York Times". 25.X.1982.

12 См. "Правда". 25.III.1983.

13 "U.S. News and World Report". 27.I.1969, p. 47.

14 Ibid., p. 48.

15 "The Washington Post". 11.XI.1978, p.10.

16 "The New York Times". 8–9.IV.1991.

17 "Guardian". 8.IV.1991.

18 "The New York Times". 8–9.IV.1991.

19 "Le Monde". 21.IV.1991.

20 "The New York Times". 8–9.IV.1991.

21 Ibid.

22 "The Wall Street Journal", New York, 18.III.1992.

23 "Financial Times". 6.II.1992.

24 "The Wall Street Journal", New York, 18.III.1992.

25 Ibid.

26 "The Wall Street Journal", New York, 18.III.1992.

27 "Financial Times". 8.II.1993.

28 "The christian Science Monitor", 21.III.1996.

29 Журнал "Третий взгляд" (Новости, репортажи и комментарии из иранской прессы). Посольство Иранской Республики Иран, №32, 20.X.1994 г. с. 21.

30 "Третий взгляд"... Посольство ИРИ, №40, 2.11.1996, с.10.

31 "Третий взгляд"...там же, с.11.

32 См.: Валентин Пруссаков. "Вызов "мировой закулисе". У политической карты мира: Иран. "Правда – 5", I.X.1996.

(Даже при нормальн

ИРАН В ГЛОБАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ АСПЕКТАХ

Подписание Беловежского соглашения в 1991 г. стало не только большой трагедией российского государства, но и новым поворотным пунктом в развитии мирового сообщества. Ликвидация СССР как сверхдержавы оставила США единственной супердержавой, не имеющей достойных оппонентов ни в настоящем времени, ни в ближайшей перспективе. Установление монополярного мира реанимировало давние призывы США ввести на планете Новый мировой порядок (НМП) с его интегральной частью – Новым экономическим порядком (НЭП).

НМП означает, что США узурпируют право распоряжаться судьбами народов почти 200 государств мира, включая Россию и Иран. Американские руководители намерены достичь этого с экономической, политической или военной помощью своих союзников и при поддержке проамериканских международных организаций (в первую очередь МВФ и НАТО). Целью же НЭП является приспособление национальных хозяйств к обслуживанию экономики США и в ближайшем будущем – их союзников. Речь, прежде всего, идет о бесперебойных поставках сырьевых и энергетических ресурсов из стран Азии, Африки и Латинской Америки для американской индустрии и сбыте в этих странах американской готовой продукции.

Международная статистика беспристрастно констатирует, что национальный доход (НД), приходящийся на душу населения США, достиг в 1995 г. чрезвычайно высокого уровня – 26 тыс. долл. В других индустриальных государствах он составлял в среднем около 20 тыс. долл. Всего столь высокими доходами пользуется почти один миллиард граждан промышленно развитых стран, поэтому этих жителей принято называть "золотым миллиардом".

Для сопоставления отметим, что НД на душу населения в развивающихся странах в среднем составляет около 5 тыс. долл. Причем в нефтедобывающих государствах БСВ он поднимается до 7–10 тыс. долл. (в Иране – менее 3 тыс. долл.), а в наиболее отсталых он колеблется вокруг 500 долл., а зачастую опускается еще ниже. По данным ООН, разрыв в уровнях душевых доходов между индустриальными и развивающимися странами не сокращается, а постоянно увеличивается.

США и другие государства "золотого миллиарда" утверждают, что они достигли столь высокого уровня благополучия сначала в силу "промышленного переворота", а ныне – за счет НТР (теперь уже – технотронной революции), а также благодаря напряженному труду своих высококвалифицированных работников. Эти факты, действительно, имеют место, но они не дают достаточно полного и объективного объяснения социально-экономического преуспевания полтора десятка ныне индустриальных государств мира.

Основной причиной современной мировой дифференциации послужила нещадная эксплуатация западными государствами своих колоний и зависимых стран. Причем объектами эксплуатации были Иран и Россия, бывшие еще в начале века фактическими полуколониями. В последующий период сформировалась система неэквивалентного обмена, при которой индустриальные государства начали диктовать высокие мировые цены на свои промышленные товары и низкие – на покупаемую сырьевую и энергетическую продукцию. (В этом плане Иран подвергался постоянному ограблению, а Россия главным образом с момента ликвидации государственной монополии на внешнюю торговлю). Кроме того, после второй мировой войны страны "золотого миллиарда" широко используют на своих предприятиях простую, квалифицированную и в высшей степени интеллектуальную рабочую силу из многих государств, включая Иран и Россию.

К началу XXI столетия на планете сложилась угрожающая ситуация: невозобновляемые природные ресурсы, особенно запасы нефти и газа, стали заметно истощаться. Поэтому страны "золотого миллиарда" усилили борьбу за источники их прошлого, настоящего и будущего процветания. Поскольку большая часть сырьевых и энергетических ресурсов сосредоточена в России, а значительная часть – в Иране, естественно, обострилась борьба вокруг этих государств.

США и их союзники заинтересованы в том, чтобы руководители стран-поставщиков ресурсов – были достаточно послушными. Но как только какая-либо страна пытается отстаивать собственные интересы, она подвергается политическому ostracismу, экономическим санкциям или даже угрозе применения силы. Руководители таких стран испытывают массивное давление под предлогом совершения ими антидемократических, а нередко и террористических действий. Вот уже почти 20 лет

(Даже при нормальн

экономическим санкциям подвергается Иран.

Иран, совершив в 1979 г. под руководством аятоллы Хомейни "исламскую революцию", ликвидировав прозападный режим и изгнав шаха, фактически первым оказал сопротивление НМП. "Стражи исламской революции" даже захватили здание посольства США и взяли в заложники его персонал. В ответ США и их союзники, обвинив руководство Ирана в терроризме, ввели экономическую блокаду. И хотя заложники давно отпущены блокада продолжается по сей день. Более того, иранская территория включена в зону ответственности Объединенного центрального командования вооруженных сил США. Не вписываясь в рамки НМП и Ирак, лидер которого Хусейн (как и духовный лидер Ирана Хомейни) к тому же активно выступал против Израиля – главного стратегического союзника США на БСВ. К радости (и не без помощи) США между Ираком и Ираном вспыхнула затяжная и кровопролитная война (1980–1988 гг.), которая лишь ослабила оба государства. А США тем временем продавали оружие обеим воюющим сторонам (что позже было выяснено в деле "Ирангейт"), укрепляя собственные позиции.

Военная неудача Ирака толкнула его на захват более слабого Кувейта под предлогом, что он когда-то был провинцией Ирака. Вот здесь впервые на вою мощь заработала военно-репрессивная функция НАТО. Боевые действия под кодовым названием "Буря в пустыне" позволили разгромить основные силы иракской армии и вынудить Хусейна принять жесткие условия подписания мира. И хотя Ирак окончательно не сломлен, он перестал быть существенным противостоятелем американской политике на БСВ. Единственной силой, активно противостоящей США остался лишь Иран.

Иран в системе региональных отношений

Совершенно новую геополитическую обстановку создал распад СССР в конце 1991 г. На его месте возникли политически слабые и экономически маложизнеспособные, но суверенные республики. Первоначально Иран сделал попытку внедриться в "мусульманские" республики бывшего советского Востока. Он установил с ними дипломатические отношения, предоставил помощь для восстановления мечетей, бесплатно распространял Коран. Но он не располагал значительными средствами, которые могли бы привлечь к нему новосуверенные республики, что и послужило важным тормозом развития всесторонних связей.

У Ирана возникла напряженность в отношениях, с Азербайджаном (граждане которого, как и персы являются шиитами), которому Иран первоначально оказывал полную поддержку в борьбе за Нагорный Карабах. Бывший в то время президент Азербайджана Эльчибей заявил, что азербайджанцам следует объединиться в единое государство и создать Великий Азербайджан. Но это было расценено иранским правительством, как попытка раскола их государства. Пришедший на смену Эльчибею новый президент Алиев лишь слегка смягчил эту напряженность, но вызвал ряд новых.

Во-первых, Алиев продолжил политику Эльчибея по объединению тюркских народов Кавказского региона и Центральной Азии, отдавая лидерство Турции (бывший президент Турции Озал первым выступил за создание содружества тюркских государств "от Адриатики до Великой Китайской стены"). Он с одобрения США подписал с нынешним президентом Турции Демирелем договор "о стратегическом партнерстве" и совместными усилиями они стали вытеснять Иран с постсоветского пространства.

Во-вторых, Алиев быстро понял, что существенную финансовую помощь он не получит от бывших советских республик, включая Россию, и что он сможет получить лишь ограниченную поддержку от Турции, которая сама является заемщиком у стран Запада. Поэтому он сделал ставку на получение кредитов от США и их европейских союзников. Президент реформировал азербайджанские законы таким образом, чтобы западные бизнесмены были заинтересованы вкладывать капиталы в национальную экономику, в первую очередь, в нефтедобывающую промышленность. Возможность получения доходов от транспортировки нефти сразу сблизила позиции президента Грузии Шеварнадзе со взглядами Алиева, и оба президента добились, что США провозгласили Кавказский регион зоной своих "стратегических интересов". Начавшийся пока небольшой приток западного капитала вызвал резкое недовольство Ирана, который обвинил Азербайджан в содействии проникновению американского империализма на Кавказ и в Центральную Азию.

Еще одним источником напряженности стало определение маршрутов нефтепроводов из Баку к открытым морям. Иран рассчитывал, что одна нитка трубопровода пройдет через его территорию и кратчайшим путем выйдет к терминалу у Персидского залива. Запасным проектом служил маршрут через иранскую и турецкую территории к порту Джейхан на Средиземном море. Однако оба эти проекта были отвергнуты США и потому не приняты Государственной нефтяной компанией Азербайджана (ГНКАР). Руководящий комитет Азербайджанского международного консорциума (АМОК) принял решение использовать для перекачки ранней нефти северный и средний пути трубопроводов, о чем будет сказано ниже. Таким образом Иран не только не был допущен к добыче

(Даже при нормальн

бакинской нефти, но и к ее транспортировке.

Пожалуй, самым большим столкновением региональных интересов стала проблема дележа Каспийского моря, в обсуждении которой Иран не принимал активного участия. Известно, что даже при "цивилизованном разводе" возникают недоразумения из-за раздела совместно нажитого супругами имущества, разрешение которых передаются третейскому суду. А здесь речь зашла о Каспии с его огромными нефтегазовыми кладовыми и рыбными богатствами.

Выявленные запасы нефти у берегов Азербайджана составляют примерно (национальная статистика прибрежных государств дает весьма разноречивые данные) 4–5 млрд. т, Туркмении – 2,8 млрд., России – 1–1,5 млрд., Казахстана – 1 млрд. и Ирана – несколько миллионов т. Все остальные нефтяные залежи сосредоточены за пределами 10–мильной прибрежной зоны. Но если делить Каспий по срединной линии, то наибольший прирост запасов углеводородного сырья получит Азербайджан и Казахстан. Россия и Иран, считая Каспийское море замкнутым водоемом (фактически, озером) предлагают сохранить за прибрежными государствами 10–мильный (в крайнем случае – 40–мильный) шельф, а срединную часть моря оставить в общем пользовании. Эту позицию с небольшими оговорками поддерживает Туркмения. Однако Азербайджан и Казахстан, рассчитывая на нефтяной Клондайк, категорически выступают за раздел моря по срединной линии. В разгоревшийся спор вмешались США, заявившие о своей полной поддержке точки зрения Азербайджана (и Казахстана). Более того, американские нефтяные компании, ободренные решением американского правительства, не стали дожидаться решения по определению статуса Каспийского моря и приступили, по договоренности с ГНКАР, к освоению нефтепромыслов. Вместе с ними к каспийской нефти потянулись и другие западные компании.

Начавшийся нефтяной ажиотаж на Каспии привел к тому, что Азербайджан и Казахстан решили использовать углеводородное топливо в качестве основного рычага грядущего социально-экономического подъема в ущерб другому богатству – рыбному. Между тем ловля рыбы является для 10 млн. прибрежных жителей пяти государств важным, а порой единственным источником занятости и, стало быть, существования. Из трех десятков промысловых рыб (всего их – более 100 различных видов) наибольшее значение имеют осетровые, которые дают не только деликатесное мясо, но и черную (зернистую) икру, пользующуюся неизменным спросом на внутреннем, а еще больше – на внешнем рынке. Всего Каспийское море способно ежегодно давать 500–550 тыс. т высококачественной рыбы.

Однако вследствие загрязнения моря промышленными и бытовыми отходами, и в первую очередь, из-за утечки нефти, воспроизводство рыбных богатств было нарушено. К этому добавилось браконьерство, наносящее непоправимый урон рыбному поголовью. Суммарный годовой вылов рыбы на Каспии резко сократился до 190–250 тыс. т (добыча осетровых составила 6–11 тыс. т) в 1992–1996 гг. По инициативе жителей прибрежных районов пяти государств уже давно подготовлен проект межправительственного соглашения о сохранении и использовании биоресурсов Каспийского моря, но до сих пор он так и не был подписан.

Между тем приоритет нефтяных богатств перед рыбными нельзя считать обоснованным. По разным оценкам, запасы нефти в акватории Каспия составляют 7–12 млрд. т и они при проектируемых масштабах добычи будут исчерпаны за 30–50 лет. Рыбные же ресурсы, в отличие от минеральных, возобновляемы и при бережном отношении к Каспию они будут вечным источником питания и инвалютных доходов. Кроме того, оптовая цена 1 т лишь черной икры составляет в зависимости от вида осетровых, на мировом рынке 180–600 тыс. долл., тогда как нефти – всего 80–110 долл. В этом плане рыбный приоритет здесь бесспорен, а тем временем из-за экологии и браконьерства рыбные косяки продолжают сокращаться.

Еще одна экологическая проблема, казалось бы, должна больше всего волновать Азербайджан. Речь идет о ежегодном повышении уровня Каспийского моря. Уже в начале следующего столетия море может залить все нефтепромыслы, всю инфраструктуру и даже портовые сооружения, что лишит Азербайджан честолюбивых надежд на "контракты века", а зарубежных инвесторов – не только на получение дохода, но и на саму возможность вернуть вложенные капиталы. И тем не менее США в своем стремлении получить сиюминутные выгоды настаивают на форсировании добычи и транспортировки нефти.

На фоне довольно острых конфликтогенных ситуаций на Кавказе как-то в тени остаются ирано-грузинские отношения. Иран поддерживает с Грузией приемлемый уровень взаимовыгодных торговых связей, осуществляет обмен визитами государственных деятелей и не доводит состояние дел до конфликта, хотя для этого есть немало оснований. Шеварнадзе по разным причинам содействует проникновению США на Кавказ, поддерживает продвижение НАТО на Восток, что, естественно, ведет к выдавливанию не только Ирана, но и России из зоны их стратегических интересов. Иран настороженно воспринял подписание между Грузией и Турцией в 1992 г. договора "О

(Даже при нормальн

дружбе, сотрудничестве и добрососедстве”, на базе которого к настоящему времени заключено свыше 50 соглашений. А в 1997 г. Шеварнадзе подписал с Демирелем соглашение, по которому средний (грузинский) нефтепровод предполагается сделать главным при перекачке не ранней, а основной нефти. Причем нитка нефтепровода из Грузии пойдет к турецкому порту Джейхан. Одновременно намечено, что “контейнерно–транспортный коридор”, предусматривающий перевозку грузов, включая нефть, из Азербайджана и Центральной Азии, выйдет из Грузии на территорию Турции. Все эти акции Шеварнадзе по вовлечению США, Турции и НАТО в экономическую и политическую жизнь Кавказа не вызывают положительных эмоций в Иране.

Намного лучше сложились отношения Ирана с Туркменией, официально провозгласившей политику нейтралитета. Президент этой республики Ниязов (принявший имя Туркменбаши) действует, исходя из насущных интересов республики без оглядки на США и их союзников. Он договорился с бывшим президентом Ирана Рафсанджани о прокладке более 100 км железнодорожных путей с целью соединения центральноазиатской железнодорожной системы с железными дорогами Ирана, которые в конечном итоге идут к иранским портам Персидского залива. В мае 1996 г. в торжественной обстановке произошла стыковка двух железных дорог. Между двумя странами была достигнута договоренность о прокладке газопровода, одна часть которого, видимо, будет проведена через территории Ирана и Турции в Западную Европу, а вторая часть, как и железная дорога, будет подведена к портам Персидского залива.

Туркмения пошла намного дальше Азербайджана в деле развертывания совместного сотрудничества с Ираном в каспийском регионе. Туркменское правительство исходило из того, что, пока не выработан статус Каспийского моря, оно пользуется условными границами, существовавшими в СССР. Летом 1997 г. оно опротестовало попытки Азербайджана использовать российские компании для добычи углеводородного топлива на туркменской части Каспия. После дезавуирования Россией этих соглашений Туркмения пригласила Иранскую государственную нефтяную компанию (как и ряд других иностранных фирм) участвовать в разработке двух таких нефтяных участков. Одновременно она предложила иранским компаниям осваивать совместными усилиями еще одно крупное месторождение нефти в зоне границы Туркмении и Ирана. Эти предложения были с благодарностью приняты иранской стороной, которая была отстранена Азербайджаном в западной части Каспия, а теперь задействована Туркменией в восточной части моря.

Иран в поисках стратегических партнеров

Однако самые большие надежды Иран возлагает не на маленькую, но приграничную Туркмению, а на большую, хотя и отдалившуюся Россию (Оба государства теперь связывают лишь противоположные берега Каспийского моря). Такая ориентация возникла в связи с новыми геополитическими и региональными сдвигами, а также переоценкой Ираном сущности, значения и роли России.

Иран традиционно поддерживал с СССР добрососедские отношения, которые лишь однажды были нарушены в годы II мировой войны, когда иранское правительство заняло прогерманскую позицию, что угрожало, по крылатому выражению У.Черчилля, "уязвимому подбрюшью России". Во все другое время через сухопутную и морские границы велась взаимовыгодная торговля, стороны с уважением относились к существовавшим режимам и находили общий язык по использованию акватории Каспия. Установление власти исламских авторитетов в 1979 г. привело к обострению отношений с двумя сверхдержавами. Если США получили от Ирана "официальный титул" "большого сатаны", то СССР – "малого сатаны". Иранские аятоллы осуждали США за диктат и глобалистские устремления, а СССР – за режим атеизма, который всячески сдерживал распространение веры в Аллаха. Кроме того, они осудили СССР за вмешательство во внутренние дела Афганистана. В этой связи Хомейни в послании президенту СССР Горбачеву утверждал, что "мир сегодня идет к исламу, и это не лозунг, а реальность". Одновременно в нем содержалось предупреждение, что на смену коммунизму грядет исламизм.

Упразднение СССР, возникновение на постсоветском пространстве новосуверенных республик радостно приветствовалось в Иране. Религиозные иерархи увидели в этом возможность расширить свое влияние и наладить более активные торгово–экономические и политико–религиозные отношения с республиками Закавказья и Центральной Азии. Тогда же они отмечали, что отпали два основных раздражителя: Россия перестала сдерживать распространение ислама, а в Афганистане не стало больше советских войск. Возникший же новый раздражитель – силовое укрощение Чечни – все–таки считался внутренним делом России и не мог существенно осложнить взаимоотношения.

В то же время в новой геополитической ситуации возникла масса новых обстоятельств, которые стали постепенно сблизять позиции Ирана и России. Эти обстоятельства охватывали мировые, региональные и двусторонние отношения, причем по ряду вопросов Иран занял более радикальную позицию, чем Россия.

(Даже при нормальн

Иранские аятоллы раньше российских "демократов" поняли, что установление Соединенными Штатами НМП и НЭП ведет к полному гегемонизму одной супердержавы и росту поставок национальных сырьевых и энергетических ресурсов в страны "золотого миллиарда". В России сохранялись иллюзии (да и сейчас еще от них не полностью избавились), что "заграница нам поможет", что США, якобы, заинтересованы видеть Россию единой, мощной и процветающей. Поэтому Иран неоднократно предупреждал Россию и мировую общественность об опасности американского империализма.

А поживиться в Иране и России есть чем. Иранская кладовая богата нефтью, газом, золотом и другими драгоценными металлами и минералами. В России же сырьевые и энергетические ресурсы в 2–2,5 раза превышают разведанные запасы США, в 6 раз – Германии и 20 раз – Японии. Поэтому американские ТНК все настойчивей повторяют, что "богатство США будете прирастать Сибирью". Российское руководство уже сдало американцам в долгосрочную аренду Баренцево море, где начался форсированный отлов рыбы, крабов или морского гребешка. А ныне ведутся переговоры по транспортному соединению Чукотки и Аляски.

Не лучше сложилась ситуация на Каспии. Российские нефтяные компании получили скромную долю участия "в проектах века" Азербайджана (и то не во всех) в размере 5–10%, тогда как американские – около 50%. Примерно 25% Россия имеет отечественного капитала в северном нефтепроводе, но и тут проектируется направить основную нефть через Грузию и Турцию в обход России. Даже Казахстан намерен использовать не нефтепровод на Новороссийск, а направить нефть танкерами до Баку, а затем по грузинскому контейнерно–транспортному коридору. Ну, а если Россия или Иран окажут сопротивление крайне невыгодным им сделкам, то США, Франция и другие цивилизованные страны уже включили Кавказ в "зону своих экономических и военных интересов", а военно–политический блок НАТО на всякий случай разработал операцию "Буря на Каспии", как вариант "Бури в пустыне".

Иранское руководство увидело опасность для иранских и российских интересов в распространении и утверждении идей пантюркизма. Турция совместно с Азербайджаном и другими тюркоязычными республиками постоянно теснит Иран в Закавказье и Центральной Азии. Поэтому иранское правительство ищет контактов с Россией, Арменией и Таджикистаном в целях противостояния образованию проектируемых "Содружества тюркских государств" или "Тюркского общего рынка". Тем более, что в турецких СМИ все чаще раздаются призывы "наказать Иран", "вести войска в Армению" и "отобрать у России "турецкие земли".

В последние годы Каспий становится все более важным водным путем в развитии взаимовыгодной торговли. Товарооборот между Ираном и Россией после нескольких лет сокращения стабилизировался и стал понемногу возрастать. Иран через Россию стремиться выйти из изоляции, к которой повела американская блокада. Но и здесь США пытаются диктовать странам, как и чем им следует торговать.

Так, когда Иран объявил о покупке в России трех подводных лодок, США развернули шумную кампанию недовольства обеими странами. Они обвинили Иран в намерении контролировать Ормузский пролив, по которому ежедневно транспортируется около 12 млн. баррелей нефти, что составляет почти треть мирового экспорта нефти. Аналогичная, реакция США была и по поводу поставок КНР крылатых ракет. Такая же у них (и у Израиля) реакция была на продажу Россией атомных реакторов для АЭС, хотя, по утверждению специалистов МАГАТЕ, их невозможно использовать в военных целях. Почти такое же впечатление оставило приобретение в России 12 самолетов Ту–154.

Как это ни парадоксально отмечать, но сейчас у Ирана и России существенно сблизилась позиции по отношению к Афганистану. Нашествие крайнего исламского движения Талибан, снаряженного и обученного в Пакистане на американские и саудовские деньги, привело к временному смещению относительно умеренного режима президента–таджика, Раббани. В завязавшихся кровопролитных сражениях решающую роль сыграл Шах Масуд, поддержавший законно избранную власть Афганистана. И хотя у него не хватает собственных сил для освобождения Кабула и полного разгрома формирований Талибан, видимо, произойдет восстановление власти президента Раббани и назначение на высокий пост Шаха Масуда. Иран, естественно, поддерживает возвращение к власти этнически близкого ему президента, которому он оказывал и еще скажет необходимую помощь. Россия же была напугана возможностью выхода на плохо охраняемые границы СНГ экстремистски настроенных талибов, что грозило ей самой непредсказуемыми последствиями. Поэтому и она готова оказать законному правительству посильную ей политическую или дипломатическую поддержку.

В закавказском регионе немаловажную роль играет Армения, которая не располагает сколько–нибудь значительными залежами полезных ископаемых, но занимает важное стратегическое положение. Иран, первоначально оказавший Азербайджану многоплановую помощь, включая предоставление кредитов, поставки оружия и боеприпасов, выступал с инициативой о посредничестве в

(Даже при нормальн

урегулировании нагорно–карабахского конфликта. В дальнейшем симпатии Ирана сместились к Армении, которой он предоставил транзитный коридор (закрытый со стороны Турции) с целью расширения возможностей ее внешней торговли. Более того, Иран стал настойчиво осваивать армянский рынок, сопровождая свои действия предоставлением кредитов и вложением капитала. В определенной мере это содействовало выходу из изоляции как Ирана, так и Армении.

Иран теперь придает Армении особое значение в связи с подписанием Турцией и Азербайджаном договора о стратегическом сотрудничестве, одной из целей которого служит создание пантюркистского сообщества. Армения с Нагорным Карабахом как бы делит тюркскую дугу на две части, препятствуя их объединению. Поэтому со стороны Турции и Азербайджана идут постоянные военные угрозы в адрес Армении, а Турция осуществляет модернизацию азербайджанских вооруженных сил и ведет переподготовку ее военных кадров.

США также испытывают большие неудобства из–за позиции Армении в нагорно–карабахском конфликте главным образом потому, что это вынуждает их пользоваться не самыми лучшими маршрутами нефтепроводов. США оказывают давление на армянское правительство, чтобы оно отказалось от поддержки Нагорного Карабаха и передала его "законному владельцу". Известно, что из двух основополагающих, но взаимоисключающих принципов ООН – право наций на самоопределение и право государств на нерушимость их территорий – США выбирают тот, который больше соответствует их собственным интересам. В данном случае они лоббируют свои интересы в будущем нефтяном Клондайке. В порядке компенсации США готовы предоставить Армении значительные суммы кредитов, а АМОК, где американцы играют решающую роль, осуществит строительство нефтепроводов через Нагорный Карабах и Армению, что избавит их от нефтяного голода. Пока Армения отказывается от этой сделки, вызывая сочувствие Ирана и России.

Таким образом Иран объективно оказался на передней линии борьбы против установления НМП и НЭП. Естественно, что США объявили его центром международного терроризма, агрессивного исламского фундаментализма, средоточием угрозы мира на стыке БСВ, Кавказа и Центральной Азии. Они через ООН, все более превращающуюся в американскую организацию, предали Иран анафеме и установили экономическую блокаду, максимально изолировав его от ряда государств. Но и в этой тяжелой ситуации Иран продолжает сопротивление и настойчиво ищет себе в союзники государства, почувствовавшие опасность мирной экспансии или военной интервенции США.

Таким потенциальным союзником, по мнению иранского руководства, может стать в нынешних условиях Россия, хотя ее внешняя политика представляется непоследовательной. И тем не менее иранские лидеры исходят из того, что упрямые факты вынуждают Россию все больше осознавать, что же скрывается за НМП и что несет с собой пантюркизм. А это создает базу для будущего более полного взаимопонимания и более целеустремленного сотрудничества.

В Иране полагают, что потенциальным союзником может стать Армения, зажата с двух сторон Азербайджаном и Турцией, да к тому же испытывающая нарастающее давление США. Эта республика еще больше России или Ирана опасается продвижения НАТО на Восток, особенно, в лице передового натовского отряда – турецких войск (здесь не забыли о геноциде турок). В Армении понимают, что объединение тюркских государств, поддерживаемое Западом, грозит катастрофическими последствиями не только для армянского государства. Поэтому Иран положительно отнесся к подписанию договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между Арменией и Россией. В данном случае Иран в борьбе за выживание отодвигает религию (и т.н. исламский фундаментализм) на второй план.

Иран может обрести если не союзников, то сочувствующих и в арабском мире, имеются ввиду Сирия, Ливан, Судан, а при определенных обстоятельствах – даже Ирак. Он может рассчитывать на понимание со стороны курдов и некоторых народов Кавказа. А среди стран более отдаленных против мондиалистских устремлений США все чаще высказывается Китай, дополнительно обеспокоенный происками пантюркизма в Синдзяно–уйгурском автономном районе. К тому же позиция против установления монополярного мира была зафиксирована в договоре между КНР и Россией. По ряду вопросов антиимпериалистическую позицию занимает Индия, в которую Иран проектирует провести свой газопровод.

В настоящее время происходит нарастание сопротивления гегемонизму США, которое проводится Ираном, а теперь поддерживается движением за установление многополярного мира. Иран как бы инициировал новое политико–экономическое размежевание, которое все более отчетливо принимает не региональные, а глобальные масштабы. Видимо, в начале XXI века главным конфликтогенным фактором станут не "межцивилизационные столкновения", а необходимость справедливого решения взаимоотношений между "золотым миллиардом" и остальными народами.

КУЛЬТУРНО–ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА ИРИ В РЕГИОНЕ (90–е гг.)

Как известно, 90–е годы стали тем рубежом для Ирана, когда в государственной политике отчетливо проступили элементы модификации и пересмотра некоторых исламских постулатов, сдерживающих экономическое и социально–политическое развитие страны. Однако характерно, что поиск нового курса осуществляется достаточно осторожно и осмотрительно, ибо определяется он степенью жизненности самой исламской системы и ее способностью к диалогу с миром. Строго придерживаясь шиитских догматов веры и основных культурно–политических постулатов ислама, введенных в жизнь после 1979 г., политики и государственные деятели ИРИ все чаще апеллируют к культурным символам прошлого – древней истории Ирана, его эпическому наследию, классической поэзии и философии суфизма. Одновременно они стараются текущую, повседневно осуществляемую сегодня политику скорректировать с этой многообразной исторической традицией.

Данная апелляция к культурной традиции Ирана в самом широком плане как в геополитическом, так и экономическом – стала явственно проступать после 1989г. Знание языка фарси, классической поэзии, истории Ирана, текстов Корана на фарси и арабском трактуется сегодня как стратегическое культурно–политическое наследие, как актуальный аргумент взаимодействия в своем регионе и мире¹.

Такой культурологический крен в региональной политике ИРИ отнюдь не случаен. Он диктуется логикой политической и экономической жизни стран региона, ибо сама стратегия интеграционных процессов в мире накануне XXI века требует уточненной и соответствующей духу времени модели национального развития. Такая модель отрабатывается через обобщение и мобилизацию национальной культурной традиции, путем переосмысления исторического опыта, религиозно–философских памятников и классической поэзии.

На протяжении 70–х – 90–х гг. роль культурных традиций, культурного наследия в жизни иранского общества пережила разительную сущностную трансформацию, при том, что сама по себе значимость культурного фактора во внутренней и внешней политике страны оставалась по–прежнему очень высокой. В целом и эволюция идей, и их политическая интерпретация определялись задачами модернизации страны. Если на ранних этапах модернизации осмысление исторического опыта призвано было как бы декорировать облик социума, смягчать в сознании людей неизбежность перемен, соединяя прошлое и настоящее, т.е. играть роль фактора компенсаторного, сглаживающего тернии модернизаторства, то после начала "Белой революции" культурное наследие стало доминировать в государственной идеологии, и затем постепенно превратилось в структурообразующий элемент познания стратегии дальнейшего пути Ирана. Общественное сознание при встрече с незнакомым будущем как бы искало опоры в своих культурных традициях². Вот почему в иранской общественной мысли 70–х годов сформировалась самостоятельная область знания – "культурное наследие" ("мирасе фарханги"), дававшая выход пробудившемуся национальному самосознанию и одновременно стимулирующая поиск рациональной модели развития страны и ее места в регионе и мире. Если шахская культурная политика исходила из тезиса непрерывной традиции иранской государственности на протяжении двух с половиной тысячелетий ("эстемрар"), то после 1978 года в культурно–политической практике уже исламского государства приоритетными стали идеи исламского реформатора Али Шариати, проповедовавшего идеи "возврата к себе", к своим исламским корням.

Концепция исламского пути развития, поставленная на службу нового теократического режима в области культуры привела к резкому сужению культурного поля и застою иранской общественной мысли. Этот застой отчетливо осознан к концу 80–х годов. Поэтому после прекращения ирано–иракской войны и после кончины имама Хомейни в 1989 году, в стране наблюдается ослабление жесткого исламизированного курса в идеологии и культуре. В этих областях жизни все заметней начинают проступать собственно иранские традиции. В декабре 1990 года в литературную жизнь страны была возвращена эпическая поэма Фирдоуси "Шах–наме", запрещенная исламскими властями в 1979 году. Как бы компенсируя этот запрет во многих издаваемых с начала 90–х гг. журналах "Келк", "Гердун", "Аргеван", "Кейхане фарханги" распространилось множество стихов и

(Даже при нормальн

статей, навеянных реминисценциями из "Шах-наме", либо посвященных героям поэмы и ее автору. Этот культ "Шах-наме", продолжавшийся в литературной жизни страны несколько лет утвердился в иранской критике под термином "фирдоусизм".

Сегодня правящая элита ИРИ отчетливо осознает значимость самого института "культурного наследия" в жизни общества и активно использует его во внутренней и внешней политике, в частности, в регионе стран Западной и Центральной Азии. Этот регион сегодня переживает второе рождение и лидеры входящих в него стран стремятся добиться осмысленных и долговременных средств объединения.

В 1993 г. региональная организация трех стран – Ирана, Турции, Пакистана – ОЭС оформила Устав и приняла в свой состав Афганистан и семь независимых государств СНГ. Был создан Банк ОЭС при паевом участии Ирана, Пакистана и Турции, несущих основную долю финансовых затрат. Приоритетное значение в проектах отдано таким направлениям как транспорт и связь. В течение семи лет столицы всех стран ОЭС должны быть соединены шоссейными и железнодорожными линиями и шоссейной магистралью Стамбул – Тегеран – Исламабад – Алма-Аты – Бишкек. Уже возведены и полотно Керман – Захедан, и линия Ашхабад – Мешхед. Ввод этих двух строек создает единую железнодорожную сеть региона, имеющую выход на Европу (через Турцию), на Южную и Юго-Восточную Азию и Китай (через Пакистан), т.е. к портам трех океанов. Большое значение придается и другим средствам коммуникации – созданию авиакомпании в рамках ОЭС и 50 линий современной телефонной связи с миром. Все эти проекты уже на стадии осуществления. Претворение в жизнь технических проектов предусматривается в более отдаленной перспективе. Организаторы ОЭС признают, что ныне это региональное объединение с населением свыше 300 млн. человек и территорией в 7 млн. кв. км. становится второй по значимости региональной организацией после ЕС. Характерно, что Генеральный Секретарь ОЭС Шамшад Ахмадхан (Пакистан) подчеркивает сугубо экономический профиль организации, ее нейтральность к политическим и этнонациональным конфликтам. Он заявил, что хотя организация обладает исламской спецификой, это тем не менее не исламский блок. Из десяти членов ОЭС исламской республикой являются только Иран и Пакистан. Однако народы этого региона являются наследниками традиций ислама³.

В Тегеране полагают, что на этапе формирования ОЭС роль иранского культурного наследия позволит консолидировать экономический союз стран и обрести в исламском мире свой устойчивый имидж. При этом любопытно, что иранские политики для усиления своих доводов часто обращаются к опыту Японии и дальневосточного Азиатско-Тихоокеанского Региона и считают, что экономический взлет АТР был обусловлен культурными проектами, объединившими население этих стран на основе принципов конфуцианской этики. Иранцы полагают (проводя параллели с конфуцианским культурным регионом), что именно специфика древней иранской культуры и ее укорененность в истории и сознании народов Южной Азии поможет нынешним государствам более эффективно интегрироваться в регион и будет способствовать его развитию и созданию в будущем культурно-политической и экономической общности сопредельных стран.

В выступлениях иранских политологов за рубежом сегодня все заметней прослеживается тенденция рассматривать страну в широком мировом культурном и политическом контексте. Показательно в этом смысле выступление с докладом на международном симпозиуме "Ислам и Запад – диалог между культурами и цивилизациями" (Лондон, 14–16 июня 1996г.), доктора Пируза Моджтахедаде. Автор констатирует особенности новой геополитической позиции Ирана, возникшей в мире после распада СССР, обретения независимости мусульманских республик на территории Центральной Азии, а также в связи с возросшей ролью двух новых богатых нефтью районов Персидского залива и Каспийского моря, к югу и северу от Ирана. Важнейшим изменением и противоречием нынешнего этапа развития мировой истории автор считает "глобализацию рыночной экономики, развитие технологии средств связи, способствующих превращению мира в единое взаимосвязанное человеческое сообщество и наряду с этим усиление религиозных и этнических противоречий". Автор рисует новую картину мирового порядка, требует отказа от ряда устаревших геополитических понятий и терминов. "Теперь уже нельзя классифицировать политический мир по принципу промышленного развития на первый, второй, третий, ибо, по мнению автора, сегодня "второй мир" – промышленно развитый коммунистический мир – утратил динамику и эффективность, а значительное число традиционно причисляемых к третьему миру стран быстро развились и "не могут быть описаны в привычных терминах". Автор считает, что мир отныне не может больше делиться на "Север" и на "Юг", т.к. бывшие бедные южные страны вошли в один ряд с процветающими северными государствами. Геополитические термины Запад и Восток устарели и должны быть заменены на новые". Отныне термин "Запад" может быть использован только в чисто географическом значении, в одном ряду с такими понятиями, как "Ближний Восток" и "Дальний Восток". В то время как исчез политический "Восток", географический Восток на основании удаленности его территории от Западного мира

(Даже при нормальн

продолжает существовать в виде Ближнего и Дальнего Востока". Подобную географическую классификацию Пируз Моджахедзаде предлагает применить и к Западу и тогда США и страны американского континента могут быть названы "Дальним Западом", ЕС "Средним Западом", а блок государств Восточной Европы – "Ближним Западом".

В оценках перспектив политического мира этого автора следует выделить неприятие любых моделей развития, исходящих от США, как от его официальных представителей, так и независимых политологов. Резкое неприятие вызвала известная концепция С.Хантингтона. Его идея столкновения цивилизаций, конфликта "между исламом, поддержанным конфуцианством и тем, что именуется западной цивилизацией" – отвергается автором, как провокационная и отбрасывающая человеческое сообщество к длительной конфронтации. Автор отвергает и понятие "цивилизации", которым оперируют американские политологи, ибо оно по его мнению "не выходит за рамки религиозно–расовых различий", игнорирует искусство, литературу, науку и технологии и направлено на то, чтобы обеспечить США контролирующую роль над новым мировым порядком и овладеть в стратегическом плане нарастающими процессами создания многополюсного мира".

Автор считает, что США тормозят и препятствуют интеграции важнейших регионов мира. "Интенсификация мировой экономической конкуренции между США, Западной Европой и ЮВА есть свидетельство экономического движения мира в сторону многополюсности.... а Америка, видимо не считает уместным использовать эту стратегию на Ближнем Востоке и в зоне Персидского Залива, предпочитая провоцировать в этом регионе конфликты для оправдания продолжения своего военного присутствия и осуществления своего курса нового мирового порядка".

Важным компонентом статьи является мысль об изоляции Ирана, его отношений с арабскими соседями и "зловещей роли в этих отношениях американской пропаганды". В то время, как арабские соседи Ирана по Персидскому заливу вооружились до зубов, им говорят, что несмотря на эту ошеломляющую политику перевооружения и присутствие военной махины США в регионе, нахождение Ирана в Персидском заливе, которое вызвано объективными географическими условиями, представляет собой угрозу миру. Таким образом, эти страны подстрекают к выдвиганию территориальных претензий и необоснованных клеветнических измышлений в адрес Ирана, представляя эту страну как демона терроризма и исламского фундаментализма в мире". Весьма насторожен автор и к попыткам создания в Персидском заливе под эгидой США системы чисто арабской региональной безопасности с участием Сирии и Египта, монархий Персидского залива, но без участия Ирана и Ирака. Отвергает он и идею панарабизма, как основы для создания региональной системы безопасности Персидского залива.

Доклад П. Моджахедзаде важное свидетельство разнообразных геополитических позиций Ирана (начиная от проблемы нового мирового порядка и пересмотра общих политологических терминов до критики конкретной политики США и соседних арабских государств в Персидском заливе). Ее резкий антиамериканизм диктуется обеспокоенностью изоляцией исламского Ирана в мировом геополитическом пространстве. Автор настойчиво подчеркивает, что возврат к исламским ценностям в ИРИ не означает военных угроз или территориальных претензий Ирана в отношении других стран. Он также категорически отвергает и концепцию Хантингтона о противоборстве в грядущем западной и восточной цивилизаций, возникших на религиозно–этнической почве.

Возвращаясь к культурной политике Ирана 90–х гг., можно сказать, что его лидеры ведут интенсивные поиски путей модернизации своего общества и места страны в регионе, опираясь на истоки национальной культуры, ее позитивные традиции и укорененность в культурной памяти соседних народов. Данная стратегия Ирана безусловно влияет и на его отношения с Россией. Среди руководства ИРИ есть уважение к российским интересам в регионе и интерес к торгово–промышленным связям. Для Ирана с его признанием приоритетности культуры в процессе трансформации общества притягательность России в немалой степени определяется еще и уважением к русской культуре, науке и техническому потенциалу страны.

Таков общий социо–культурный и экономический фон развития региона и места в нем Ирана. Именно на этом фоне начинает оформляться и культурно–политическая доктрина ИРИ, претворяемая через серию акций и заявлений общегосударственного и регионального масштаба. Выделим наиболее значимые из них, происходившие на протяжении 1994 – 97 гг.

1994 г.

В феврале в Тегеране состоялась конференция иранистов и преподавателей персидского языка и литературы России и стран СНГ, приуроченная к 15–ой годовщине исламской революции Ирана. Конференции была придана высокая политическая значимость. С докладами по культуре Ирана выступили главы всех основных министерств страны и видные иранские деятели науки. Участников принял президент ИРИ Хашеми–Рафсанджани и духовный лидер Ирана аятолла Хаменеи. В

(Даже при нормальн

выступлениях обоих лидеров страны подчеркивалась роль языка фарси в исторических связях и общении стран региона – Индии, Пакистана, Турции, Афганистана, Сынцзяна. Язык фарси был провозглашен на конференции "вторым языком ислама", а Коран на фарси – важным фактором консолидации мусульман региона.

В докладах всячески подчеркивалась значимость классической поэзии на фарси – творчества персоязычных поэтов Индии, Пакистана, Таджикистана, необходимость распространения и изучения творчества Икбала и поэтов индийского стиля – Бедилия и его школы.

Мощным консолидирующим фактором в жизни народов Турции, Афганистана, Пакистана была признана философия и поэзия суфизма. (Моулави Руми и Саэбе Тебризи).

Особо важное значение отводилось трактовке роли классического эпоса "Шах–наме" Фирдоуси для жизни народов Центральной Азии и всего региона. Именно на перечисленные факторы возлагалась задача создания почвы для интегрирования данных стран в регион с общими культурными и экономическими предпосылками.

1995

В 1995 году в Тегеране была проведена аналогичная конференция иранистов и преподавателей языка фарси из Индии, Бангладеш, Турции, Пакистана, с докладами ученых и выступлениями государственных лидеров Ирана, посвященных исследованию литературы на фарси в этих странах, проблемам преподавания фарси, влиянию иранской философии и поэзии на историческое развитие национальных культур стран региона. Данной проблематике посвящен регулярно издаваемый в Иране альманах "Намехе парси"⁴.

Проблематика литературных и культурных связей Ирана широко представлена также в других популярных периодических изданиях, таких как "Кейхане фарханги", "Адабияте дастан", "Ше'ер".

И в том же 1995г. в культурно–политической доктрине ИРИ появились новые мотивы – отчетливое стремление расширить ее рамки за счет восстановления историко–географических контактов и геополитических интересов. 4 сентября 1995г. в Исфаганском Университете министр иностранных дел ИРИ Али Акбар Велаяти открыл научную конференцию по проблемам Шелкового Пути, в которой участвовало 30 иранских и зарубежных университетов. О роли и значении Ирана в великом Шелковом Пути было прочитано 17 докладов учеными Ирана, Пакистана, Индии, Японии, Франции, Великобритании и Германии.

В своем вступительном слове А.А. Велаяти подчеркнул экономическую и культурную значимость Шелкового Пути, "соединившего между собой еще в глубокой древности многие народы и государства Востока и Запада"⁵. Была подчеркнута выдающаяся роль иранских ученых прошлого Аль–Бируни. Ар–Рази. Авиценны и Ибн–Мусы Хорезми в распространении передовых идей и научных достижений среди сопредельных народов, населявших земли вдоль Шелкового Пути.

Весьма информативным и значимым в политическом плане были и выступления Али Акбара Велаяти за пределами страны, например, на конференции индийских промышленников в Калькутте, посвященной столетию этой организации. Прежде всего он отметил "новую, достойную роль стран региона с начала 90–х годов в деле создания нового мирового порядка на основе своей национальной сущности и независимости"⁶.

Обращаясь к индийской аудитории Велаяти провозгласил действенность исламского принципа Али Шариати "возврата к себе" ("базгашт бе ход"), который по его мнению "действенен и проявляется в культурном, политическом и экономическом контексте жизни региона".

Далее была нарисована перспектива включения Индии в региональные связи Ирана и Центральной Азии, успех и реальность осуществления которых "гарантирует общее для этих стран культурное наследие". Обращение к данному тезису прозвучало в речи Велаяти несколько раз, и даже в тех ее разделах, которые касались конкретных экономических, демографических и геополитических аспектов. "Азия в силу своих особенностей может стать одним из мировых центров силы. С одной стороны у нас есть богатое культурное наследие древнего Ирана, Индии и Китая, образующее фундамент нашего развития. А с другой – в нашем распоряжении красивейшая и богатейшая природа и несметные запасы полезных ископаемых, прежде всего – нефти и газа. Эти потенциальные возможности могут быть реализованы только в рамках всестороннего сотрудничества стран региона". В ходе этого своего визита в Индию Велаяти предложил конкретную экономическую программу ирано–индийского сотрудничества, суть которой коротко можно сформулировать как предложение к Индии влиться в программу ОЭС по строительству железных дорог в Иране, восстанавливающих Шелковый Путь, созданию газопровода из Ирана в Индию, эксплуатации нефтегазовых месторождений Центральной Азии и экспорта этих ресурсов (через порты Персидского залива и Оманского моря посредством трубопровода), а также по развитию легкой и тяжелой промышленности. Культурные планы совместного сотрудничества, предложенные Велаяти, предусматривают

(Даже при нормальн

вовлечение Индии в развитие культурных контактов между народами Ирана, Индии и Центральной Азии, основу которых составляют многочисленные письменные памятники историко–литературного и этнографического характера последних шести веков. Программой предлагается привлечь иранских и индийских экспертов и мастеров для восстановления памятников древности в странах Центральной Азии.

Из примечательных особенностей нового в культурно–политической жизни ИРИ 90–х годов – культурный и политический интерес к России. Как уже говорилось выше, в массовых и литературно–публицистических изданиях наблюдается стремление дать более широкую, в сравнении с предыдущим десятилетием, информацию о литературе и искусстве западного и восточного мира. Отчетливо заметен пиетет перед русской культурой. Начиная с 1992г. переводы стихов Анны Ахматовой, "Путешествие в Армению" Осипа Мандельштама, сборники рассказов Льва Толстого в 2–х томах, рассказы Достоевского, "Записки сумасшедшего" Гоголя, поэма Маяковского "Облако в штанах".

В Иране традиционно сильное литературоведение и здесь следует отметить книгу В. Набокова "Уроки русской литературы", книгу Л. Гроссмана "Достоевский – жизнь и творчество". В контексте общих и специальных дискуссий иранских критиков часто присутствуют ссылки на произведения Чехова, Тургенева, Грибоедова, книга о котором "Смерть Вазир–мухтара" Ю.Тынянова была переведена в конце 80–х гг.

В 1996–97 гг. отмечается широкое освещение литературных произведений и статей стран региона – Таджикистана, Турции, Афганистана, Пакистана, Египта и Ирака. Достаточно полно представлена в иранских изданиях западная современная проза и поэзия и, прежде всего, произведения писателей Латинской Америки. Характерно, что в художественных и публицистических изданиях упомянутых нами ранее проблематика ислама по отношению ко всему остальному материалу занимает примерно одну двадцатую часть.

В целом сегодня культурно–политическая доктрина ИРИ в регионе имеет тенденцию расширения – она отходит от чисто исламских политических постулатов и все более ориентируется на пропаганду памятников иранской культурной традиции – языка фарси, поэзии фарси, текста Корана на фарси, реконструкцию исторически сложившихся связей в регионе и общих, объединяющих этических (исламских и доисламских) принципов. Исламское наследие присутствует в доктрине лишь как некий довольно размытый фон.

1 Nasbitt I., Aburden P. – Megatrends 2000. The Directions for the 1900's. N.Y., 1990.; The Transformation of the Former USSR and its Implications for the Third World. International Conference. Tehran, March 2–4, 1992.; "Место Ирана в современном мире"– интервью министра иностранных дел А.А. Велаяти газете "Кейхан" 18.02.1997.– цит. по бюллетеню посольства ИРИ в России "Третий взгляд", № 47, апрель 1997 г.

2 Кляшторина В.Б. Иран 60–80–х гг. От культурного плюрализма к исламизации духовных ценностей. М., 1990 г.

3 "Третий взгляд", № 24. 22 марта 1994 г., с. 18–19.

4 "Намейе парси", 1–й г. изд., № 1, лето 1996 г.

5 Новости из Ирана (бюллетень посольства ИРИ в России) 8.09.1990; № 7, с. 10.

6 Эттелаат, 9.01.1995.

РОЛЬ АКАДЕМИИ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ ИРИ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА

Одним из главных показателей развития лексического состава любого языка является постоянное пополнение его новыми научными и техническими терминами, улучшение качественных характеристик уже существующих терминов. После иранской революции 1978–1979 гг. в течение более десяти лет в Исламской Республике Иран (ИРИ) не было научного центра, который руководил бы созданием новой персидской терминологии. Многочисленные термины, появившиеся в научной литературе, в прессе и других периодических изданиях, создавались в научных и учебных заведениях отдельными отраслевыми специалистами, а также лицами, часто не имевшими элементарных знаний в области языкознания. В результате появилось много терминов, обозначающих одинаковые понятия и не отвечающих требованиям науки.

Особенно большое неудовольствие у руководителей ИРИ и значительной части научной общественности страны вызвало появление в персидском языке большого количества западноевропейских заимствований, иногда даже не выражавших новых понятий и повторявших те же значения, что и собственно персидские слова. Отрицательное отношение к европеизмам усиливалось в связи с ухудшением политических, дипломатических и экономических связей со странами Запада, особенно с США. Однако поток иноязычных заимствований не прекращается.

В периодической печати Ирана в 80–е годы нашего столетия стали активно обсуждаться вопросы орфографии, становления лексической и грамматической нормы персидского языка. Подчеркивалась необходимость создания орфографического и орфоэпического словарей, что улучшило бы преподавание персидского языка в школах, в средних и высших учебных заведениях, и подготовки терминологических словарей по различным отраслям знаний. Высказывались мнения, что вопросам развития персидского языка, упорядочению стихийных процессов, происходящих в нем, должно уделяться большее внимание, чем уделялось до сих пор, необходимо улучшать его преподавание и способствовать его распространению внутри страны и за ее пределами.

Руководство ИРИ было вынуждено принять решение о создании филологического центра, который занимался бы вопросами развития не только персидского языка, но и персидской литературы. Решением Высшего совета культурной революции на заседании, проходившем под председательством президента ИРИ А.Хашеми-Рафсанджани, в феврале 1990 г. создается Академия персидского языка и литературы (Фархангестан-э забан ва адаб-э фарси).

Академия была объявлена главным научным центром исследований в области персидского языка и литературы. На нее возложены координация деятельности всех научных и учебных учреждений, занимающихся исследованиями в этой области, подготовка и публикация научных трудов по различным вопросам языка и литературы, принятие необходимых рекомендаций по упорядочению процессов развития лексики, создание собственных отраслевых терминов.

Для того, чтобы более ясно представить себе деятельность новой Академии языка и литературы, необходимо познакомиться с результатами работы предшествующих Академий, с положительными и отрицательными сторонами в их словотворческой деятельности, проанализировать лексику, вошедшую или не вошедшую в словарный состав персидского языка.

(Даже при нормальн

За последние 60 лет это третье научное учреждение, которому поручено заниматься вопросами совершенствования персидского языка и его лексики. Новой Академии также вменяется в обязанность заниматься распространением его как внутри страны, так и за ее пределами. Следует подчеркнуть, что политическое руководство Ирана и до революции 1978–1979 гг. относилось очень ревностно к вопросам развития персидского языка и особенно его словарного состава. Оно стремилось укрепить и возвеличить персидский язык, связывая языковую политику с теми идеологическими и националистическими установками, которые господствовали в конкретный исторический период.

В период правления династии Пехлеви (вплоть до революции 1979 г.) в Иране существовало две Академии: первая Академия, созданная в 1935 г. и именованная Фархангестан-э Иран, функционировала до 1941 г., т. е. до ввода союзнических войск в Иран; вторая Академия, созданная в октябре 1970 г. по указу шаха и получившая название Академии языка Ирана (Фархангестан-э забан-э Иран), прекратила свое существование сразу после революции 1979 г.

С середины 30-х годов двадцатого столетия сложилась традиция, согласно которой языковая политика в стране осуществлялась с помощью Академии языка и литературы. В состав Академии вводились наиболее известные ученые-филологи, которые затем утверждались в качестве действительных членов и членов-корреспондентов Академии.

Реформа персидского языка, провозглашенная первой Академией в 1935 г., несмотря на большие цели и задачи, сформулированные в ее уставе, свелась к чисто пуристической кампании, – из языка изымались прочно вошедшие в обиход арабские, тюркские и западноевропейские заимствования, а вместо них вводились вновь созданные на основе собственных языковых ресурсов лексико-фразеологические эквиваленты или возрождались староперсидские слова и словосочетания, давно вышедшие из сферы активного функционирования.

Чем было вызвано такое отрицательное отношение к иноязычным по происхождению словам, в том числе и к арабизмам, которые составляют не менее половины лексического состава персидского языка? В первую очередь это можно объяснить не стремлением улучшить и усовершенствовать официальный язык страны, а той политической линией, которой придерживалось деспотическое руководство Ирана во внутренней и внешней политике. Деятельность первой Академии проходила в условиях усиления политики иранского национализма, шовинизма и паниризма, проводившейся Реза-шахом и его окружением. Поэтому реформа персидского языка, осуществлявшаяся этой Академией, имела чисто националистический характер и вылилась в пуристическую кампанию.

И все же было бы неправильно полностью отрицать значение реформаторской деятельности Академии для совершенствования собственной терминологической системы. В этом плане необходимо отметить, что многие из предложенных Академией слов прочно укрепились в языке и стали широко употребляться не только в письменном языке, в различных научных изданиях, в прессе, в периодической печати, но и в разговорной речи. Например, почти вытеснили из оборота иностранные слова такие вновь созданные эквиваленты, как АРЗ “валюта”, АСАЙЕШГАН “санаторий”, АЗМАЙЕШ “устав”, ДАДГАП “суд”, ДНЭЩДЖУ “студент”, ДАНЭШГАП “университет”, ПЭЗЭШК “врач”, ШАПРДАРИ “муниципалитет, городская управа”.

В настоящее время многие из слов, предложенных первой Академией и вошедших в персидский язык, заимствуются с соответствующими фонетическими изменениями в современный таджикский язык. Причем инициаторы заимствования этих слов даже не осознают того, что они являются искусственными образованиями и не употреблялись в языке классического периода.

Однако далеко не все слова, предложенные Академией, стали достоянием современного персидского языка, – часть из них просто не стали употреблять. Некоторые из этих слов употребляются наравне с прежними эквивалентами иноязычного происхождения, увеличивая и без того большое количество терминов-синонимов, что однозначно оценивается как отрицательное явление в любой терминологической системе.

При изгнании иноязычных терминов из лексики персидского языка в тот период не делалось исключения и для слов арабского происхождения.

Если проанализировать те лексические единицы, которые были предложены первой Академией, то можно установить, какие термины и из каких терминосфер вошли в язык. В персидском языке прочно заняли место и полностью вытеснили из него заимствованные слова те термины, которые относятся к наименованиям административного деления Ирана, названиям военных и полицейских чинов, представителей судебных властей и прокуратуры, государственных учреждений, а также общеполитические и специальные термины, служащие для выражения понятий, которые раньше не имели устойчивого словесного обозначения.

Несколько иную картину представляет собой терминотворческая деятельность второй Академии. С самого начала функционирования Академии основным направлением ее работы стали вопросы формирования и упорядочения персидской терминологии. С этой целью были образованы

(Даже при нормальн

терминологические группы, которые начали создавать новые термины для разных отраслей науки и техники. Каждая группа включала отраслевого специалиста и двух – трех лингвистов, которые на основе изучения иностранных научных источников, терминологических словарей и энциклопедий должны были отбирать наиболее важные для данной области знаний термины на западноевропейских языках и давать их толкование на персидском языке. В дальнейшем термины и их толкования публиковались в виде отдельных брошюр, которые рассылались не только иранским ученым, но и ученым–иранистам в зарубежные страны. Предполагалось, что в течение двух–трех месяцев после опубликования каждой брошюры будут созданы персидские эквиваленты для западноевропейских терминов данной отрасли. До революционных событий 1978–1979 гг. было издано восемь брошюр¹.

В результате работы терминологических групп были созданы отдельные термины, относящиеся к учебному процессу, библиотечному делу, газовой и электротехнической промышленности, медицине, компьютерному делу. В терминологической деятельности Академии наблюдалась одна особенность: наряду с терминами, предложенными группами, в терминологические списки включались и слова, ранее предложенные отдельными учеными и специалистами и уже получившие распространение в языке. Так, в списке оказались уже употреблявшиеся ранее слова ГУЙЕШ “диалект”, “говор”, НИМСАЛ “семестр”, ВАДЖ “фонема”, ПАМВАНД “член”, РАСАНЭ “средство коммуникаций”. Этим Академия хотела показать свое положительное отношение к уже вошедшим в персидский язык терминам.

Положительным явлением в деятельности Академии языка Ирана следует признать стремление упорядочить, нормализовать терминологическую систему, создать термины для выражения понятий, либо еще совсем не имевших словесного выражения, либо еще не получивших четкого и устойчивого обозначения в персидском языке.

Одним из главных направлений в работе Академии стала замена слов иноязычного (европейского, арабского) происхождения на вновь создаваемые персидские слова. Вместо ряда интернациональных терминов были предложены слова: вм. КОМИСЙОН “комиссия” – ВАМГОМАРЭШ, вм. МИКРОБ “микроб” – ЗИЙАЧЕ, вм. БАКТЭРИ “бактерия” – ТАРАКИЗЭ и т. д. Была попытка заменить также такие широкоупотребительные арабские слова, как ДАРС “урок”, “занятие” (на АМУЗЭ), ТАРТИБ “порядок” (на РАЙЕШ), ВАСЭЛ “результат, итог” (на ФАРАМАД), МАВДУД “ограниченный” (на МАРЗМАНД) Такая недостаточно продуманная и поспешная попытка заменить прочно вошедшие в словарный состав языка слова не только не способствовала нормализации персидского словоупотребления, но и расшатывала терминологическую систему. По существу деятельность второй Академии во многом явилась продолжением деятельности первой Академии, имевшей, как уже отмечалось, ярко выраженный пуристический характер.

Возвращаясь к характеристике деятельности новой Академии персидского языка и литературы, следует отметить, что прошло свыше семи лет со времени ее создания и уже видны некоторые результаты работы, которые отражаются в публикациях ученых – членов Академии.

С 1995 года стало выходить два печатных издания Академии: одно – Хабарнамэ–Йе Фархангестан (“Бюллетень Академии”), выходит один раз в месяц; второе – Намэ–Йе Фархангестан (“Труды Академии”), выходит один раз в квартал. Оба издания объективно отражают работу, проводимую в Академии, но отличаются друг от друга по характеру освещения этой работы и содержанию публикаций.

Бюллетень Академии в основном носит информационный характер. Публикует сообщения о различных изменениях в структуре Академии, сообщения о приемах иностранных делегаций и отдельных ученых, информирует об изучении и преподавании персидского языка в различных странах мира, об издании книг на персидском языке и т. д. В Бюллетене очень подробно освещается работа Академии по вытеснению западноевропейских слов и замене их на персидские эквиваленты. В Бюллетене введен постоянный раздел “Каково ваше предложение?”, в котором публикуются европейские слова, подлежащие замене.

Из сообщений печати известно, что утверждено пятьдесят терминов, но полный список их пока не публиковался.

“Труды Академии” – научный журнал, публикующий статьи не только членов Академии, но и других

(Даже при нормальн

ученых. В статьях затрагиваются различные вопросы фонетики и фонологии, грамматики и лексики персидского языка, относящиеся не только к его современному состоянию, но и к его истории, публикуются статьи, посвященные критическому анализу текстов классической персидской литературы, освещаются вопросы творчества писателей иранского средневековья, публикуются сообщения о научных конференциях и конгрессах за рубежом и посвященных изучению иранских языков и персидской литературы, а также критические статьи на новые книги по иранской филологии. Главным редактором этих изданий является Голамали-йе Хаддад-э Адель, ставший в 1995 г. одновременно и президентом Академии. На наш взгляд, после прихода нового руководителя работа Академии активизировалась.

В октябре 1995 г. меджлис принял решение о запрещении использования западноевропейских слов в государственных учреждениях. В принятом постановлении указывалось, что сделан важный шаг в сохранении чистоты персидского языка. В этом же постановлении говорилось, что решение меджлиса, несомненно, вызовет удовлетворение всех тех, кому небезразлична судьба персидского языка. Ибо этот язык с его тысячелетней историей – один из самых развитых языков Востока и второй язык мусульманского мира. В ходе своего развития персидский язык сберег свою чистоту, сыграв важную роль в укреплении исламской культуры и показав большие потенциальные возможности в создании собственной лексики.

В свете этого постановления роль Академии языка и литературы в изгнании западноевропейских заимствований и замене их на чисто персидские слова значительно повысилась. В этих условиях ведущая роль отводится Отделу по созданию новых слов (Горух-э важегозини ва важесази).

Как всегда, при такой активной деятельности по изгнанию иноязычных слов пытаются исключить из лексического состава персидского языка и широкоупотребительные интернациональные термины. Так, слово КАМПЙУТЭР “компьютер”, замененное на непонятное по своей словообразовательной структуре слово РАЙАНЭ еще второй Академией, пытаются полностью изгнать из употребления и внедрить вместо него искусственно созданное слово. Идут разговоры о возможности замены на чисто персидские слова таких терминов, как ТЭЛЕВИЗИОН “телевизор, телевидение”, ТЭЛЕФОН “телефон”. Что касается арабских заимствований, то их число в современном языке в настоящее время не увеличивается. Резко изменилась отношение к ним со стороны руководства страны и официальных лиц. А вопрос об их неупотреблении и тем более изгнании совсем не ставится. Арабские заимствования иногда даже используются в числе слов и в составе словосочетаний, предлагаемых Академией для замены европеизмов. Своим отношением к арабизмам деятельность третьей Академии существенно отличается от деятельности двух предшествующих Академий, которые стремились заменить не только европеизмы, но и арабские заимствования.

1Более подробно о деятельности этой Академии см. М.С.Каменева. О деятельности двух академий языка Ирана и некоторых инновациях в лексике персидского литературного языка // Развитие языков в странах зарубежного Востока (послевоенный период). М., 1983; Ю.А.Рубинчик. Некоторые особенности формирования и развития лексики современного персидского языка (период до революции 1979 г.) // Там же.

(Даже при нормальн

Дж.Дорри

МОДЕРНИЗМ В НОВЕЙШЕЙ ПЕРСИДСКОЙ ПРОЗЕ

Истоки авангардизма в современной персидской прозе начали проследиваться со времени появления в 1939 году романа “Слепая сова” Садека Хедаята, вызвавшего массу подражаний.

К 60–м годам целая плеяда молодых прозаиков, стремившихся найти новые выразительные средства, успешно восприняла отечественный и мировой опыт литературы модернизма.

В творчестве большинства иранских писателей авангарда характерна намеренная отстраненность от окружающей действительности и от общественных процессов. Критика рассматривала подобное явление в среде Литературной интеллигенции как логичную закономерную реакцию на подавление свободомыслия после переворота 1953 года. Безусловно это не единственное объяснение. Происходила смена поколений. Для молодых было естественным желание отторгнуть себя от слишком социологизированной прозы предыдущего периода, когда взрывы в общественной жизни страны всколыхнули социальное сознание интеллигенции.

В 60–е годы писатели, относившие себя к авангарду, стали объединяться в небольшие литературные группы, чтобы способствовать публикациям своих произведений в различных сборниках и журналах, так, в альманахах “Дафтархайе роузан” (“Тетради проблесков”) и “Андише ва хонар” (“Мысль и творчество”) очень много страниц было представлено молодым авангардистам. Эти небольшие объединения довольно быстро распались, несмотря на то, что они добивались определенного резонанса в литературной жизни. Так было, например, с поэтическим объединением “Новая волна” (“Моудже ноу”) – авторов объединяли не принципиальные подходы в творчестве, а взаимная поддержка в целях облегчения публикаций.

По существу иранская модернистская проза тоже была не школой единомышленников, а своего рода экспериментом в литературе, где каждый выражал себя по–особому. В результате в прозе возникла целая мозаика из эссе, повестей, новелл, крупных произведений, в которых могло быть все – и скрупулезные описания состояния, и удивительные сюрреалистические откровения в среде обыденного, и мистические воображения.

Главное, что было общим для писателей–авангардистов, это особый не общепринятый язык самовыражения и неприятие действительности в ее застойных буржуазных формах. Подвергались критике и достижения культуры современного буржуазного общества. И традиционные формы литературы.

Ряд писателей – Шамим Бахар, Шахрнуш Парсипур, Алиморад Фадаиния – разрабатывали идею чистой непорочной любви и отношений, далеких от понятий реальной жизни. Хамид Садр и Махшид Амиршахи самозабвенно погружались в мир безмятежного детства, где они искали отдохновения от грубой повседневности. Голи Тараки и Модаррес Нараки, наоборот, почти мазохистски описывали муки одиночества и кафкианской растерянности. Герои произведений Мохаммада Айюби находились на грани безумия. А Казема Тина и Амирхосейна Рухи привлекал мир таинственного, мистического.

Одним из наиболее талантливых писателей, появившихся в литературе в конце 60–х и занявших весьма значительное место в иранской прозе новой волны является Хушанг Гольшири.

Писатель родился в 1943 г. в Исфагане и долгие годы преподавал в городах и селах провинции. Литературную деятельность он начал с собирания фольклора этой области (журнал “Пейаме новин”, 1960). Затем он публиковал стихи, но осознав вскоре, что в поэзии он всего лишь подражатель, избрал своим основным направлением в литературе новеллистику.

Несколько первых рассказов он написал в обычной повествовательной манере: “Туннель” (“Дехлиз”), “Птица была только птицей” (“Парандэ факат иск парандэ буд”). Под влиянием творчества некоторых современных французских авторов, Хушанг Гольшири стал искать для себя новые способы художественного выражения и в конце изменил свой литературный почерк.

В конце концов он оказался одним из писателей новой волны, тем, кто в психоанализе видел главный метод литературного отражения. В интервью, данном газете “Аяндеган” писатель отмечал: “Основной задачей для себя в новеллистике я считаю познание человека. И хотя познать человека до конца невозможно, а писателю это и не удастся, он все же, осознавая дистанцию между образом и действительностью, сомневаясь, стремится к этому”¹. Поэтому почти все его рассказы основаны на философском постулате, согласно которому ничто нельзя познать до конца, ни опыт, ни практика, не

(Даже при нормальн

могут в этом помочь.

В 1968 г. появился первый сборник рассказов Гольшири “Как всегда”². Автора занимает монотонность и безликость жизни людей средних слоев в мелких городишках. Его персонажи – люди, для которых весь мир делится на службу и собственный дом, ничто их не интересует и сами они неинтересны, замкнуты. И не необщительны. Скучные развлечения их ограничиваются винным кабачком или примитивным общением с себе подобными. Писатель стремится раскрыть сущность таких типажей, чтобы понять, что является главным в личности вообще и в описываемых примерах в частности.

Уродливые формы модернизации общества и растлевающее слияние низкопробной западной морали, беспокоившие передовую общественность Ирана – тема новеллы “Сквозь плетеную ширму”. Здесь Гольшири делает акцент на приспособленчество, духовно обесценивающее общество, в котором процветает вторгаясь со страниц рекламных журналов и с экранов фальшь называемой “красивой жизнью”.

Рассказ “Ночь сомнений” – самый запутанный по своему психологическому подтексту и одновременно наиболее характерный для авангардистских поисков Гольшири. Во время дружеской попойки три приятеля обсуждают различные версии причин самоубийства некоего господина. Толкование каждого из собеседников отличается от других и подвергается сомнениям его собеседниками. Автор тоже участвует в этой дискуссии, выполняя роль следователя, собирающего и анализирующего все возможные варианты. Этот спор подобен детективному расследованию. Сопоставление точек зрения различных людей на одно и то же событие доказывает, что невозможно воссоздать истину происшествия – описание действительности носит лишь вероятностный характер. Вмешательство же автора требуется для того, чтобы побудить каждого подвергнуть сомнению свою собственную версию. Это не способствует выяснению истины, но позволяет каждому участнику спора раскрыть самого себя. В своей концепции Гольшири следовал за Андре Мальро³, полагавшим, что невозможно познать до конца человеческую сущность, но вопросы, с помощью которых человек пытается раскрыть ее, дают более полное представление о нем самом.

В новелле “Как всегда” рассказчик вспоминает об одном политическом убийстве. Параллельно приводится рассказ о старых супругах, когда-то в прошлом потерявших своего сына. Для собственного душевного равновесия они придумали некую утешительную легенду, притупляя горечь утраты. При этом старик от лица своего сына пишет письма, адресуя их матери, а старуха–мать постоянно их читает. Повествователь в своих мыслях отождествляет себя то с несуществующим сыном этой четы, то с самим стариком. Мысли рассказчика, как круги на воде от заброшенного крючка, расходятся, достигают какого-то непреодолимого барьера и возвращаются к исходной точке, ничего не объясняя. Образная иллюстрация – волны, отражающиеся от края бассейна, поясняет мысль писателя о непознаваемой сущности человека

Размышления о жизни и смерти, являются основой рассказа Гольшири “Нора для голубого песка” (Дахмэи барайе самурэ аби). Он построен в форме внутреннего монолога сумасшедшего учителя. В этом сложном для восприятия рассказе бредовые картины грез переплетаются с реальными событиями. Человек пытается вернуться в мир утраченной гармонии. В рассказе не скрывается влияние на Гольшири новеллы Мирсадеки “К сожалению”, а также Хедаята, отрывки из произведений которых автор искусно вводит в свой текст. Рассказ построен в форме потока сознания героя, для которого любые предметы, попадающие в его поле зрения, служат для усиления настроений страха, ужаса, ощущения безысходности.

Попытка “стать другим”, чтобы ощутить себя как отражение “других” людей, составляет скрытый подтекст в рассказе “Человек в красном галстуке” (Марди ба кеватэ сорх). Это задача главного персонажа – тайного осведомителя, который должен составлять отчет по начальству о некоем господине “С.М.”. Осведомитель, как и полагается лицу его профессии, действует обычным способом – собирает сведения об интересующем его объекте у его соседей и у лавочника. Пытаясь понять образ мыслей преследуемого человека, осведомитель вынужден повторять его действия и постепенно невольно оказывается пленником сомнений и ощущений своего “С.М.”. Кульминацией такого мучительного внедрения оказывается его встреча с “С.М.”, когда объект и субъект меняются местами: наблюдатель показывает свое удостоверение сыщика наблюдаемому, а тот прикрепляет его себе на грудь, и надевает его очки, внешне как бы перевоплощаясь в своего преследователя.

Во всех рассказах этого сборника Гольшири придерживается нового “антиклассического” отношения к повествовательному времени, отказывается от эпического принципа хроникальности, последовательного изложения событий. В чисто модернистской манере писатель расчленяет внешний и внутренний темп повествования, доводит разрыв между повествовательным и реальным временем до антагонизма. Персонажи его рассказов живут не в реальном времени, а в некоем воображаемом, где прошедшее и настоящее сосуществует. Писатель достигает этого, перенося действие в воображение героев, смещая действительно происходящее в область сознания. В результате субъективизма

(Даже при нормальн

восприятия персонажей настолько доминирует над повествованием, что даже в рассказах, где основная роль принадлежит фабуле, объективный ход событий раскрывается в переживаниях персонажей, их внутренний мир заменяет собой описания социальной действительности. Внутренний мир героев Гольшири раскрывается в воспоминаниях и ассоциациях. Прошедшее возникает в уме персонажей каждый раз по-новому, отражая разные грани. Эти грани продвигают вперед повествование, расширяют и углубляют его, потому что в пересказах одного и того же событий каждый раз добавляется какая-то новая деталь. По существу писатель рассказывает одну и ту же историю несколько раз, мысль идет по кругу, как это происходит в сознании героев. В этот хоровод вовлекается читатель, по мере чтения расшифровывая рассказ как сложный кроссворд. Гольшири использовал технические приемы школы потока сознания, и для вариаций содержания произведения. В последовавших за сборником « Как всегда » рассказах более позднего периода, Гольшири расширил круг проблем, связанных с анализом внутреннего мира человека. Поиски своего «Я», своего способа художественного выражения он продолжил и в повести «Принц Энтеджаб»⁴. Это блестящее произведение привлекло к себе очень большое внимание литературных кругов в Иране. Благодаря ему имя Гольшири стало чрезвычайно популярным.

Повесть представляет историю трех поколений семьи наследных принцев династии Каджаров. Это воспоминание умирающего, одряхлевшего старика последнего отпрыска рода – признаками явного вырождения. Герой проводит свою последнюю в жизни ночь перед портретами предков, мысленно беседуя с каждым по очереди, вызывая их призраки из прошлого. Анализируя свою собственную жизнь, он пытается оценить себя через призму восприятия своей умершей жены, являющейся ему в его воображении. Во всех его грезах–воспоминаниях она оказывается отстраненным комментатором событий, помогая понять их подоплеку и разобраться в сложных перепитиях семейных отношений. Явившись к нему в его последнюю ночь, она когда-то самый близкий для него человек, целиком овладевает его воображением. Она заводит принадлежавшие его предкам часы, которые своим тиканием, отсчитывающим его последние минуты, пробуждают поток воспоминаний. Перед ним возникают образы деда, его жены и детей с их кровосмесительными связями, с их преступными делами, губившими людей, жен, слуг. И если грубая сила деда – первого представителя земельно–феодалной аристократии – была подкреплена сознанием его собственной исключительности, то следующее поколение утверждало себя в подчинении – на военной службе у пришедшей к власти династии Пехлеви, демонстрируя еще большую жестокость к подчиненным уже на современный лад. Теперь его отец мог отдать приказ уничтожить целую улицу под гусеницами танков и броневиков. Последние же отпрыски рода, которым теперь приходится иметь дело уже с представляющим определенную общественно–политическую силу народом, стали изощренными в своей жестокости и подлости.

В повести нет прямой критики общественных и социальных отношений, народ присутствует здесь лишь косвенно, в восприятиях персонажей. Автора волнует больше моральное разложение и, как следствие, – упадок культуры отживающего свой век аристократии. Пафос Гольшири устремлен не на выявление идеологических предпосылок социальных сдвигов в обществе, а на психологический анализ личности.

Повествование выливается в рассказ о гибели целого класса. Перед героем периодически возникает его бывший слуга с известием об очередной смерти кого–нибудь из его родственников. Принц в конце концов оказался единственным обладателем наследных богатств, но не умея приспособиться к нормам современной действительности, постепенно промотал все накопленное его предками, уступая нуворишам и торговцам. Наследственная болезнь приблизила его физический и нравственный конец. Усилия осмыслить свою жизнь не дают результата и бывший слуга в последний раз является, чтобы сообщить ему о его же смерти.

Эпизоды субъективного, частного порядка в повести Гольшири несомненно имеют значение социальных обобщений. Монархические принципы, господствовавшие во всех явлениях общественной жизни Ирана конца 19–го – начала 20–го века, писатель усматривал и в современном мире. Действие повести пронизано атмосферой страха и насилия, свойственной как эпохе Каджаров, так и периоду военно–политической диктатуры последнего шаха. Поэтов автор ввел в канву исторического повествования эпизоды современной политической жизни – прием, художественно оправданный и убедительный.

Смерть принца, пораженного неизлечимой болезнью, символизирует основную идею произведения – идею неизбежной гибели монархии как режима без будущего. Чтобы усилить картину разложения монархического строя, автор использовал также подробные, натуралистические описания, порой чрезмерное внимание уделяя даже патологическим явлениям.

Здесь в повести Гольшири нет сюжета в общепринятом смысле этого слова, почти полностью размыты хронологические рамки повествования. Обобщая эти факторы, будет справедливым сказать,

(Даже при нормальн

что повесть Гольшири можно отнести к разряду "экспериментальной" литературы.

Через несколько лет после этой публикации Гольшири в 1971 г. издал роман "Кристина и Кид"⁵ – произведение, намного более слабое, чем предыдущее. Автор ставил перед собой чисто формальные цели: найти технические приемы для создания новой формы "романа в романе". "Кристина и Кид" оказался своего рода экспериментом, в который он включил сам процесс написания романа.

Это любовная история в семи частях, напоминающая рассказ о семи днях творения из священного писания, эпитафия из которого предваряют каждую часть романа. Главным персонажем в этой истории является молодая англичанка Кристина, приехавшая с мужем и детьми в Исфахан. Автор является одновременно и свидетелем возникновения любовного треугольника, и другом героини, к которой он тоже испытывает влечение, и писателем, для которого любовная ситуация вокруг Кристины является материалом для романа. Писатель сравнивает назначение женщины с ролью пешки на шахматной доске; она обречена в жизни на проигрыш, если ею не движет глубокое чувство.

Новаторство Гольшири, в повести "Принц Эхтеджаб" было, несомненно, его творческой удачей. В романе "Кристина и Кид" стремление к новаторству более похоже на подражательность, вместо внутренней слаженности предыдущей повести читатель здесь сталкивается с надуманным усложнением сюжета. Многочисленные повторы искусственно удлиняют роман, оставляя впечатление рыхлой композиционной структуры из несвязанных друг с другом частей.

В 1975 г. вышел новый сборник рассказов Гольшири под названием "Мой маленький молитвенный домик"⁶. В рассказах этого сборника – "Китайский болванчик", "Фотография для пустой рамки", "Двое на монете" мысли Гольшири о необходимости самопознания преломляются в восприятии людей, являющихся политическими заключенными.

В рассказе "Китайский болванчик" ("Арусаке чини") вокруг разбитой игрушки – своеобразного символа разбитой жизни девочки – завязывается сюжет, в котором игры ребенка с куклой являются моделью трагических жизненных ситуаций и раскрываются характеры персонажей.

В четырех не связанных единым сюжетом частях повести "Непорочные"⁷ и в повести "Потерянная овца Раи"⁸ Гольшири обращается к мифологии древнего Востока. Выделяя в ней элементы сверхъестественного, он добивается эффекта "заострения". Мифологический материал необходим автору, чтобы описать общество, где скрытой пружиной отношений является чувство страха.

Рассказ о жизни деревенских персонажей в первой части повести "Непорочные" ведется от имени учителя. Этот рассказчик присутствует во многих произведениях Гольшири. Среди простого люда деревни происходят непонятные вещи: жители сотворили некую куклу, нечто вроде голема, который подпитываемый страхом людей, достигает необыкновенных размеров. Этот метафорический голем, шаги которого не дают покоя даже не верящим в него, подспудно проникает во все поры жизни крестьян. Угнетаемые неосознанным страхом люди начинают даже приносить ему жертвы, раскапывая для этого могилы. Мистическая основа рассказа необходима автору, чтобы взбудоражить ум читателя игрой воображения: физически голем как будто бы и не может присутствовать среди персонажей повести, но он, тем не менее, становится неотъемлемой частью их жизни, тем фактом, который трансформирует их сознание, он – почти реальность, с которой невозможно не считаться. Смысловая символика Гольшири подразумевает влияние сознания на людей мистики, В четвертой части этой повести какой-либо подтекст уже отсутствует, а просто рассказывается о человеке с расстроенной психикой, которому некие воображаемые силы мешают вернуться к осмысленному существованию,

Во втором рассказе из этой повести действующее лицо – благочестивый крестьянин, стремящийся найти предмет поклонения, например, надгробие какого-либо святого ("Имам-задэ"). С этой целью он убивает случайного безобидного божьего странника. Однако, его поступок результат явно смещенного сознания, заставляет его терзаться, глубоко и искренне раскаиваться о содеянном преступлении. Весь рассказ выдержан в форме внутреннего монолога, обращенного к убитому. Гольшири использует символику традиционного мифологического шаблона, чтобы обнажить подоплеку непорочных в общепринятом понимании, но далеко не невинных многих людских свершений.

В третьей новелле повести "Непорочные" – мир мифологии с ностальгическим оттенком по героическому прошлому. Описываются события, в центре которых некий древний мастер по керамике. Образ мастера как мозаика складывается из впечатлений разных людей и из видений рассказчика.

(Даже при нормальн

Они ассоциируются с подвигами Фархада из "Пятерицы" Низами. Рассказ одновременно насыщен характерными жанровыми картинками из жизни народа, возвращающими читателя в мир бытовой повседневности.

В рассказе "Ей богу, я не проститутка" ("Бэ хода фахэше нистам") (1976 г.) Гольшири попытался раскрыть сложные отношения современной иранской интеллигенции с структурами государственной власти. Эти отношения менялись; в своих идейных устремлениях интеллигенция надеялась на прогрессивные изменения в обществе и испытала полное крушение своих надежд после поражения прогрессивного движения в 1953 г. Рассказ Гольшири построен на спорах, беседах, обмене мнениями во время встречи в гостях людей среднего сословия. Они живут в достатке и благополучии: нефтяной бум помог им. Некоторые из них оказались на государственной службе и добились высоких постов. Тема рассказа – утрата идейной потенции интеллигенцией под влиянием реакции в стране, эта тема задела многих иранских писателей. Об этом же писали Тонкабони ("Скрытое обаяние мелкой буржуазии", 1977), Мирсадеки ("Люстра", 1977), Бахман Фареси ("Первая ночь, вторая ночь", 1974). Характерно, что персонажи этих писателей, хотя авторы и не подражали друг–другу, совершенно аналогично ведут себя в современной жизни: их мучает сознание своей зависимости и утраты своих идеалов. Гольшири нашел образ, выражающий смысл трагического исхода поколения: это люди, стоящие на коленях.

В 80–х годах Хушанг Гольшири опубликовал еще несколько произведений. Повесть "Кунсткамера"⁹, Гольшири изначально задумал как сценарий (1974), С первых же строк читатель невольно ощущает себя незримым и активным участником происходящего в повести. Это ощущение вызывается тем, что автор филигранно, в малейших деталях фиксирует переживания своих персонажей, любые нюансы их чувств. И это в динамике очень современного, оригинального острого сюжета. По ходу действия возникает своеобразный сиюминутный любовный треугольник, в котором сексуальные переживания находятся на зыбкой грани эротических вывертов. При этом кажется невероятной и несовместимостью действующих лиц, и предвечернее время суток – слишком зыбкое, как бы расплывающееся в обычной, реальной жизни. И здесь же реминисценции политического характера вторгаются в переживания героев. Во всей этой сюжетной многоплановости автор соблюдает тонкую грань между дозволенным и недозволенным, сохраняя цельность серьезного, полновесного произведения. Он как бы подманивает читателя всезахватывающей современной темой секса и политики. Но это оказывается тонкой игрой, он и не думает ничего обнажать, оставляя место недосказанности, И поэтому вся повесть, передать содержание которой практически невозможно, воспринимается как игра ума мастера – автор, неуловимо завладевший вниманием заинтересованного читателя, вовлек его в свою игру и выставил его прочь, оставив удивляться, сколь далек и одновременно понятен этот мир взбалмошных людей, которых связывает с ним и время жизни, и одно и то же место на земле, и необходимость осознавать себя членами единого общества.

В 1990–м году Х.Гольшири издает "Рассказ о повешенном всаднике, который еще должен появиться" и "Заблудшая овечка Раи". Первый рассказ – это короткое поэтическое предание по смыслу и нечто среднее между историко–философским эссе и небольшой повестью по форме. Произведение было опубликовано в Тегеране в 1979 году, но не привлекло в свое время внимания критики.

"Заблудшая овечка Раи" – это первая часть трехтомного романа, остальные тома которого еще не изданы. Судьба этого произведения тоже не слишком проста: после долгого пребывания в цензурном комитете этот том романа, только появившись в печати, был моментально распродан, а следующее издание его уже было запрещено. Но в 1990 г. его переиздали в Стокгольме. Оба произведения Гольшири внешне не имеющие общего, по духу своему очень близки друг другу.

В первом рассказе даны философские обобщения исторического развития целого региона. Во втором – может показаться, что описывается какой–то случай, конкретная жизнь конкретного человека, как бы запечатленная в стоп–кадре. Но при более вдумчивом прочтении читатель сквозь призму частного восприятия пастуха, поводыря, проповедника, видит желание помочь заблудшему, потерявшемуся в сложном современном мире человеку найти смысл собственной жизни.

Гольшири пишет о трагической утрате духовности человеке Роман "Заблудшая овечка Раи" состоит из четырех больших глав, в которых прослеживается изменение личности главного героя – преподавателя по имени Раи. Автор описывает переживания человека, пытающегося познать себя, оценить свою жизнь, проанализировать причины своих неудач. Психологический анализ действий, поведения этого персонажа очень убедителен, с каждой новой главой романа перед читателем раскрываются новые качества его души, создается яркий, конкретный, законченный образ.

Все, что описано в первой главе романа, происходит в уме Раи. Его мысли, чувства, надежды, страхи, воспоминания возникают, переплетаются, пропадают в бесконечном потоке сознания, захлестнувшем героя во время его ночного бдения. Его мучает одиночество, он надеется найти покой в семье, сознает тщетность этих надежд. Автор переносит акцент на любовные переживания Раи, с помощью

(Даже при нормальн

метафоры связывая их с идейным крахом своего поколения.

Раи в школе читает своим ученикам древний трактат Шейха Бадр эд–дина. Любовные пережитки его героя сравниваются со смятением в душе Раи. Обуревающие его страсти несовместимы с различными табу в современной жизни. Раи мысленно ищет выход в традиционных запретах Востока, определявших правила поведения людей. Жизнь Шейха Бадр эд–дина для героя повести является аллегорией, помогающей понять причину душевных метаний современной жизни.

В третьей части романа описывается встреча друзей в кафе – ситуация, аналогичная той, которая происходит в предыдущем рассказе Гольшири "Ей–богу, я не проститутка". Это еще одна иллюстрация темы духовного разлада современных интеллигентов.

В целом роман "Потерянная овца Раи" воспринимается как метафора, потерянная овца – это потерянная душа героя. Усложненная ассоциативность в этом произведении Гольшири соотносится со знаменитым романом Кафки "Замок", хотя сам писатель предупреждал, что прямой зависимости между ними нет.

В 1989г, в Швеции в издательстве "Араш" опубликован новый сборник Х.Гольшири под названием "Пять кладов"¹⁰, в который включено пять рассказов. В кратком предисловии, от издательства сообщается, что в Иране зачастую не печатаются вполне достойные произведения не только по цензурным соображениям, но и потому, что издатели опасаются понести убытки из–за нераспроданных тиражей. Поэтому в издательство многие рукописи попадают неофициальным путем. К ним, в частности, относятся произведения Х.Гольшири.

Творческая манера Гольшири не была одинаковой на протяжении многих лет, и его постигали неудачи. Однако в своих наиболее выдающихся произведениях он доказал свою состоятельность как прекрасный мастер прозы. Он стал одним из ведущих писателей, если не главой направления, то по крайней мере, автором, которому подражали многие молодые, избравшие для себя авангардистское направление.

Одним из ведущих представителей модернизма в Иране является Исмаил Фасих. Его перу принадлежат свыше двадцати произведений. Сама фамилия писателя – по персидски обозначает "сладкозвучный", что вполне соответствует основной тональности его творчества.

Будущий писатель родился в 1935 году в Тегеране. После окончания школы в 1952 году, он отправляется в США и в штате Монтана получает диплом инженера–химика. Затем Фасих переезжает в Сан–Франциско, женится на девушке из Европы, а через год, вернувшись в штат Монтана, получает в городе Мизула уже диплом филолога, специалиста в области английского языка и литературы.

После трагической смерти жены, Фасих возвращается в Тегеран и работает переводчиком в издательстве "Франклин" и в Нефтяном консорциуме Ирана. В эти годы он познакомился с такими известными иранскими писателями, как Садек Чубак, Голамхосейн Саэди, Махшид Амиршахи и другими. В 1963 году по рекомендации Садека Чубака, работавшего а те годы в Нефтяном консорциуме, Фасих официально становится сотрудником этой организации, переезжает в город Абадан и начинает заниматься преподаванием в Технологическом институте. Здесь он пробует себя в литературном творчестве.

Первый роман И.Фасиха "Молодое вино" ("Шарабэ хам") был напечатан в издательстве "Франклин" в 1968 году под редакцией писателя Бахмана Фареси. В это время Фасих был снова в США, где получил в Мичиганском университете звание магистра английской литературы и языка.

Склонность к литературному труду у себя на родине проявилось у И.Фасиха не сразу, а после нескольких лет преподавательской и инженерной работы. Накопленный груз наблюдений и переживаний уже в тридцатилетнем возрасте, явился естественным подспорьем, которое он использовал в своем первом литературном опыте. Писатель наиболее полно отразил судьбы "потерянного поколения" 60–70–х годов. Целая серия его романов, повестей и рассказов посвящена нескольким поколениям некоей семьи Ариан, жизнь представителей которой прослеживается на протяжении полувека. В каждом его произведении главным действующим лицом является какой–либо один из членов этого семейства.

Для стиля Фасиха характерны скрупулезные, иногда почти натуралистические описания. Писатель придает, возможно, чрезмерное значение подробностям, отвлекающим внимание от основной линии действия. И тем не менее, целостность в восприятии жизни и судеб современников не нарушается в его многочисленных произведениях, объединенных общей идеей.

Сборник рассказов 1970 года "Знакомая земля"¹¹ является своеобразным предисловием к романам "Молодое вино"¹² и "Слепое сердце"¹³. Рассказы сборника знакомят читателя с родоначальником семьи Ариан. В сюжеты большинства из них автор вводит различные детективные истории, что несколько нарушает композиционную целостность рассказа. И тем не менее, дополнения к основной сюжетной линии этой саги о роде Ариана являются закономерным явлением, они характерны для данного жанра.

(Даже при нормальн

Роман "Сорайа в коме"¹⁴ выдержал четыре издания на персидском языке и одно на английском в течение всего лишь одного года. И на этот раз автор обратился к событиям, свидетелем и отчасти участником которых он был. Это война с Ираком, разрушенные города, народ, спасающийся от смерти, эмигранты, покидающие страну, парижская диаспора с ее внутренними раздорами, с ностальгическим лицемерием занимающаяся лишь пустословием. Основная идея романа заключена в метафоре названия: Сорайа (по-персидски это "звезда") – иранская девушка, попавшая в Париже в беду, лежащая в госпитале в коматозном состоянии, кажется символом общества иранских эмигрантов, которые все глубже погружаются в кому безделия и никчемности.

Персонажи, которые описываются автором с почти кинематографической детализацией, это как правило обобщенные образы. Это разного рода типы, за каждым ясно просматривается характерная для него судьба. Например, старик-крестьянин в отчаянии охвативший худыми натруженными руками седую голову, сидящий рядом с горой лука из опрокинутой повозки на краю дороги, по которой с трудом тысячи беженцев пробираются в сторону турецкой границы. За спинами этих людей – война, когда-то процветавший город, теперь до основания снесенный бомбами, брошенные и разрушенные дома, впереди – издевательства турецких чиновников на границе и неизвестность. Это родина в беде, в коме.

И другой, противоположный план – парижские эмигранты, напивающиеся в кафе, разглагольствующие в полупьяном бреду о древней культуре Ирана и представляющие на самом деле лишь осколки общества, когда-то составлявшего основу интеллигенции страны. Это тоже символ. И еще один образ – юноша, не теряющий надежды на выздоровление юной Сорайи и каждый день приносящий к ее постели свежие цветы. Очень понятные и близкие всем читателям чувства переплелись в этом романе – боль, страдания, надежда на избавление. Чувства в самом высоком их понимании, в желании добра многострадальному народу, поэтому роман не мог быть не принят обществом с благодарностью. Символика романа без труда раскрывалась любым иранским читателем, тем более, что такой прием символического акцента был что называется в крови людей, воспитанных на образцах древней культуры с ее традиционной символикой.

Еще одним ярким произведением Исмаила Фасиха по мнению всех иранских критиков является роман "Зима 1983 года"¹⁵ – эпическое повествование о годах ирано-иракской войны, увиденной и пережитой самим автором. Внешне сюжет романа не выходит за рамки рассказа о драматических злоключениях военного времени постоянного героя Фасиха – Джалала Ариана и семьи его близкого друга. Попутно рассказывается и о бюрократических трудностях, с которыми сталкиваются герои, включающиеся в работу в военных организациях. Основные действия в романе происходят на юге Ирана, в Ахвазе, который подвергается постоянно бомбардировкам и разрушается на глазах героев. Ужасы войны, бедствия людей, ежечасно теряющих близких, сцены мародерства и смерти, раздираемое противоречивыми устремлениями общество, молодые люди, вдруг решившие, что война – это благодарная цель в их жизни, очерстевшие души, привыкшие к сценам смерти, жестокость, конъюнктурщики, воспользовавшиеся исламским революционным пафосом для сведения счетов с шахской бюрократией – это все наполняет роман смыслом страшного бытия, принимая очертания катастрофического действия как на картинах И.Босха. И с другой стороны –простые человеческие отношения между главными персонажами, вписанными в почти бытовую сюжетную канву.

Текстовая структура романа состоит наполовину из живых, остроумных диалогов, имеющих к тому же неоднозначный смысл. В свое время подтекст этих диалогов, подразумевавших разного рода политические намеки, показался слишком смелым для цензуры, которая не позволила издать роман вторым тиражом.

Последний роман Исмаила Фасиха, опубликованный в 1994 году, называется "Старое вино". На этот раз Фасих обратился к своего рода мистическим реминисценциям из области суфийской символики. В основе сюжета романа современная любовная история: герой (врач кардиолог), приехав на новое место работы, знакомится и влюбляется в женщину, муж которой погиб несколько лет назад во время ирано-иракской войны. Любовные отношения героя (его зовут Адамят – по-персидски это имя

(Даже при нормальн

означает "гуманность, человечность") с его подругой (Пари Камал) по ее настоянию сопровождаются изучением суфийских трактатов, посвященных поискам истины. Адамият, ранее неверующий человек, увлечен пафосом мифических толкований суфизма о духовных устремлениях к богу. Писатель сравнивает постепенное проникновение в смысл этого религиозного учения с наслаждением от вкуса старого вина, которое по каплям пьют герои–любовники.

Сюжет в романе развивается по двум линиям – в реальные события вписываются сюрреалистические, как то: герой, пытаясь найти свою подругу в тех местах, где они совсем недавно были, узнает, что их дом, оказывается, уже много лет назад был снесен с лица земли, что соседи говорят о Пари Камал как о давно умершей женщине... Ему указывают на кладбище, где она похоронена – и он обнаруживает там могильный камень, на котором написаны ее имя и давно прошедший год смерти. Затем он видит такой же могильный камень и со своим именем, датой рождения и датой смерти, обозначающей день, когда он познакомился со своей подругой. Он не может найти ни одного человека, который был бы свидетелем их бракосочетания, которое на самом деле было всего пару недель назад: мулла, который их венчал, исчез... Возвращаясь в клинику, где он работает и где познакомился с Пари Камал, он встречает другую девушку, похожую на его подругу и замечает на ней точно такое же ожерелье, какое он подарил своей возлюбленной...

На этом завершается действие романа, это открытое окончание – автор оставляет читателю возможность растолковать мистические события по–своему, придумывать свой конец. Символическое значение вина в суфийском толковании означало путь любовного познания. Слова, которыми напутствует героя автор – "мысли должны быть добрые" – звучат в конце романа как еще одна тайна, в которую надо проникнуть.

К авангардистскому направлению в литературе можно отнести писателя, переводчика, поэта и критика Махмуда Киянуша, родившегося в 1934 году в Мешхеде. Литературную деятельность начал в 1958 году, печатаясь в журнале "Садаф". В 1964 году вышла повесть "Занятый человек", имеющая характер мифологии с аллегорически подтекстом. В сборнике "Грусть и сказание" (1965) Киянуш рассказал о своих детских воспоминаниях. В 1966 году он опубликовал сборник "Там никого не было", а в 1970 году – "Черные зеркала". Следующие сборники рассказов писателя "С сороковой ступеньки" (1977), "Слово и молчание" (1978). Киянуш – автор нескольких литературоведческих работ: "Обзор современной персидской поэзии и прозы" (1972), "Детская поэзия в Иране" (1973), "Предшественники и литературная критика", (1975), "Поэзия, совершенство и красота" (1990), "От Кейкавуса до Кейхосроу" (1993).

После революции 1979 г. Махмуд Киянуш продолжает жить в эмиграции, в Лондоне. В 1990 году он опубликовал роман "Ныряльщик и рыба"¹⁶. Композиционно это произведение выдержано в духе занимательной истории о поиске главным персонажем своего друга юности. Почти с первых страниц читателя увлекает несколько загадочный сюжет, налет детективности, непонятная цель поисков героя. По мере развития действия ощущается, что за внешней неприхотливостью этого сюжета должна скрываться какая–то разгадка.

Писателю удаются разного рода стилистические приемы, благодаря которым роман, по признанию критиков, оказывается очень интересным. Не нарушая логической стройности сюжетной линии, действие развивается последовательно, попутно обрастая колоритными зарисовками современной жизни Ирана. Автор заставляет читателя задуматься: в чем же все–таки смысл довольно банальной истории о юноше, пресытившемся богатством и комфортом в доме отца, покинувшем его, и после многих лет, проведенных за границей, возвратившемся в родной дом. Кажется, что конец этой истории должен разрешиться чем–то, что объяснит, что же хотел нам преподнести автор. Но – нет ничего: тот, кого искали, устроил свою жизнь по общепринятому, среднему стандарту, не воспользовавшись привилегиями наследственного богатства. А вся смысловая недосказанность заключена в сопоставлении двух персонажей романа – того, кто искал с тем, кого искали. Именно это подразумевается в названии романа: "Ныряльщик, охотящийся за рыбой и его ускользающая, уплывающая добыча". Человек, пытающийся сбросить бремя условностей, ограничивающих его свободу, заставляющих его страдать от давления общественных норм, находит свободу внутреннего ощущения, свою экологическую нишу внутри того общества, из которого он убежал. Диалог двух персонажей, близких по духу друг другу, начинавших свой жизненный опыт вместе и прошедших свой путь каждый по–своему, обнаруживает, что они пришли к одному: каждый видит себя в другом так, как если бы он был отражением его.

Один из известнейших авторов модернистского направления – писательница Шахрнуш Парсипур (род. 1947г.), приобрела популярность уже после издания своего первого романа "Собака и долгая зима"¹⁷. Во всех ее произведениях присутствует в качестве главного персонажа девушка, отличающаяся от окружающих своей отчужденностью, болезненным восприятием, неудовлетворенностью. Ее тянет лишь к природе или кладбищенским камням – такова она в рассказе "Хрустальные подвески"

(Даже при нормальн

("Авизэхайе болур"). Мистические, ирреальные образы, мучительное погружению в грезу характерны для рассказов Парсипур. В рассказе "Голубая весна Катманду" ("Бахарэ абийе Катманду") автор намеренно уводит читателя от действительности, чтобы опозитизировать героиню, погруженную в мир горестных воспоминаний, замкнувшуюся в своих переживаниях. Мысленно она отправляется в какой-то мистический путь, где ее сопровождают страхи, ужасы, контакты с древними мертвецами. Для нее это способ отстраниться от действительности, отвратительной с ее точки зрения.

В этих рассказах внимание героини к неприглядным сторонам действительности приводит ее к мучительным поискам душевных сил, чтобы уйти от них. Писательница усиливает значение абстрактно-поэтических размышлений и сюрреалистических образов, выделяя рассуждения на мистические темы.

Сюжеты рассказов Парсипур, изданных в литературных альманахах начиная с 1968 года и собранных затем в сборнике "Хрустальные подвески"¹⁸, вошли в ее основные романы "Свободные опыты"¹⁹ и "Собака и долгая зима".

Ее роман "Собака и долгая зима", вопреки настойчиво проводимой Парсипур идеи ухода от социальных проблем жизни, оказался наиболее "социальным" из всего ее творчества.

Героиня романа – молодая женщина Хури, отстраненно и скептически наблюдающая за происходящим вокруг. Начинаются ее наблюдения с собрания жительниц городского квартала, оплакивающих смерть брата Хури –Хосейна. Перед мысленным взором девушки проходят события, связавшую ее с Хосейном и перевернувшие ее мирную жизнь. Вернувшийся домой из заключения Хосейн столкнулся с неожиданным для себя фактом: идеалы, за которые умирали в тюрьмах его единомышленники и друзья, в этой жизни разбогатевших на нефтедобычи обывателей никого не трогают. В романе представлен целый спектр современных иранских типов – это и кликушествующие фанатички, тупые реакционеры, занимающиеся якобы политикой, старухи, приверженные феодальным семейным принципам и резонерствующие деспоты – отцы семейства. Все они поглощены лишь одним – наживой, стяжательством.

Хосейн и Хури – представители молодого поколения, они прежде всего хотели бы не уподобляться окружающим, не слиться с ними в этом мире беспринципности. Но здесь автор подспудно, незаметно поднимает вопрос о правомочности моральных претензий молодых, если они сами руководствуются идеалами предшественников. Писательница сравнивает личность Хосейна с портретом в запыленной раме, неким идеальным образом, запечатленным на полотне.

Хосейн, осознавший бесцельность своих идейных устремлений, переживает потрясение, комплекс мучительных противоречий с жизнью и память о жертвах в тюремных застенках доводит его почти до безумия. Сломленный отчаянием он подчиняется повседневности, теряет веру в идеалы, теряет семью, свою любовь, опускается, кончает бродяжничеством.

По мысли писательницы человек, подобных Хосейну, терпит в жизни поражение, потому что он руководствуется эмоциями, а не целенаправленным познанием.

Падение и затем смерть Хосейна тяжких грузом легли на душу его сестры. Переживания наложили отпечаток на ее внешний облик, повлияли на ее духовную жизнь.

Во второй части романа сюрреалистические наваждения героини превалируют в ее жизни. После любовной драмы и трагедии смерти Хури остается одна, опустошенная и измученная. Переживания за узников тюрьмы, с которыми сидел ее брат, переплетаются с сюрреалистическими видениями одетых в саваны людей. Хури воспринимает их как заложников в ее судьбе. Состояние героини Парсипур напоминает какое-то полубезумие, писательница снова и снова возвращается к мистическим картинам в воображении Хури, к жестоким образам, вторгающимся в сознание девушки.

В целом художественные средства в романе – это те средства, которые характерны для литературы декаденса, упадка духа, неприятия позитивных начал жизни, болезненного восприятия. Использование таких средств, расплывчатость сюжетной линии романа были в конечном счете предопределены его авангардистской установкой.

После длительного молчания Шахрнуш Парсипур в 1984г. издала нашумевший в Иране и за его пределами роман под названием "Туба и сущность ночи" уже в 1989 году²⁰ вышло третье издание романа. Туба – это название райского дерева и одновременно имя героини романа, которая пытается найти истину, понять сущность жизни и тайну потустороннего мира. Это проникновенное повествование о взлетах и падениях, о многочисленных и странных перепитиях в жизни женщины. События, сопровождающиеся различного рода таинственными перевоплощениями, появлениями из небытия некоторых персонажей и возвращением их во мрак неизвестности. Для понимания смысла описываемого требуется знакомство с древневосточным культурным наследием и философскими постулатами религиозных учений. Фоном этого длинного повествования являются реальные исторические события в Иране в 20-ом веке – начиная от революционного движения 1905–1911 годов и приведшие к столкновению вторгшейся с Запада европейской цивилизации с традиционным

(Даже при нормальн

образом мыслей и жизни иранцев. Время завершения действия романа – это события в стране, предшествовавшие революции 1979 г. В жизни героини, как в зеркале отражается все, что происходит во внешнем мире, свидетелем чего она оказывается. В целом это удивительная смесь реального и придуманного в действительном времени и вневременного.

Язык и стиль романа Парсипур, его композиционное построение дают богато почву для литературоведческого разбора. Иранские критики прежде всего отметили сходство его с "магической прозой" Г.Г.Маркеса и других приверженцев этого стиля, но более всего – с "Слепой совой" С.Хедаята. Многоплановая эпопея охватывает целую череду реальных и мифических событий и лиц, каждое из которых имеет неоднозначный смысл и философский подтекст. Традиционная иранская усложненная символика является постоянным компонентом в ряду художественных средств, которыми пользуется автор. Это, к сожалению, чрезвычайно затрудняет понимание и так перегруженного описаниями и событиями произведения.

Аббас Маруфи (р. в 1958г.) принадлежит к третьему поколению иранских прозаиков новой прозы. Его роман "Симфония мертвецов"²¹ – столь значительное явление в новейшей персидской литературе, получившее невероятно широкий отклик и в критике, и в читательской среде, что несомненно, его можно отнести в ряд произведений, являющихся своеобразной классикой авангарда. Кроме этого романа им опубликованы два сборника рассказов: "Лицом к солнцу" ("Рубэруйе афтаб") и "Последнее наилучшее поколение" ("Ахэрин насле бартар", 1991 г.), несколько пьес. В последние годы был издан его роман под названием "Год смуты" ("Сале балва") и два сборника рассказов: "Запах жасмина" ("Атрэ жасмин") и "Сангсарские рассказы" ("Афсанэхайе Сангсар"), Активная литературная деятельность и выходящие из-под пера произведения говорят о том, что удача романа "Симфония мертвецов" не была случайной.

В новом романе автор стремился имитировать структуру симфонического произведения в пяти частях, обозначив их буквами: А,Д,С,В,А, т.е. первая и последняя части обрамляют основное действие. Эти расставленные не по порядку буквы передают расположение разделов романа, переключающих внимание читателей на разновременные события.

События, к которым относится действие, разворачиваются в течение более сорока лет до и после второй мировой войны, о чем, однако, читатель может лишь догадываться, Рассказ же о них заключен в рамки одних суток: роман начинается с того, что Урхан, обуреваемый желанием убить брата, отправляется ночью в какую-то загородную кофейню, а завершается его смертью на следующий день. Все прошлые драматические события, пережитые различными персонажами романа, преломляются в их сознании в разных аспектах и, соответственно, описываются каждым по своему.

В целом все части романа, обрамлены первой и последней главами, в которых главным действующим лицом является Урхан. Время трансформируется в потоке сознания героев, смещается, единая цель событий распадается на отдельные куски, каждый из которых является отражением какого-то периода их жизни.

Тема романа – история бедной семьи из провинциального городка Ардебиля. Глава семьи Джабер Урхан – мелкий базарный торговец. В семье четверо детей: три сына и одна дочь. Старший сын Юсеф с детства парализован. Другой сын Айдин, склонный к поэзии и искусствам, много читающий, в глазах отца чужак, отщепенец в семье. Урхан его антипод, человек грубый, жестокий, во всем похожий на отца. Он поглощен коммерцией, предел его мечтаний – увидеть свое имя на вывеске лавчонки, в которой торгуют семечками. Единственная девочка в семье Айда – двойняшка Айдина по свнажей, евным устремлениям близка к брату и потому отец относится к ней как к пустому месту. Все детские годы Айда страдала от отсутствия родительской ласки и понимания.

Маруфи начинает свой роман с легенды, (вошедшей в Коран) о Каине и Авеле и таким образом подготавливает читателя к истории братоубийства. Эта история вместе с повествованием о жизни всей семьи построена на отдельных монологах персонажей, которые перемежаются авторским рассказом о событиях, приведших их участников к драме. История семьи сплетена из отрывков, зарисовок, монологов, комментариев действующих лиц. Первенец Юсеф, в раннем детстве играл в парашютиста, упал с крыши, стал калекой и оказался тяжелым бременем для семьи. В отдельных монологах воссоздаются картины детства Урхана, Айдина и Айды, повествуется о жестокостях отца, сжегшего книги Айдина и изгнавшего сына из дома, о замужестве Айды, закончившемся ее самоубийством, временной женитьбе Урхана и его разводе; все эти отрывки, собранные вместе, отражают главную трагическую историю Айдина и Урхана.

Основная тема "Симфонии мертвецов" – противоборство двух антагонистических натур, Айдина и Урхана, отразившее библейскую драму Каина и Авеля.

Каждая "музыкальная" часть романа имеет "лейтмотив", связанный с одним из героев книги.

Первая часть романа посвящена Урхану, охваченному неодолимым желанием убить Айдина. Это нечто вроде экспозиции книги.

(Даже при нормальн

Основная вторая часть состоит из пятнадцати глав. Здесь рассказывается об Айдине, а также отчасти излагается история семейства.

Третья часть написана как воображаемые воспоминания покойной жены Айдина, Сурмелины. Смятение этой женщины, вовлеченной в круговорот событий семьи мужа, ее обостренное восприятие окружающего придает еще больший драматизм отношениям персонажей. С резкой отчетливостью в монологах Сурмелины вырисовываются внутренние побуждения героев.

Четвертая глава – повествование от имени Айдина. Здесь рассказывается о его отношениях с женой и с братом Урханом. Это рассказ человека, переживающего острый кризис, доведенного почти до безумия. Только в следующей части романа, посвященной снова Урхану, становится очевидным, что Айдина довели до такого состояния намеренные действия брата, постепенно отравлявшего его небольшими дозами какого-то зелья. Но и об этом говорится как-то в полнамека, вскользь в промелькнувших мыслях Урхана.

Последняя часть романа возвращает читателя к началу первой главы. Злодей – Урхан, проводящий зимнюю ночь в каком-то хлеву, в плену кошмаров и мук не до конца утраченной совести, вспоминает и об убийстве старшего брата–калеки, и о самоубийстве сестры, к которому Урхан тоже был косвенно причастен. Зло, которое он творил, как болото затягивает и его самого. Он тоже погибает – замерзает в одиночестве в трясине соленого озера, олицетворяющего некий символ зла. "Симфония мертвецов" – роман, в котором осуждены многие пороки человечества – глупость, зависть, фанатизм, попрание прав близких, лицемерие, алчность. Вырождающееся больное общество представлено в романе в масштабе маленькой семьи, у которой нет никаких жизненных перспектив.

Герои романа поражены отвратительными проявлениями зла и зависти. Исключение составляет лишь средний брат, который оказывается одной из жертв полубольных – полубезумных страстей. Отец семейства – деспот, невежда, ханжа, лицемер, нечист на руку. Самовлюбленный младший брат Урхан, завистлив, властолюбив, склонный к преступным наклонностям. Мать и дочь – женщины с психологией рабынь, покорные и униженные. Старший брат Юсеф – жалкий злосчастный калека. Здоровая и тонкая натура среднего брата Айдина упорно сопротивляется натиску окружающей среды, но и она не выдерживает жуткого напора царящего вокруг зла: Айдин сходит с ума.

Некоторые иранские критики сравнили этот роман с повестью Фолкнера "Шум и ярость", имея в виду тему распада семьи, пренебрежения к традиционным отношениям. Но в "Симфонии мертвецов" разрушение семейных уз наоборот скорее связано с упорным бессмысленным сохранением отживающих, не имеющих рационального объяснения традиций.

В романе отсутствует голос рассказчика. Ни один из образов романа не может трактоваться как выразитель точки зрения автора и ни одного из них нельзя рассматривать в качестве объективного свидетеля событий. Внутренние монологи каждого персонажа обнаруживают лишь индивидуальные представления, являясь лишь их личностной характеристикой. Так, Урхан – это только один из трех рассказчиков. Два других – Айдин и его жена Сурмелина освещают те же события, но трансформированные его или ее восприятием. Читателю остается роль беспристрастного наблюдателя и слушателя множества противопоставимых монологов, из которых складывается вся история.

В такого рода многоплановой композиции логичны неожиданные переключения в ходе напряженного пересказа, которые намеренно разрушают его последовательность. Однако все это говорит лишь о продуманном желании автора слить точку зрения рассказчика с внутренним миром каждого персонажа в отдельности. В дополнение к этому, писатель постоянно перемежает потоки сознания действующих лиц с диалогами, создавая удивительно многоцветную картину, обогащаемую разного рода ракурсами.

Эстетические поиски иранских писателей–авангардистов конца 80–х и первой половины 90–х годов очевидным образом прослеживаются и в контексте влияния европейского и латиноамериканского модернизма.

Творчество Хушанга Гольшири ("Потерянная овечка Раи", 1990), Исмаила Фасиха ("Сорайя в коме" (1983), "Зима 1983 года" (1986), "Старое вино" (1994)), Махмуда Киянуша ("Ныряльщик и рыба", 1990),

(Даже при нормальн

Шахрнуш Парсипур (Туба и смысл ночи", 1988), Аббаса Маруфи (Симфония мертвецов", 1989) и других писателей свидетельствует о том, что и в персидской литературе утвердились тенденции новаторства, желание выйти за рамки безусловного реализма.

В то же время иранские писатели, творчество которых стало утвердившимся фактом современной персидской литературы, по своему духу безусловно принадлежат к национальной культуре, традиции которой были народным достоянием в течение многих столетий. Используя их, или наоборот отталкиваясь от них, истинный художник всегда остается выразителем народного сознания.

Следует особо отметить, что талант молодых раскрылся не на пустом месте – еще и Садек Хедаят, и Садек Чубак, и Эбрахим Голестан своим творчеством подготовили почву для проявления новых, в 60–70-е годы еще неустоявшихся стремлений выразить себя. Влияние мировой литературы в лице Кафки, Джойса, Фолкнера, Хемингуэя, Сэлинджера, Маркеса и других хоть и отрицалось иногда (по-видимому, из соображений субъективного характера), их последователями в иранской прозе, но никак не может быть вычеркнуто из характеристики методов этих иранских авторов. С начала века персидская проза развивалась во взаимодействии с интернациональными литературными процессами, т.к. еще в конце 19 века прошло время средневековой обособленности персидской литературы. Новое время заставило иранцев включиться в общемировой процесс культурного развития.

Европейские и американские литературные традиции принципиально отличны от письменных традиций Востока. Тем не менее, современная персидская проза удивительным образом приблизилась по своему характеру к европейской и американской. На примере писателей–модернистов это особенно заметно. Трудно определить пока, является ли это достижением, или, наоборот – негативным фактором, свидетельствующим об отходе от национальной традиции. Однако, если проследить, как в 20-ом веке трансформировались и другие национальные литературные традиции Восточных стран – Японии или Турции, например, – то можно придти к предположению об общечеловеческих гуманистических путях развития культуры,

Преодолев кризис, вызванный глубокими катаклизмами во всех сферах национальной жизни, современная иранская проза, несомненно, вновь вливается в мировой литературный процесс, подчиняясь общим закономерностям его развития. Доказательство этому – в художественных поисках прогрессивных деятелей иранской литературы, сохраняющих верность традициям персидской культуры в сложных условиях современной внутривосточной и идеологической обстановки в стране.

1 Гофтогу ба Хушанг Гольшири. Рузнамэе “Аяндеган”, 11 декабря 1969.

2 Хушанг Гольшири, Мэсле хамише, Техран, 1968.

3 Андре Мальро. Зеддэ хатерат, Техран, 1984, с. 28.

4 Хушанг Гольшири. Шазде Эхтеджаб, Техран, 1968.

5 Хушанг Гольшири, Кристин ва Кид, Техран, 1971.

6 Хушанг Гольшири, Намазханэе кучеке ман, Техран, чапе 2, 1985.

7 Хушанг Гольшири, Масумэха.

8 Хушанг Гольшири, Баррэйе гомшодэйе Раи, чапе 2, Стокгольм, 1990.

9 Хушанг Гольшири, Джоббэ–ханэ, Техран, 1981.

10 Хушанг Гольшири. Пандж гандж. Стокгольм. 1989.

11 Исмаил Фасих, Хаке ашна. Техран, 1970.

12 Исмаил Фасих, Шарабэ хам, Техран, 1968.

13 Исмаил Фасих, Дэле кур, Техран, 1973.

14 Исмаил Фасих, Сорайа дар агма, Техран, 1983.

15 Исмаил Фасих. Зэмэстанэ 62, Техран, 1986.

16 Махмуд Киянуш. Гаввас ва махи. Техран, 1990.

17 Шахрнуш Парсипур “Саг ва зэмэстанэ боланд”. Техран, 1976.

18 Шахрнуш Парсипур, “Авизэхайе болури”, Техран, 1977.

19 Шахрнуш Парсипур. Таджробэхайе азад, Техран, 1978.

20 Шахрнуш Парсипур. Туба ва маънаие шаб, Техран, 1989.

21 Аббас Маруфи. Самфонийе мордэган, Техран, 1989.

"THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN IN 1990'S
(ECONOMICS, POLITICS, CULTURE)"
(COLLECTION OF ARTICLES)

The important geopolitical changes took place in our world in 1990's. Breakdown of the USSR and ulterior reinforcement of the Russia' foreign policy in the East direction in 1990's led to the growth of geopolitical role of Iran that became an important factor of its development in that period. These questions fell one of the main subjects in some articles of the above mentioned collection.

Iranian leadership tries to find the possibilities for Iran' development in the frames of existing tendencies in the world but on the national base, in the scope of persisting political system. Iran is trying to find its own way of development, so called "Iranian capitalism", which may give an opportunity to take into consideration national and simultaneously religious traditions of Iranian society.

How do these changes descend in this country in 1990's and what is their influence on the different spheres of life in Iran? The authors of the present collection of articles endeavored to give an answer on the above mentioned issues.

In common the articles give an apprehension about different aspects of Iranian society' life in 1990's touching also those problems that were born in the past. The most part of articles devotes to the analysis of Iranian foreign and regional policy including the forecast of its relation with Russia. The views that were given by the authors in their articles don't coincide with each other. This especially applies to the possibility of export of "Iranian revolution", geopolitical role of Iran and concurrences or contradictions between Russia and Iran on different events. But at the same time it gives an opportunity to show the bright palette of opinions of the scholars from various oriental centers. One can see the same different approach in the articles devoted to the political and economic situation in Iran.

Cultural, ideological aspects of the life of Islamic Republic of Iran are also available in this book including literature, language policy and evolution of cultural doctrine.

Authors hope that the collection of articles helps the readers to know better about the situation in Iran in the last decade of our century and enforces to take thought about the problem of interrelation between new and traditional ideas. Probably it will also permit to throw a view on the possibilities of adaptation Islamic forms of society conformation to the technological demands of the modern development, on interconnection between different types of civilization, on the role of contemporary Islamic order of Iran in its age-long history.

(Даже при нормальн

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Лицензия ЛР № 040753 от 10.04.1996 г.

ИСЛАМСКАЯ РЕСПУБЛИКА ИРАН В 90-е ГОДЫ
(ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА)

Институт востоковедения РАН
103031, Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12
Редакционно-издательский отдел
Зав. Отделом Ю.В.Чудодеев

Подписано в печать 27.01.98 г.	
Формат 60x90/16. Печать офсетная.	
Бумага офсетная №1.	Объем
10,05 уч. изд. л.	
Тираж 700 экз. Тип. зак. 1000	
Типография КТ РФ	